

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Разоружение — путь к прочному миру

Японские варианты концепции «среднего пути»
и их адепты

К пятидесятилетию VI съезда КПК

Сян Ин — мужественный сын китайского
рабочего класса

Сотрудничество ученых СССР и МНР

Искусство слова и время

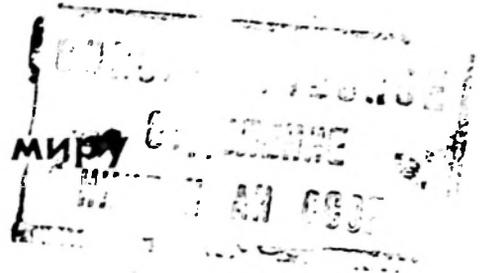
*Литературный отдел
137-148*

2

1978

20000

Разоружение — путь к прочному миру

Вся история внешнеполитической деятельности Советского государства — это история неутомимой и целеустремленной борьбы за мир, за перестройку международных отношений. «Международные отношения,— подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев на торжественном заседании в Кремле, посвященном 60-летию Великого Октября,— находятся сейчас как бы на перекрестке путей, ведущих либо к росту доверия и сотрудничества, либо к росту взаимных страхов, подозрений, накопления оружия,— путей, ведущих, в конечном счете, либо к прочному миру, либо в лучшем случае к балансированию на грани войны. Разрядка дает возможность избрать путь мира. Упустить эту возможность было бы преступлением. И самая важная, самая неотложная задача сейчас — это прекратить захлестнувшую мир гонку вооружений».

Вопросы войны и мира особенно волнуют человечество сегодня в связи с опасностью применения ядерного оружия. Человечеству по-прежнему угрожает зловещий союз милитаристов с монополиями, империалистический военно-промышленный комплекс. Ныне на земном шаре каждый год тратится более 300 млрд. долл. на все возрастающую гонку вооружений, из которых более трети приходится на бюджет Пентагона, стремящегося усилить военную напряженность. Угроза делу всеобщей безопасности заставляет народы мира задуматься над своим будущим.

В современных условиях борьба за надежную всеобщую безопасность на нашей планете приобрела первостепенную важность, чрезвычайное значение. Трагический опыт двух мировых пожаров, затеянных империализмом, опасность чудовищной термоядерной катастрофы не оставляют другой разумной альтернативы.

Вот почему среди внешнеполитических задач, выдвинутых XXIV и XXV съездами КПСС, одной из самых актуальных и неотложных является принятие действенных мер к недопущению расползания ядерного оружия по планете. «Его расползание от страны к стране,— отмечал товарищ Л. И. Брежнев в выступлении 29 мая 1977 г. по советскому телевидению,— не усилит безопасность ни одной из них и никак не может способствовать сохранению того относительного равновесия, которое сложилось к настоящему времени. Но оно увеличит опасность возникновения ядерного конфликта, пусть даже случайного. А тогда никакие «ядерные зонтики» не прикроют от смертоносной грозы. Вот почему нужны дальнейшие усилия для действенного, универсального решения этой проблемы».

В последние годы на основе коренных изменений в соотношении сил в мире происходит глубокая перестройка всей системы международных отношений. Такая перестройка находит свое практическое воплощение прежде всего в развитии процесса разрядки международной напряженности. Успехи, достигнутые в оздоровлении международного климата, стали возможны в первую очередь благодаря возросшей мощи Советского Союза и других социалистических государств, их по-

3.4 208

следовательной миролюбивой политике, целеустремленной борьбе за мир широких народных масс на всех континентах. С полной бесперспективностью и бессмысленностью расчетов на военную победу над социализмом вынуждены считаться и правящие круги капиталистических стран. В руководящих кругах стран Западной Европы и большинства других капиталистических государств ныне преобладают реалистические подходы, заинтересованность в мирном развитии и сотрудничестве, сознание того факта, что в ядерный век этому нет разумной альтернативы. Однако дальнейшее упрочение и практическая реализация разрядки напряженности на принципах мирного сосуществования во многом зависят от того, насколько успешно и действенно политическая разрядка будет подкрепляться и дополняться разрядкой в военной области.

Наступивший после долгих лет «холодной войны» период разрядки напряженности, период активного утверждения принципов мирного сосуществования в качестве общепризнанных норм отношений между государствами с различным социальным строем, открывает новые широкие возможности для конструктивного решения важнейших внешнеполитических проблем в интересах всеобщего мира и безопасности народов. К числу таких вопросов, безусловно, принадлежит и проблема разоружения. «Добиваться прекращения растущей, опасной для мира гонки вооружений и перехода к сокращению накопленных запасов оружия» — такая задача поставлена в выдвинутой XXV съездом КПСС Программе дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов продолжающей и развивающей Программу мира, одобренную XXIV съездом КПСС. Внешняя политика Советского государства, направленная на реализацию Программы мира, получила в мировой печати название «мирного советского наступления», которое наша страна ни на день не прекращает и не намерена прекращать. В разоружении заинтересованы все народы, поскольку каждая результативная договоренность в данной области — это одновременно еще один шаг, направленный на ослабление опасности ракетно-ядерной войны с ее губительными последствиями.

С первых дней своего существования молодая Советская Республика отстаивала идею разоружения в своих внешнеполитических акциях. Так, правительство РСФСР в своей ноте западным правительствам от 19 июля 1921 г. по поводу созыва конференции в Вашингтоне, где рассматривался вопрос о разоружении, сообщало, что «Российское правительство может лишь с радостью приветствовать всякое разоружение или сокращение военных расходов... Однако оно считает необходимым предварительно выяснить гарантии, которые могут быть предоставлены в том, что это разоружение будет действительно осуществлено, принимая во внимание, что возможность этих гарантий в настоящее время представляется ему довольно сомнительной. Тем не менее самая мысль о разоружении не может представляться ему иначе, как заслуживающая поощрения» (50 лет борьбы СССР за разоружение. М., 1967, стр. 17).

По инициативе В. И. Ленина советское правительство в 1922 г. на Генуэзской конференции выдвинуло широко известное предложение, предусматривающее всеобщее радикальное сокращение вооружений. Советский Союз в 20-х и 30-х годах не раз выдвигал конкретные предложения, направленные на сокращение вооружений. Но они были отвергнуты империалистическими державами. После второй мировой войны наша страна повела решительную борьбу за ликвидацию материальной базы ведения войн, за пресечение гонки вооружений, предста-

вив в 1959 г. на XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН план всеобщего и полного разоружения. Год спустя Советский Союз передал на рассмотрение ООН, а затем в Комитет по разоружению важнейший документ — «Основные положения Договора о всеобщем и полном разоружении», в котором предусматривались осуществление роспуска всех вооруженных сил государств и запрещение восстанавливать их в какой бы то ни было форме; запрещение и уничтожение всех запасов и прекращение производства всех видов вооружений, включая атомное, водородное, химическое, биологическое и другие виды оружия массового уничтожения, ликвидация всякого рода военных баз, вывод и роспуск всех иностранных войск, находящихся на территории любого государства, и другие мероприятия. Однако западные страны, проводя политику «с позиции силы» и добиваясь военного превосходства над СССР, отвергли предложенный нашей страной план. В условиях блокирования агрессивными кругами Запада проблемы всеобщего и полного разоружения СССР выдвинул целый ряд предложений, направленных на ограничение гонки вооружений по отдельным, и прежде всего наиболее опасным, направлениям, связанным с появлением новых видов оружия массового уничтожения. Большую угрозу делу мира, самому существованию человеческой цивилизации представляет ядерное оружие. Вот почему проблема ликвидации ядерной угрозы приобрела первостепенное значение в общей программе мер, направленных на обуздание гонки вооружений, на разоружение.

Угроза ядерной войны неизмеримо возросла бы, если в процесс создания ядерного оружия втянулись бы другие страны, не имеющие такого оружия. Наша страна всегда считала, что необходимо надежно предотвратить дальнейшее распространение ядерного оружия. На этот счет Советским Союзом делались предложения во многих внешнеполитических акциях, а в 1965 г. он внес на рассмотрение XX сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект договора о нераспространении ядерного оружия. Когда такой договор был заключен, СССР добивался, чтобы он стал подлинно универсальным. Советский Союз как в ходе двусторонних переговоров, так и на многочисленных конференциях выступает за реализацию принципа нераспространения, за то, чтобы международное сотрудничество в области мирного использования ядерной энергии не стало каналом расползания ядерного оружия. Однако Советский Союз никогда не рассматривал запрещение распространения ядерного оружия как самоцель, как средство закрепления «ядерной монополии» за несколькими великими державами. Добиваясь принятия эффективных мер в области ядерного разоружения, СССР в 1968 г. предложил, в частности, немедленно приступить к переговорам о прекращении производства, сокращении и ликвидации запасов ядерного оружия под соответствующим международным контролем, договориться о конкретных шагах в области ограничения и последующего сокращения стратегических средств доставки ядерного оружия, безотлагательно запретить полеты бомбардировщиков с ядерным оружием на борту, а также прекратить патрулирование подводных атомных ракетноносцев в пределах досягаемости ракет до границ договаривающихся сторон и ряд других мер.

Советские предложения по вопросам разоружения отличают их актуальность и реалистичность. Они выдвигаются в результате всестороннего марксистско-ленинского анализа международной обстановки, перспектив ее развития. Отличительной их чертой является то, что они исходят из принципа нанесения ущерба интересам национальной безопасности участников соглашения по вопросам сдерживания гонки

вооружений и разоружения. Советский Союз, выступая последовательным борцом за разоружение вплоть до всеобщего и полного, всегда исходит из того, что любые шаги в этой области не должны и не могут наносить ущерба интересам его национальной безопасности, безопасности его союзников и друзей, безопасности всех народов.

Советский Союз неизменно выступал и выступает за принятие действительных и эффективных мер, в данном вопросе выражая готовность осуществить как всеобщее и полное разоружение, так и частичные меры в этой области в зависимости от того, как далеко готовы пойти страны Запада, и при условии, разумеется, равноправия; отказ от извлечения военных преимуществ какой-либо стороной при обеспечении безопасности в равной мере для всех.

Настойчивые усилия нашей страны, действующей рука об руку с другими социалистическими государствами, продолжают приносить позитивные результаты в сдерживании гонки вооружений.

Важное принципиальное значение имело бы успешное завершение советско-американских переговоров с целью заключения нового, второго соглашения об ограничении наступательных стратегических вооружений, а также договора о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Это явилось бы стимулом для осуществления дальнейших международных действий по сдерживанию гонки вооружений.

За последние месяцы советско-американские переговоры по этому вопросу продвинулись вперед, стала вырисовываться возможность их завершения. Но в США начали проявлять усиленную активность те, кто стремится превратить их в рычаг нажима на СССР по самым различным международным проблемам. Стремление некоторых политических деятелей США оказывать нажим на Советский Союз, ставя при этом под угрозу переговоры по таким важнейшим вопросам, как ограничение стратегических вооружений, может завести весьма далеко. Если США пойдут по такому пути, «в конечном итоге,—отмечает «Нью-Йорк таймс»,—соглашение об ограничении стратегических вооружений было бы поставлено в зависимость от предварительного урегулирования всех других советско-американских споров. Эта тактика явно не будет эффективной».

По сообщениям американской печати, общественность страны считает, что настало время для завершения переговоров об ограничении стратегических наступательных вооружений и подписать соответствующее соглашение с Советским Союзом. Такое соглашение отнюдь не в интересах только СССР. Оно в не меньшей степени нужно и Соединенным Штатам. Усилия по ограничению ядерных вооружений, как заявили члены палаты представителей американского конгресса П. Тсонгэс и Д. Бонкер, «отвечают интересам как США, так и Советского Союза».

Подтверждая справедливость такого вывода, видный американский политический деятель сенатор Э. Кеннеди неоднократно высказывался за скорейшее заключение нового соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений между США и СССР. Выступая в Сан-Франциско, он подчеркнул, что это соглашение помогло бы поставить под контроль и постепенно сократить запасы ядерных вооружений, накопленных в мире. Первостепенной задачей внешней политики США, отметил Э. Кеннеди, должно быть предотвращение ядерной войны и установление отношений сотрудничества между крупнейшими державами. Лишь избавившись от угрозы ядерной катастрофы, можно обратить все усилия на созидательное строительство.

«Фундамент отношений нашей страны с США,—сказал на заседа-

нии Президиума Верховного Совета СССР 24 февраля этого года товарищ Л. И. Брежнев,— заложен, как известно, целой серией соглашений и договоренностей, которые были достигнуты за прошедшие несколько лет в результате переговоров на высшем уровне. Возможности для углубления и расширения сотрудничества между СССР и США созданы. Но сегодня, к сожалению, приходится констатировать, что путь к этому сотрудничеству все еще загромождают всякого рода препятствия. Их создают силы, не заинтересованные ни в добрососедских отношениях между СССР и США, ни в разрядке международной напряженности вообще».

Настало время, чтобы в Вашингтоне серьезнее задумались над вопросами, встающими в связи с переговорами об ограничении стратегических вооружений, по-настоящему осознали, сколь многое поставлено на карту. 21 октября 1977 г. в интересах укрепления военной разрядки в Европе товарищ Л. И. Брежнев в своей речи в Кремле выдвинул предложение «заключить между участниками общеевропейского совещания договор о неприменении ядерного оружия первыми друг против друга». Проект такого договора предложен странами Варшавского Договора. Понятно, что если все участники такой договоренности будут ее соблюдать, отметил товарищ Л. И. Брежнев, то это вообще исключит развязывание ядерной войны в Европе, а также между европейскими странами и США, Канадой.

Воплощая в жизнь намеченные XXV съездом КПСС планы коммунистического строительства, наша страна делает все для того, чтобы ослабить и в конечном итоге устранить опасность нового мирового конфликта. Этим целям служат также многочисленные советские мирные инициативы, которые находились в центре внимания XXXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Не случайно красной нитью через всю работу сессии проходила идея углубления и упрочения разрядки напряженности. На ней рельефно проявилось стремление подавляющего большинства стран сообща решать наиболее жгучие проблемы человечества. Принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем вновь получили отражение в принятых Ассамблеей документах.

Всеобщее внимание привлекло предложение Советского Союза «Об углублении и упрочении разрядки международной напряженности и предотвращении опасности ядерной войны». В ходе дискуссии многие делегации поддержали идею углубления разрядки, распространения ее на все районы мира и различные сферы международных отношений. Такое одобрение прозвучало в выступлениях делегаций социалистических государств, Индии, Австрии, Алжира, Мозамбика, Финляндии, Франции и ряда других стран. Ряд стран Запада, вначале пытавшихся воспрепятствовать принятию Декларации об углублении и упрочении разрядки международной напряженности, в конечном счете не решился открыто выступить против нее, ограничившись оговорками по отдельным положениям. В итоге документ был одобрен без голосования, и только после его принятия делегация Китая заявила, что «отмежевывается» от него. Принятие Декларации — основополагающего международного документа — должно на многие годы определить одно из главных направлений в работе ООН.

На закончившейся в марте с. г. Белградской встрече Советский Союз и другие социалистические страны выступили с конкретными предложениями, направленными на углубление процесса разрядки, ограничение вооружений, расширение сотрудничества в экономической, научно-технической, культурной и других областях. Встреча проходила

в дни, когда широко отмечалась 60-я годовщина Великого Октября. Доклад Генерального Секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева «Великий Октябрь и прогресс человечества» на торжественном заседании в Кремле и Обращение ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР «К народам, парламентам и правительствам всех стран мира» внесли новую живую струю в работу Белградской встречи. Эти важные документы были распространены среди ее участников, которые с трибуны дворца конгрессов «Сава» и на неофициальных встречах высказали много слов признательности в адрес нашей страны, провозгласившей шесть десятилетий назад первым своим законом Декрет о мире. Особое внимание было обращено на тот факт, что в новой Конституции Советского Союза четко сформулированы миролюбивые цели нашей внешней политики, отражены все десять принципов взаимоотношений между государствами, провозглашенных в Заключительном акте общеевропейского совещания. На этой встрече инициативы СССР и других социалистических государств вызывали широкий отклик и ложились в основу полезного диалога. Главным итогом Белградского форума является то, что он продемонстрировал решимость европейских народов следовать и далее по пути, начатому в Хельсинки, где, по общему признанию, было положено начало новому этапу разрядки напряженности, укреплению принципов мирного сосуществования и сотрудничества государств с различным общественным строем.

Однако в ходе Белградской встречи отчетливо проявился разный подход двух миров — социализма и капитализма — к основным проблемам современности. Если представители стран социализма направляли свои усилия на укрепление разрядки напряженности, на создание условий для прекращения гонки вооружений, то делегации западных стран уходили от обсуждения этих коренных вопросов, ссылаясь на то, что они якобы не входят в компетенцию этого форума. В результате из-за противодействия Запада не удалось договориться о проведении консультаций по вопросам прекращения гонки вооружений и постепенного разоружения.

Но важно то, что все 35 государств — участников Белградской встречи вновь подтвердили свою приверженность Заключительному акту как долгосрочной сбалансированной программе.

Однако, несмотря на достигнутые в этой области определенные успехи, наращивание вооружений продолжается, приобретая все более опасные размеры. Производятся новые разновидности и типы оружия массового уничтожения. Для противников разрядки напряженности упрочение безопасности народов, расширение разносторонних связей между социалистическими и капиталистическими странами — словно кость в горле. Влиятельные империалистические круги, военно-промышленные комплексы и выполняющие их волю милитаристы НАТО стремятся остановить позитивное развитие в мире, вернуть человечество к недоброй памяти временам «холодной войны», к балансированию на грани войны «горячей». Они раздувают всякого рода клеветнические антисоветские кампании, и наращивают гонку вооружений, приобретающую все более опасные формы.

Менее двух лет отделяет Вашингтон от того дня, когда, вступая в должность, 39-й президент США Дж. Картер говорил с трибуны на ступенях Капитолия о намерении «вести наши войны против бедности, невежества и несправедливости», добиваться «ликвидации всего ядерного оружия на нашей планете». Но вместо обещанного в ходе предвыборной кампании сокращения военных расходов на 5—

7 млрд. долл. уже в первом бюджете новой администрации ассигнования Пентагону были увеличены почти на 10 млрд. Здесь уместно отметить также, что наряду с количественным увеличением ассигнований Пентагону готовится качественная эскалация гонки вооружений.

В последнее время над миром нависла новая угроза в связи с планами Пентагона и НАТО приступить к производству нового варварского оружия — нейтронной бомбы и разместить его в странах Западной Европы. Пентагон и его адвокаты лицемерно пытаются агрессивное оружие, предназначенное для массового уничтожения людей при одновременном сохранении материальных ценностей, выдать за «тактическое», чуть ли не «невинное».

Наша страна решительно выступает против создания нейтронной бомбы. «Но если эта бомба будет создана на Западе — создана против нас, чего никто даже не скрывает, — заявил Генеральный Секретарь ЦК КПСС, Председатель Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев, отвечая на вопросы корреспондента «Правды», — то там должны отдавать себе ясный отчет в том, что СССР не останется пассивным наблюдателем. Мы будем поставлены перед необходимостью дать ответ на этот вызов в целях обеспечения безопасности советского народа, его союзников и друзей. В конечном итоге все это поднимает на еще более опасный уровень гонку вооружений...»

Советский Союз не был и не будет инициатором гонки вооружений. Как известно, первые шаги в гонке вооружений делал не СССР, а Соединенные Штаты Америки. Так, например, в США появились: атомная бомба, затем атомные ракетные подводные лодки, касетные боеголовки, потом крылатые ракеты и нейтронная бомба. И это не последнее оружие, которое куется в стенах Пентагона. В этой связи Советский Союз вынужден предпринимать соответствующие меры только для обеспечения своей безопасности, только для того, чтобы дать отпор агрессии. Наша страна никогда ни на кого не нападала, нападали на нас, в результате чего погибли миллионы наших граждан; мы не хотим и не допустим этого впредь. Не Советский Союз и не социалистические страны придумали военные группировки: Организация Варшавского Договора была создана шесть лет спустя после появления НАТО. И сейчас они не намерены мириться с расколом Европы на военные блоки. Но в империалистических кругах отнюдь не собираются подводить черту под блоковой и базовой стратегией. Натовские круги штопают сеть своих баз там, где она трещит под напором миролюбивых сил, ищут новые опорные пункты.

Так, в недавнем интервью журналу «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» советник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский заявил, что одна из задач Соединенных Штатов состоит в том, чтобы укрепить связи с союзниками и развивать «более близкие отношения со многими новыми державами, имеющими большое региональное или международное значение». Упор, как показывают факты, делается прежде всего на Японию, Южную Корею.

В последнее время Вашингтон уже не удовлетворяется тем, что имеет на территории Японии военные базы, что боевые корабли 7-го флота с ядерным оружием на борту постоянно заходят в японские порты. Соединенные Штаты все активнее толкают Японию на путь милитаризации, требуя, чтобы она взяла на себя более значительную роль в рамках японо-американского «договора безопасности», настаивая на усилении боевой мощи японской армии за счет увеличения закупок американского вооружения. Даже раздаются заявления о возможности пре-

доставления Японии ядерного оружия. Хотя в статье девятой конституции Японии говорится, что в стране никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства ведения войны.

Однако вопреки этому положению в Японии уже давно вновь существует армия, насчитывающая свыше 260 тыс. солдат и офицеров. Милитаризация захлестнула и Южную Корею, в которой с помощью США создана крупная военная машина. Пентагон форсирует программу усиления американских ВВС, разместившихся на южнокорейской территории, ВМС, дислоцирующихся в этом районе.

Среди таких «новых держав», с которыми, как говорил З. Бжезинский, стремятся развивать «более близкие отношения» США, являются Китай и Индия. Однако позиции этих стран в вопросе об американском присутствии в Азии различны. Если пекинское руководство недвусмысленно дает понять, что оно заинтересовано в сохранении такого присутствия, то правительство Индии выступает за ликвидацию иностранных военных баз в бассейне Индийского океана, за превращение его в зону мира.

Таким образом, Вашингтон на азиатском направлении производит не только перестановку, но и наращивание военных сил, пытается сплотить под знаменем антикоммунизма силы реакции и милитаризма, возложить на своих союзников большее бремя военных расходов. Все это противоречит кровным интересам народов, делу обеспечения мира в этом обширном районе планеты.

Естественно, в этих условиях Советский Союз и другие страны социализма считают необходимым укреплять свою обороноспособность.

Первое государство победившего социализма навсегда начертало на своем знамени слово «мир» как высший принцип своей внешней политики, отвечающей интересам нашего народа и всех других народов планеты. Прочный мир, освобождение народов от национального гнета и эксплуатации являются для советских людей неразрывной частью их представления о будущем человечества, во имя которого свершилась Октябрьская социалистическая революция и которому сегодня Советский Союз отдает все свои силы. Каждый день из различных уголков планеты поступают сообщения о нарастающей волне гневных выступлений против человеконенавистнических планов американской военщины и натовских заправил. Марши протеста, массовые демонстрации, митинги проходят в Вашингтоне и Токио, Лондоне и Дели, Париже и Ханое, других городах, участники которых решительно требуют, чтобы правительство США, натовская военщина отказались от производства нейтронного оружия и намерения разместить его в западных странах.

Большую позитивную роль имеет воззвание 28 коммунистических и рабочих партий, призвавших народы не допустить производства нейтронной бомбы. Международные и национальные демократические движения развернули повсюду активную организационную работу. Особенно широко ведут ее массовые организации сторонников мира. Советские борцы за мир вместе с борцами за мир в братских социалистических странах единодушно включились в борьбу за предотвращение нового опаснейшего витка гонки термоядерных вооружений. В этой борьбе крепнет единство людей, принадлежащих к самым различным политическим течениям, но в равной степени жизненно заинтересованных в устранении угрозы ядерной войны. Не только прогрессивные деятели, но и многие представители консервативного направления по-

литической мысли решительно требуют от своих правительств сказать «нет» Пентагону.

С решительным осуждением производства нейтронной бомбы и ее размещения в Западной Европе выступили многие международные неправительственные организации — состоявшаяся в Хиросиме Международная конференция против атомной и водородной бомбы, конгресс Международной лиги женщин за мир и свободу, большинство участников заседания бюро Социалистического интернационала, состоявшегося в Мадриде, и многие другие. Прогрессивные силы планеты с большим удовлетворением встретили советское предложение странам Запада договориться о взаимном отказе от производства нейтронной бомбы. Реалистические идеи, важные инициативы и практические предложения СССР, направленные на прекращение опасной гонки вооружений и разоружение, отвечают сокровенным чаяниям всех людей доброй воли. Они хотят прочного мира и решительно осуждают действия, ведущие к усилению угрозы новой мировой войны.

Главное, на чем сосредоточивают сейчас усилия наша страна и братские страны социализма, — это до конца устранить угрозу ядерной войны, добиться, чтобы позитивные перемены в международных отношениях стали устойчивыми, углубить и упрочить разрядку, сделать процесс ее развития необратимым, остановить гонку вооружений.

Однако каждый шаг в направлении к разоружению достигается в упорной борьбе с силами милитаризма, реакции и войны. Они пытаются возродить в международных отношениях обстановку недоверия и балансирования на грани войны, усиленно добиваются расширения существующих и создания новых агрессивных военных блоков, стремятся достичь военного превосходства над странами социалистического содружества.

Наиболее агрессивные представители империализма, выразители интересов военно-промышленного комплекса по-прежнему делают ставку на политику «с позиции силы», разжигают гонку вооружений, раздувают военные бюджеты, стремятся к накоплению все новых и новых запасов самых смертоносных видов оружия. Они поддерживают очаги напряженности, провоцируют военные конфликты. В целях оправдания гонки вооружений, империалистическая реакция пытается исказить суть мирных инициатив Советского Союза и других стран социализма, извратить смысл наших сугубо оборонительных мероприятий. Защитники военно-промышленного комплекса клеветают на социализм, усиленно распространяют ложь о так называемой «советской угрозе». Однако в действительности никакой военной угрозы со стороны Советского Союза не существовало и не существует.

В одной упряжке с мировой реакцией действует китайское руководство. Пекин всячески стремится разжечь вражду и ненависть между народами, ведет злобную, враждебную Советскому Союзу пропаганду, упорно противодействует всем мирным инициативам социалистических стран, направленным на разрядку и упрочение мира, смыкается с империализмом и реакцией. Китайское руководство рассчитывает, что в условиях международной напряженности ему будет легче добиваться осуществления своих амбициозных планов, направленных на завоевание ведущего положения в мире. Оно ставит перед собой цель ускоренными темпами создать в стране мощный военный потенциал. Поэтому Пекин не только не относит разоружение к числу практических задач внешней политики КНР, но и оказывает ожесточенное противодействие усилиям Советского Союза, стран социализма и других государств,

активно борющихся за избавление человечества от угрозы новой мировой войны.

Незанимательность китайского руководства решать проблему разоружения и его сопротивление любым, в том числе частичным, мерам по ограничению гонки вооружений диктуются сегодняшней внешней и внутренней политикой Пекина. Китайское руководство и после смерти Мао продолжает проводить экспансионистский курс на международной арене и затевает опасные для дела мира политические комбинации с силами империализма. Оно по-прежнему вынашивает планы экспансии в Азии, выступает с территориальными претензиями и угрозами по адресу некоторых соседних с Китаем государств. В КНР ускоренными темпами продолжается гонка ракетно-ядерных вооружений, нагнетается милитаристский психоз. На нужды вооружения расходуются колоссальные средства, китайскому народу предписывается отказываться себе во всем, терпеть материальные лишения, так как стране будто бы грозит «нападение извне». Бросая вызов мировой общественности и подавляющему большинству стран мира, Пекин продолжает ядерные испытания в атмосфере, что вызывает радиоактивное заражение окружающей среды и угрожает здоровью миллионов людей как в самом Китае, так и в соседних с ним странах. В последнее время в Пекине активизируются ракетно-ядерные приготовления, с тем чтобы подкрепить его великодержавные претензии на мировой арене. Как известно, позиция Китая в вопросах разоружения в значительной степени определяется антисоветскими устремлениями нынешних китайских лидеров.

Как известно, нынешнее руководство Китая продолжает усилия по сближению с США и другими империалистическими государствами в вопросах военно-политического сотрудничества и проведения совместных акций против миролюбивой внешней политики СССР и других стран социализма. Пекинское руководство поощряет военные приготовления и гонку вооружений стран НАТО. Со штаб-квартирой этого агрессивного блока оно установило контакты еще в 1975 г. и с тех пор, по существу, координирует с ним свои действия. Со всей очевидностью это проявилось в одобрении Китаем отрицательной реакции НАТО на предложение стран социалистического содружества заключить Договор о неприменении первыми ядерного оружия, в нападениях пекинской пропаганды на инициативы социалистических стран в связи с переговорами о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Пекинские лидеры без конца поучают западные страны, дают им свои советы и рекомендации относительно методов борьбы против СССР, который неизменно изображается в качестве общего главного противника. Они также провоцируют США занимать жесткую позицию на переговорах по вопросам об ограничении стратегических вооружений.

Китайское руководство в беседах с делегацией членов американского конгресса, посетившей Китай в апреле 1977 г., советовало США «действовать быстро и решительно» против СССР. Пекин открыто выступает в качестве апологета новой мировой войны и поэтому противится любым мерам в области разоружения. Пекинские лидеры, пользуясь активизацией врагов мира на Западе и оказывая им всемерную поддержку, стремятся повернуть вспять процесс разрядки. Свои действия в этом направлении они камуфлируют лживыми утверждениями, будто политика разрядки не выдержала проверки временем, она, мол, не что иное, как ширма «советской экспансии и агрессии», будто обще-

европейское совещание оказалось бесплодным, привело якобы к «усилению опасности».

Борьба Советского Союза и других стран социализма за разрядку международной напряженности, за разоружение, против опасности войны и разработки новых средств массового уничтожения вызывает самую враждебную реакцию пекинских лидеров. Как подчеркивает финская газета «Кансан уутисет», «потребности правых газет в информации, направленной против напряженности и политики мира Советского Союза, удовлетворяются теперь с помощью... китайского руководства».

Большую опасность для всех миролюбивых сил представляют лихорадочные попытки пекинских лидеров сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять недоверие и вражду между народами и государствами, их стремление спровоцировать мировую войну, а самим погреть на этом руки. Поджигательская политика Пекина глубоко противоречит интересам всех народов, и ей необходимо давать решительный отпор.

Наращивая гонку вооружений, империалистические круги, подогреваемые Пекином, вступают на путь, который нельзя квалифицировать иначе как недалновидный и бесперспективный. Такая политика игнорирует исторический опыт, который убедительно опровергает расчеты на то, что мир социализма можно запугать угрозами, в том числе ядерными, заставить подчиниться империалистическому диктату. Об этом свидетельствует банкротство выдвигавшихся агрессивными кругами США в послевоенный период военно-политических доктрин «сдерживания коммунизма», «массированного возмездия», «гибкого реагирования», основывавшихся на «позиции силы». Закрывая глаза на уроки прошлого, на провал своих экспансионистских целей и установок, агрессивно настроенные империалистические политики оказываются в положении тех людей, которые ничему не учатся у истории. Вся послевоенная история показывает, что гонка вооружений не давала и не дает империалистическим кругам тех политических или стратегических дивидендов, на которые они рассчитывают.

Нсустанная деятельность Страны Советов в защиту мира, за разоружение и обеспечение международной безопасности способствует укреплению авторитета Советского Союза как миролюбивой державы и в то же время подрывает авантюристическую внешнеполитическую платформу Китая. Борьба за прекращение гонки вооружений, как ядерных, так и обычных, за разоружение вплоть до всеобщего и полного является одним из важнейших направлений внешнеполитической деятельности Советского Союза. Наша страна прилагает настойчивые усилия к тому, чтобы найти взаимоприемлемую основу для достижения соглашения о разоружении со всеми государствами, в том числе и с КНР.

Ныне, когда народы властно требуют положить конец гонке вооружений, найти пути к дальнейшей разрядке международной напряженности, противникам разоружения нелегко осуществить свои планы. Тем не менее необходимо продолжать и еще более активизировать усилия народов всего мира в борьбе за разоружение, повести решительное наступление на позиции тех сил, которые пытаются помешать дальнейшему прогрессу в решении этой исключительно важной проблемы.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА

Маоизм без Мао Цзэ-дуна

Прошло более полутора лет после ухода с политической арены в Китае «великого кормчего». За это время с еще большей очевидностью обнаружилась идеологическая и политическая несостоятельность маоистского курса, заведшего одну из крупнейших стран мира в тупик во всем линиям, создавшего в Китае обстановку острого, хронического, все углубляющегося кризиса во всех сферах жизни. Интересы прежде всего самого китайского народа настоятельно требуют принятия мер к преодолению этого кризиса. Однако нынешнее пекинское руководство вопреки этим интересам с упорством, достойным лучшего применения, продолжает цепляться за порочные авантюристические установки маоизма, сохраняя в основном его стратегический курс, хотя и внося в него определенные, имеющие тактический характер коррективы.

Вопросы нынешнего положения в Китае, особенности внешне- и внутривнутриполитического курса послемаоцзэдуновского пекинского руководства были предметом обсуждения в редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока», в котором приняли участие ученые-китаеведы Советского Союза и ряда социалистических стран.

Ниже приводится изложение наиболее существенных вопросов, рассматривавшихся участниками «Круглого стола», выражающее согласованные точки зрения его участников по этим вопросам.

ВОПРОС: Как в общих чертах можно охарактеризовать положение, сложившееся в Китае, и политический курс его нынешнего руководства?

ОТВЕТ: Послемаоцзэдуновское китайское руководство не проявляет намерения сбросить путы маоизма и осуществить возврат КНР на рельсы научного социализма. Оно по-прежнему стоит на националистической и гегемонистской платформе. Вместе с тем, считая, что отдельные маоистские установки явно усугубили глубокий кризис, препятствующий ускоренному превращению КНР в мощную военную державу, пекинское руководство оказалось вынужденным приспособляться к реальным условиям жизни.

Кампания разоблачения и критики «банды четырех», развернутая нынешним руководством КНР, ставит своей целью всю ответственность за провал маоцзэдуновского курса, за кризисное состояние экономики, за удержание в течение длительного периода низкого уровня жизни народа, за развал в области культуры, образования и просвещения, за террор и пагубные последствия «культурной революции» возложить на ближайших сподвижников Мао Цзэ-дуна, оставив его самого как бы непричастным к ответственности за издержки политического курса, творцом которого он являлся.

Главную цель, которую преследует китайское руководство на настоящем этапе, составляет упрочение режима, ужесточение военно-бюрократической диктатуры, создание экономических условий наращивания военной мощи для реализации великодержавной политики. Китай

продолжает испытывать серьезные экономические трудности. Острыми остаются большие народнохозяйственные диспропорции: между производством и потреблением, потреблением и накоплением, производством средств производства и предметов потребления и т. д. Далеко не решены проблемы обеспечения растущего населения продовольствием и одеждой, снабжения легкой промышленности сырьем, подготовки квалифицированных кадров. Между тем экономическая политика нынешних китайских руководителей по-прежнему характеризуется направлением всех усилий и большей части материальных ресурсов на создание современного оружия, усиление военного производства.

Преемники Мао Цзэ-дуна восприняли и поставили себе на службу механизм власти, созданный «культурной революцией», и, опираясь на армию, осуществляют достаточно эффективный контроль над населением страны. Вместе с тем реальных условий для достижения внутренней консолидации до сих пор не создано. «Наведение порядка» в стране по-прежнему остается проблемой номер один. Для ее решения предпринимаются главным образом организационно-политические меры по преодолению анархии и восстановлению элементарного порядка на производстве и в других сферах жизни страны. «Упорядочение» идет в основном по линии чистки и укрепления «руководящих звеньев». Нынешнее китайское руководство не является монолитным и стабильным, и внутренняя борьба в нем продолжается.

В области внешней политики послемаоцзэдуновское руководство продолжает осуществление антисоциалистического, великоханьского маоистского курса. Милитаризм и провокации по-прежнему остаются главными атрибутами его стратегического курса, и осуществлять этот курс оно намерено в союзе с реакционными силами различных стран против СССР и государств социалистического содружества.

Союз с международными реакционными силами для создания антисоциалистического, антисоветского фронта замыкает цепь внешней политики великоханьских гегемонистов и делает ее не менее реакционной и опасной, чем политика наиболее воинственных и реакционных кругов империалистических стран. Политика маоистского руководства КНР на внешней арене направлена против всех миролюбивых народов, мировой прогрессивной общественности. Она противоречит и коренным интересам китайского народа.

Об этом говорят и решения происшедшей в марте нынешнего года сессии ВСНП V созыва, которые не выходят за пределы курса, утвержденного XI съездом КПК. В докладе Хуа Го-фэна на этой сессии и в других ее опубликованных материалах содержится много широко-вещательных заявлений в обычном для маоистов духе, однако все они, в том числе и сообщение о принятии 10-летнего плана развития, носят чисто декларативный характер.

Таким образом, как свидетельствуют факты, политический курс нынешнего пекинского руководства не выходит за рамки маоизма.

ВОПРОС: В заявлениях и политической практике нынешнего руководства КНР отмечаются многочисленные противоречия. Западная пресса в этих противоречиях видит будто бы начавшийся процесс «демаоизации» в Китае. Как следует оценивать этот тезис о «демаоизации»?

ОТВЕТ: В западной буржуазной прессе настойчиво муссируются утверждения о якобы происходящей в КНР «демаоизации» и переводе страны на мирное экономическое развитие. В своем анализе буржуазные пропагандисты преднамеренно берут лишь отдельные факты, от-

дельные лозунги, отрывая их от общего стратегического великоханьского курса нынешнего руководства КНР, как бы не замечая целей выдвигаемых «мирных» мероприятий.

В самом деле, нельзя не обратить внимания, что отдельные декларируемые в докладах на XI съезде КПК и первой сессии ВСНП пятого созыва мероприятия не согласуются или даже прямо противоречат многим важнейшим постулатам Мао Цзэ-дуна.

Призывы к установлению порядка в стране, с которыми обратился Хуа Го-фэн, явно не согласуются с «идеями» Мао, хотя практические дела нынешних руководителей и их беспощадные искоренения «четверки» и ее «многочисленных последователей» вряд ли на деле будут стабилизировать порядок.

Осуждение маоистских установок о том, что «политика — командная сила», и об отказе от «материального стимулирования производства» также противоречит основополагающим «идеям» Мао, хотя и это делается не в связи с желанием «демаоизировать» Китай, а ради применения более рациональных методов для достижения все тех же маоцзэдуновских великоханьских целей.

Следовательно, декларируемые нынешними руководителями «новые установки», несомненно, можно квалифицировать как отступление от маоизма в смысле изменения прежних, авантюристических маоцзэдуновских методов, но не изменения стратегических целей маоизма. Если же подвергнуть анализу все высказывания и практические дела Хуа Го-фэна и его сторонников, то нетрудно заметить, что они даже ужесточили маоистский стратегический курс, в большей степени, чем при Мао Цзэ-дуна, сделали этот курс реакционным, покоящимся не на классовой теории марксизма-ленинизма, а на явном расизме, на стремлении использовать расовые антагонизмы в мире. Нынешние руководители КНР более откровенно и открыто идут на союз с империалистическими и реакционными кругами мира.

Новые декларируемые экономические мероприятия, несомненно, более рациональны и эффективны по сравнению с маоцзэдуновскими, но по своему социальному характеру они отнюдь не гарантируют для Китая социалистический путь развития.

Такого рода мероприятия по своей социальной сущности не выражают социалистического характера способа производства. Они используются как рациональные категории буржуазного права на первой фазе коммунизма — при социализме. Общий политический курс социалистических государств, где сохраняется руководящая роль рабочего класса и коммунистических партий, гарантирует использование этих категорий в пользу социализма.

Совсем другие последствия использования буржуазных категорий в области стимулирования производства могут быть в условиях современного Китая, когда общий политический курс направлен в сторону сближения с реакционными режимами, с поисками путей привлечения в экономику КНР капиталов зарубежной китайской буржуазии. В таких условиях использование буржуазных категорий, сохранение и развитие элементов буржуазного права будут не укреплять Китай на социалистическом пути развития, не приближать его к социализму, а отдалять от него.

ВОПРОС: Насколько правомерны попытки нового китайского руководства возложить на «банду четырех» ответственность за тот глубокий кризис, к которому привел Китай маоизм?

ОТВЕТ: Совершив в 1949 г. при поддержке Советского Союза победоносную революцию, руководствуясь марксизмом-ленинизмом и принципами пролетарского интернационализма, китайский народ в первое десятилетие существования КНР добился с помощью других стран социализма крупных успехов в восстановлении народного хозяйства и в социалистическом строительстве. Однако после того, как в Китае взяла верх маоизм, дело круто изменилось. Авантюристическая маоцзэдуновская политика привела к тому, что к концу жизни Мао Китай был ввергнут в пучину страха и неуверенности в завтрашнем дне.

Совершенно очевидно, что ответственность за это лежит на всем маоистском режиме в целом и на самом Мао Цзэ-дуна, а не только на четырех его ближайших сподвижниках.

Хуа Го-фэн в докладе на I сессии ВСНП заявил: «За период с 1974 г. по 1976 г. из-за помех и вредительства «четверки» наша страна недополучила промышленной продукции общей стоимостью примерно 100 млрд. юаней, стали — 28 млн. т, а финансовых поступлений — в сумме 40 млрд. юаней; все народное хозяйство оказалось почти на грани катастрофы».

Нельзя не согласиться с Хуа Го-фэном, что китайская экономика находится в затруднительном положении. Но кто из китайцев поверит, что весь ущерб экономике нанесен только в течение 1974—1976 гг. и лишь по вине «четверки»? Известно, что именно эти годы были относительно благополучными, а ущерб народному хозяйству КНР причинен в результате отказа еще в 1958 г. от социалистической генеральной линии КПК и утверждения великоханьского маоистского курса на превращение Китая в милитаристское государство. Наиболее тяжелый урон народному хозяйству принесли годы авантюристического «большого скачка» и годы «культурной революции», когда была разрушена народно-демократическая надстройка, а также непомерное истощение экономики форсированной милитаризацией страны. При этом следует заметить, что размеры действительного ущерба, нанесенного маоцзэдуновским руководством народному хозяйству КНР, значительно больше, чем назвал Хуа Го-фэн. Достаточно указать, что намечаемый на 1985 г. план сбора зерна, по заявлению Хуа Го-фэна на сессии ВСНП, должен составить 400 млн. т (800 млрд. цзиней), то есть примерно столько же, сколько предусматривалось провалившимися в результате «экспериментов» Мао Цзэ-дуна планами на 1976 г. (350—375 млн. т зерна и около 50 млн. т сладкого картофеля, засчитываемого в общий сбор зерна по коэффициенту 1 т зерна = 4 т картофеля). Следовательно, если подсчитать недобор против предусматривавшихся цифр только одного зерна, то размеры убытков Китая от маоизма значительно превысят цифры, названные Хуа Го-фэном.

Признавая провалы в экономике, культуре, просвещении, руководство Хуа Го-фэна объясняет это «саботажем со стороны четверки», за счет которой списываются огромные потери, вызванные простоями предприятий, волнениями и конфликтами на местах.

Однако нынешнее тяжелое состояние народного хозяйства и внутриполитическая обстановка в КНР являются в первую очередь результатом осуществления установок самого Мао Цзэ-дуна на практике и проведения маоистской политики.

Пытаясь сохранить личный престиж Мао Цзэ-дуна, ограждая маоизм от всякой критики, цепляясь за гегемонистскую антисоциалистическую политику и сваливая вину за все провалы маоизма на «четверку», руководство Хуа Го-фэна ярко продемонстрировало свою собственную маоистскую сущность. Борьба между «четверкой» и нынешним руко-

водством КНР является внутренним раздором между различными группировками маоизма, драчкой за власть. Стратегическая цель у тех и других одна и та же, но тактика и приемы несколько разнятся.

Оказавшись в результате своего авантюристического курса на краю политической пропасти, китайские руководители жаждут спасти маоизм от полной катастрофы. Это их субъективная цель. Но ведя яростную кампанию против «четверки», они объективно разоблачают и Мао Цзэ-дуна с его волюнтаризмом, и самих себя. Слова Хуа Го-фэна о том, что «ревизионизм, раскольничество и интриганство составляли главную отличительную черту «четверки», относятся на самом деле ко всему маоизму.

Вопреки всем заверениям Хуа Го-фэна о верности «идеям Мао Цзэ-дуна» критика «четверки» подрывает престиж Мао, дискредитируя маоизм в глазах общественного мнения. Эта крупнейшая распря в среде маоистов делает внутривнутриполитическую ситуацию в Китае еще более неустойчивой и даже критической.

ВОПРОС: В последние месяцы пекинское руководство предприняло некоторые меры в области экономики. В чем они состоят и каков их характер?

ОТВЕТ: В китайской пропаганде ныне большое внимание уделяется вопросам экономики, развитие производства впервые за многие годы возведено в ранг «одной из главных задач продолжения революции при диктатуре пролетариата». В этой связи на страницах центральных китайских газет признали «ошибочной» «критику теории приоритета производительных сил», заговорили о качестве продукции, о прибыли, о накоплениях, об экономике. Вместе с тем все эти меры пока не сопровождаются реальными шагами на практике, так как они по-прежнему вязываются с маоизмом, и в первую очередь с известным постулатом Мао: «ухватываться за революцию, стимулировать производство»; по-прежнему страну призывают в сельском хозяйстве изучать «опыт Дачжайской сельскохозяйственной бригады», а в промышленности — «опыт Дацинских нефтепромыслов». С целью более действенного выполнения маоистского плана «четырёх модернизаций» принципиальная линия на интенсификацию труда в духе Дачжая и Дацина была дополнена некоторым незначительным повышением с 1 октября 1977 г. заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим. Эта мера, однако, не является свидетельством принципиальных изменений в политике, а вызвана безысходностью сложившейся ситуации: на протяжении многих лет заработная плата, установленная на уровне, обеспечивающем лишь самые минимальные потребности воспроизводства рабочей силы, оставалась неизменной, хотя цены росли. К тому же эта мера не затрагивает подавляющей массы трудящихся КНР — китайского крестьянства.

Предпринимаются экстренные меры по укреплению производственной дисциплины. В печати подчеркивается, что в промышленности «должна быть очень строгая дисциплина с целью обеспечения централизованного руководства предприятиями», поэтому «необходимо установить систему правил и распорядков, строго придерживаться системы хозрасчета, установить систему ответственности на своем рабочем месте, систему контроля за качеством продукции, систему отлаживания и ремонта оборудования, систему проверки профессиональной пригодности и систему техники безопасности». В соответствии с этими установками в пропаганде запретили критиковать «администрирование, за-

жим и подавление» и называть производственные правила и дисциплину «буржуазными правилами и распорядками».

Однако данная корректировка экономических постулатов Мао была предпринята новым китайским руководством под воздействием требований реальной жизни Китая. Слишком велик урон, нанесенный китайской экономике «экономическими» экспериментами «великого кормчего».

Нынешнее руководство понимает, что на базе нынешнего состояния китайской экономики программа четырех модернизаций носит чисто пропагандистский характер. Поэтому определенной корректировке в китайской пропаганде подвергнут известный маоистский тезис об «опоре на собственные силы». Характерной в этой связи является статья некоего Чао Чжан-фэна под претенциозным названием «Зарубежное на службу Китаю — это марксистский курс», в которой говорится: «Необходимо изучать передовой иностранный опыт, ввозить передовую иностранную технику и оборудование...» («Гуанмин жибао»).

Основной смысл корректировок обанкротившегося политического курса состоит в том, чтобы создать более эффективное производство, но оно, как и прежде, должно служить стратегическим целям маоизма. И хотя внедрение подобных корректировок неизбежно связано с косвенной критикой маоизма, в печати, однако, неизменно подчеркивается преданность маоизму, наблюдается стремление утвердить маоизм долговременным курсом Китая.

Преемники Мао Цзэ-дуна, как показывает практика последнего времени, пытаются, не меняя характера режима, действовать в вопросах внутренней политики и осуществления власти тоньше, подвергая корректировке наиболее дискредитировавшие себя маоистские методы руководства страной.

Таким образом, производимые коррективы, поскольку они не меняют существа маоистского курса, не смогут вывести Китай из прежнего состояния.

ВОПРОС: Как можно охарактеризовать внешнеполитический курс нынешнего пекинского руководства?

ОТВЕТ: Смерть Мао Цзэ-дуна и устранение «банды четырех» не привели к отказу от обанкротившегося внешнеполитического курса китайского руководства, но способствовали его еще большему ужесточению.

При анализе событий минувших полутора лет бросается в глаза, что в отличие от внутренней политики, в которой имели место определенные коррективы и переоценки, внешняя политика маоистского режима строго неизменна, нынешнее руководство Китая скрупулезно следует маоцзэдуновским принципам и положениям, настаивает на их неизменности. Чем дальше продвигалась линия на сохранение, укрепление и практическое продолжение маоцзэдуновского так называемого «пролетарского революционного внешнеполитического курса».

XI съезд КПК подтвердил как основное программное положение пресловутую «теорию трех миров».

Эта доктрина строится на антимарксистской, националистической основе. Отрицая классовый характер международных, противоборствующих сил, затемняя основной смысл противоречий между социализмом и империализмом, маоисты по существу стараются изобразить эти противоречия в виде конфронтации «двух сверхдержав» с остальным миром, причем они главное усилие направляют на создание «широкого

международного фронта против СССР», объявляя «вторую сверхдержаву» — США, менее опасной, уходящей с исторической арены.

Понимая, что США являются принципиальным противником СССР, маоисты пытаются заручиться поддержкой империалистических кругов США. Попытка создать единый реакционный фронт против СССР и других стран социализма является главным направлением внешнеполитического курса нынешнего руководства Китая.

Маоисты активно развивают отношения с европейскими капиталистическими странами, подстрекают их к усилению военных приготовлений, кричат о «законности» вооруженной борьбы против СССР в целях «защиты национальной независимости, которой угрожает Советский Союз». На международных форумах они стремятся сорвать предложения и инициативы Советского Союза и социалистических стран, имеющих целью военную разрядку и разоружение. В заявлениях и шагах, связанных с событиями в Африке и на Ближнем Востоке, они руководствуются исключительно логикой антисоветизма, антисоциализма.

В последнее время пекинское руководство интенсифицировало усилия по укреплению своего влияния в Индокитае и во всей Юго-Восточной Азии. Чтобы воспрепятствовать укреплению Социалистической Республики Вьетнам и ослабить ее влияние, оно оказывает покровительство националистическим силам в Кампучии, побуждает Бирму и Пакистан на тесное сотрудничество с АСЕАН.

Таким образом, послемаоцзэдуновское китайское руководство проводит внешнюю политику, открыто враждебную интересам социалистических сил и стран. Ее доктрина и практика направлены не только против интересов социалистического содружества, но и прямо против кровных интересов всех прогрессивных сил мира.

Следует учитывать, что в международной жизни вообще, да и в положении в самом Китае, существуют такие факторы, которые в результате их эволюции могут поставить под вопрос нынешнюю грубо и открыто циничную, провокационную внешнеполитическую тактику и стиль послемаоцзэдуновского руководства.

Постоянно усиливающиеся мощь и влияние мировой системы социализма, продолжение и упрочение процесса разрядки международной напряженности и последовательная борьба коммунистических и рабочих партий против идеологии и политики маоизма ставят нынешнее пекинское руководство в трудное положение на международной арене. Отклонение теории «трех миров» союзниками Китая, некоторыми маоистскими группировками (например, АПТ и группировками, находящимися под ее влиянием) явно снижает эффективность курса Пекина.

ВОПРОС: Как известно, одним из наиболее одиозных проявлений маоизма была так называемая «культурная революция». В какой мере можно говорить об отказе нынешнего пекинского руководства от лозунгов и практики «культурной революции»?

ОТВЕТ: Хотя китайское руководство в официальных документах и выступлениях Хуа Го-фэна положительно оценивает «культурную революцию» и, по существу, продолжает славословить открытую Мао «историческую закономерность» о неизбежности повторения «культурных революций» и в будущем, ему все же не удастся скрыть разрушительный, террористический характер «культурной революции». Защищая концепцию Мао о правомерности «культурной революции», нынешнее руководство вынуждено реабилитировать партийных и государственных работников, пострадавших в годы «культурной револю-

ции». Можно ожидать, что вопрос об оценке «культурной революции» станет одним из объектов противоречий в китайском руководстве, обостряя конфликты между его группировками.

При этом ответственность за эксцессы периода «культурной революции» оно пытается возложить на «банду четырех», явно преследуя цель снять ее со всего маоистского режима в целом и лично с Мао Цзэ-дуна. В какой-то мере при этом пекинское руководство производит пересмотр некоторых постулатов «культурной революции», но в целом продолжает фактически оставаться на ее позициях. Разгром «четверки» в докладе Хуа Го-фэна характеризуется как «победоносное завершение первой великой пролетарской революции и начало нового периода в развитии социалистической революции и социалистического строительства».

ВОПРОС: В буржуазной печати много пишут о «новых веяниях» в области народного образования в Китае. Как обстоит дело в этой сфере в действительности?

ОТВЕТ: Рассмотрим те факты из области культурной жизни КНР, о которых пишет буржуазная печать.

В области культуры действительно наибольшему «припудриванию» подверглись вопросы образования и отношения к интеллигенции, фактически конкретной корректировке были подвергнуты такие «новые явления», как «революция в образовании» и «добавление песка из рабочего класса в среду интеллигенции», не говоря уже о полном изменении принципов «изучения истории» и деятельности «рабочих университетов 21 июля».

В сентябре 1977 г. в Пекине под эгидой министерства просвещения было проведено совещание по набору студентов в вузы. В печати в этой связи подчеркивалось, что в системе просвещения «произошли большие изменения», явившиеся якобы результатом «разгрома банды четырех». Конкретно эти «изменения» заключаются во введении единых экзаменов, разрешении поступать в вуз после окончания школы и в аспирантуру после окончания высшей школы.

Что же касается интеллигенции, то впервые за многие годы китайская печать заговорила о ней в уважительном тоне. Вместе с тем вполне в соответствии со старыми установками, по существу, повторяются прежние лозунги: «Интеллигенция должна активно участвовать в физическом труде, решительно идти по пути объединения с рабочими и крестьянами, всемерно преобразовывать свое мировоззрение».

Несколько более благожелательный, чем у «четверки», подход к китайской интеллигенции объясняется просто: без квалифицированных научно-технических кадров Китай будет не в состоянии к концу нынешнего столетия осуществить «четыре модернизации» и удовлетворить свои гегемонистские амбиции. Таким образом, и здесь налицо узко прагматический, утилитарный подход в духе маоизма с целью постановки интеллигенции на службу маоистскому курсу на развязывание третьей мировой войны.

Вопрос: Уход с политической арены «великого кормчего» привел к резкому обострению кризиса всей системы маоизма. Вероятно, более всего он обнажил порочность маоистской идеологии, можно сказать, привел к ее банкротству. Каковы основные аспекты этого банкротства маоистской идеологии?

ОТВЕТ: События в Китае после сентября — октября 1976 г. с предельной ясностью обнаружили всесторонний кризис маоизма, в том

числе кризис его идеологических основ. «Октябрьский инцидент» 1976 г. привел к устранению от власти «виднейших» теоретиков маоизма, инициаторов идеологических кампаний, направленных на утверждение националистических концепций маоизма, на усиление и расширение пропаганды среди китайской общественности. Вместе с «четверкой» ушли также авторы и «теоретические группы», занимавшие важное место в идеологической жизни страны за последние годы (например, «критические группы» Пекинского университета, института Циньхуа, бывшего партийного комитета Шанхая и др.). Оказалось, далее, что даже на страницах органов ЦК КПК — газеты «Жэньминь жибао» и журнала «Хунци» печатались «антипартийные» и «реакционные» статьи. Некоторые издания были закрыты, появились сообщения о новых назначениях в редакциях центральной печати.

Эти факты свидетельствуют о том, что в процессе обострения кризиса маоистской идеологии на поверхность всплыли явления, которые до сих пор тщательно скрывались за фасадом непрерывных кампаний. Оказалось, что самые ревностные поборники маоизма являются «предателями», «изменниками», «антипартийными» и «реакционными» элементами. Оказалось также, что многие «концепции» и «указания» Мао Цзэ-дуна, под флагом которых проводилась серия политико-идеологических кампаний в последние годы, широко непопулярны среди населения и даже среди партийного и государственно-административного руководства. Все это серьезно затронуло культ личности Мао Цзэ-дуна как «идеолога» китайского революционного движения, обнаружило несостоятельность подмены марксизма-ленинизма его «идеями».

Стремясь к преодолению этого кризисного состояния, преемники Мао Цзэ-дуна пытаются защитить его «идеи», призывают к «новому подъему» в так называемом «движении за изучение и применение идей Мао Цзэ-дуна», активизируют деятельность некоторых специфических для маоистского режима идеологических институтов, например, «теоретических групп» рабочих, крестьян и солдат, делают ставку на пропагандистскую активность армии среди гражданского населения, особо подчеркивают идеологические функции маоистского актива и т. д.

Факты показывают, однако, что кампания в защиту идеологического наследия Мао Цзэ-дуна обнаруживает явления и несет в себе тенденции, свидетельствующие о дальнейшем углублении кризисного состояния идеологических основ маоизма.

Защищая «идеи Мао Цзэ-дуна», его преемники пытаются поставить под контроль усиливающуюся деятельность анtimaоистской идейной оппозиции, направить ее в русло второстепенных и частичных модификаций некоторых самых непопулярных взглядов Мао Цзэ-дуна. Это делается не прямо — дискредитировавшие себя концепции Мао Цзэ-дуна приписываются скомпрометированной «четверке».

Нынешним руководителям трудно убедить китайский народ в том, что критика «четверки» не затрагивает самого Мао Цзэ-дуна. Маневры, предпринимаемые новыми наследниками Мао Цзэ-дуна после его смерти, убедительно свидетельствуют о дальнейшем углублении кризиса идеологических основ маоизма, о несостоятельности попыток отгородить Мао Цзэ-дуна от «четверки».

ВОПРОС: В Китае после октября 1976 г. проходит широкая кампания «пересортировки кадров». Каковы главные тенденции этой кампании, ее содержание и размах?

ОТВЕТ: Со времени отстранения от власти «банды четырех» в центральном руководстве и провинциях КНР предпринимаются крупные

кадровые перетасовки, которые все еще не завершились. Первым кульминационным пунктом в этом плане явилось восстановление Дэн Сяопина на всех его прежних постах на пленуме ЦК КПК в июле 1977 г. То же самое можно сказать и о касающихся личного состава решениях XI съезда КПК, состоявшегося в августе 1977 г.: из состава ЦК XI созыва было выведено более трети всех оставшихся в живых бывших членов и кандидатов ЦК X созыва. Число влившихся в ЦК новых членов и кандидатов составляет почти половину его общего состава. I сессия ВСНП пятого созыва, проходившая с 26 февраля по 5 марта 1978 г., также уделила огромное внимание проблеме устранения сторонников «банды четырех» из государственных и партийных органов. Список депутатов ВСНП был составлен на сессиях собраний народных представителей провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, проходивших в условиях чистки их от сторонников «банды четырех». Хуа Го-фэн назвал «первостепенным делом» продолжение и доведение до конца борьбы с «бандой четырех» и ее сторонниками.

Однако в китайском руководстве по-прежнему остается спорным вопрос о размахе чисток сторонников «четверки» и то, какими фигурами их заменить. В то время, как остатки сторонников «культурной революции» в руководстве хотят сдержать размах чистки, «ветераны» стремятся к более радикальным чисткам и массовой расстановке старых кадров. Показательно, что на недавней сессии ВСНП присутствовало значительное число престарелых «ветеранов» маоизма, чей возраст перевалил за восьмой и даже за девятый десяток лет.

Из всех кадровых перетасовок в провинциях, автономных областях и городах центрального подчинения создается совокупная картина «большой чистки». Это, несомненно, удалось сделать не одним махом, а поэтапно. Кроме сторонников «четверки», пересортировка кадров призвана была удалить или перевести на другую работу всех других реальных или потенциальных противников нынешней китайской верхушки.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Экономика КНР в 1977 году

В. И. Потапов,
кандидат экономических наук

Тяжелое наследие оставил Мао Цзэ-дун китайскому народу в области экономики. В стране продолжают сохраняться серьезные экономические трудности, а также народнохозяйственные диспропорции: между производством и потреблением, потреблением и накоплением, производством средств производства и предметов потребления и т. д. Далеко не решены еще проблемы обеспечения растущего населения продовольствием и одеждой, снабжения легкой промышленности, сырьем, подготовки квалифицированных кадров для народного хозяйства.

Однако для экономической политики нынешнего китайского руководства характерным является направление усилий и значительных материальных ресурсов на наращивание военного потенциала, на развитие тех отраслей промышленности, которые связаны с военным производством. Такая политика приходит во все большее противоречие с объективными потребностями социально-экономического развития страны.

В настоящее время по абсолютным показателям производства важнейших (составимых) видов промышленной продукции Китай на много лет отстает от развитых в промышленном отношении стран. Например, производство электроэнергии в Китае меньше, чем в США, — в 18, СССР — 9, Японии — 4 раза; стали — меньше, чем в СССР, — в 5,6, США — 4,8, Японии — 4,1 раза и т. д. Если же взять производство промышленной продукции в расчете на душу населения, то по этому показателю Китай значительно уступает не только развитым в экономическом отношении странам, но и среднемировому уровню. Так, в КНР на душу населения производится меньше, чем в среднем по миру, электроэнергии — в 12,5 раза, нефти — в 13,3 раза, стали — почти в 6 раз и т. д.

Отсталость народного хозяйства страны проявляется также в наличии значительного удельного веса в промышленном производстве страны форм, базирующихся в основном на ручном труде (на середину 70-х годов на их долю приходилось примерно 40% валового промышленного производства); в неравномерном развитии отдельных отраслей, что порождает серьезные межотраслевые и внутриотраслевые диспропорции; в отсутствии производства некоторых необходимых видов продукции и в связи с этим — зависимости от внешних источников снабжения; в слабом внедрении в производство новейших мировых достижений науки и техники; в нехватке квалифицированных научных, инженерно-технических, административных и рабочих кадров и т. д.

По валовому производству сельскохозяйственной продукции Китай находится на одном из первых мест в мире. Однако по производству этой продукции на душу населения он далеко уступает не только передовым, но и некоторым развивающимся странам. В настоящее время

производство зерна и хлопка-волокна на душу населения находится на сравнительно низком уровне. В сельском хозяйстве преобладает ручной труд. Отставание Китая от передовых стран в области материально-технического обеспечения этой отрасли составляет 20 и более лет. Сельскохозяйственное производство продолжает находиться в большой зависимости от погодных условий. До сего времени большой ущерб сельскому хозяйству наносят стихийные бедствия (засуха, наводнения и т. д.).

Сегодняшние пекинские руководители вынуждены признать тяжелое положение в экономике, сложившееся в последние годы, особенно в 1976 г., когда «промышленное и сельскохозяйственное производство, — как отмечала китайская печать, — топталось на месте, снизился выпуск некоторых видов промышленной продукции». Орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» в сентябре 1977 г. признала, что «уровень развития производительных сил в настоящий момент все еще остается сравнительно низким»¹. Ответственность за тяжелое положение в народном хозяйстве руководство КНР пытается возложить на «группу четырех» — бывших ближайших сторонников Мао Цзэ-дуна, замалчивая тот факт, что такое состояние экономики является следствием осуществления на практике установок Мао Цзэ-дуна.

Низкие темпы увеличения сельскохозяйственного производства при относительно высоком уровне прироста населения не позволяют положительно решать продовольственную проблему, которая продолжает оставаться весьма острой. В 1977 г. в ряде провинций были урезаны и без того скудные продовольственные пайки. Например, в первой половине истекшего года значительные продовольственные трудности отмечались в провинциях Чжэцзян, Цзянси, Фуцзянь, Сычуань, Гуйчжоу, где ежемесячная норма выдачи риса на человека была уменьшена.

Печать КНР признавала, что «темпы роста урожая зерновых низкие, отстают и сборы технических культур — хлопка и масличных», «производство зерна еще далеко не удовлетворяет растущие потребности»².

Нехватку зерновых Китай пытается компенсировать ввозом значительного количества зерна из-за границы, в основном из Канады, Австралии и Аргентины. Эти закупки были увеличены в 1977 г. и превысили рекордный уровень 1973 г. Наряду с зерном Китай начал импортировать в больших количествах и другое продовольствие: растительное масло, сахар и соевые бобы, затрачивая на это большие суммы свободно конвертируемой валюты.

XI съезд КПК (август 1977 г.) в самых общих чертах зафиксировал задачу создания к концу нынешнего столетия могучего китайского государства «с современным сельским хозяйством, современной промышленностью, современной обороной и современной наукой и техникой», то есть государства, которое по уровню развития народного хозяйства находилось бы среди передовых стран мира. Однако какой-либо конкретной программы для достижения этой цели не выработано. До сего времени не разработан план развития народного хозяйства в пятой пятилетке, два с половиной года которой уже закончены.

Практика последних лет показывает, что выдвинутая программа «четырёх модернизаций», то есть создание современного сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники, осуществляется односторонне. Приоритет отдается развитию военной промышленности, мо-

¹ «Жэньминь жибао», 12.IX.1977.

² «Жэньминь жибао», 7.IX.1977.

дернизации армии, на что из госбюджета выделяются значительные средства. В последнее время в китайской пропаганде подчеркивается необходимость ускорения экономического развития страны в прямой связи с военным строительством. Продолжающаяся политика милитаризации страны при относительной ограниченности материальных ресурсов будет и дальше тормозить развитие всего народного хозяйства, обрекать китайский народ на материальную и культурную отсталость.

Проблема повышения благосостояния китайского народа не нашла должного отражения ни в заявлениях китайских руководителей и органов печати, ни в самой программе «четырёх модернизаций». В то же время уровень жизни населения Китая продолжает оставаться очень низким. Сохраняется нормированное снабжение зерном и зернопродуктами, растительным маслом, хлопчатобумажными тканями и некоторыми другими товарами первой необходимости. Незначительное увеличение с 1 октября 1977 г. заработной платы самых низкооплачиваемых категорий рабочих и служащих не может при существующих условиях заметно повысить покупательную способность населения. Судя по заявлениям китайской печати, «политика рационально низкой заработной платы» будет осуществляться и в последующие годы.

Сохраняющаяся несостоятельная экономическая политика, которая явилась причиной низкого уровня развития экономики, финансово-экономические и научно-технические возможности страны не позволяют обеспечить в ближайшие годы резкое увеличение ежегодных темпов роста всего народного хозяйства. Использование нынешним китайским руководством общественных средств производства в антисоциалистических, антинародных целях ведет и будет впредь вести к дальнейшей утрате их социалистического характера.

Под влиянием экономических трудностей, а также учитывая, что отдельные маоистские установки не соответствуют реальным условиям жизни и тормозят превращение Китая в мощную военную державу, нынешнее китайское руководство, сохраняя верность маоистскому политическому курсу, вынуждено маневрировать и вносить определенные коррективы в наиболее одиозные установки в вопросах развития экономики, стремится сделать реальную оценку ее современного состояния в целом, различных отраслей народного хозяйства и возможностей ускорения их развития. В 1977 г. в отличие от предыдущих лет в китайской печати указывалось, что «основной задачей диктатуры пролетариата является развитие экономики», что «революция не может заменить производство» и т. д.

В 1977 г. и первой половине текущего года в стране был проведен целый ряд общегосударственных, ведомственных и других конференций и совещаний, которые рассматривали вопросы состояния народного хозяйства. Общая оценка положения в экономике была дана заместителем премьера Госсовета, председателем Госплана КНР Юй Цю-ли на четвертом заседании Постоянного комитета ВСНП четвертого созыва в октябре 1977 г. В своем докладе он отмечал, что «развитие сельского хозяйства и легкой промышленности не удовлетворяет нужды строительства в стране и потребности людей; развитие топливной, энергетической и сырьевой промышленности не удовлетворяет нужды развития народного хозяйства в целом; только недавно началась работа по упорядочению управления экономикой и предприятиями; производство на некоторых предприятиях пока еще не достигло наилучшего уровня в истории»³.

³ «Жэньминь жибао», 25.X.1977.

По заявлению Юй Цю-ли, в последние годы экономика страны находилась в «состоянии полуплановом и полуанархическом, процветали взяточничество, хищения и спекуляция, что подорвало социалистическую собственность».

В настоящее время, если исходить из сообщений китайской печати, в промышленности основное внимание уделяется развитию энергетической и топливной промышленности, промышленности сырьевых материалов. В сельском хозяйстве упор делается на более быстрые темпы роста зернового производства. Основной путь повышения темпов промышленного и сельскохозяйственного производства нынешнее пекинское руководство видит, как и прежде, в широком распространении так называемого «опыта Дацина и Дачжая», то есть в дальнейшем усилении интенсификации труда рабочих и крестьян.

Перед городом и деревней поставлена задача — к концу 1980 г. превратить треть промышленных предприятий в предприятия дацинского типа, а треть уездов — в уезды дачжайского типа. Система Дацина и Дачжая, существо которой заключается в развитии производства с «опорой на собственные силы», т. е. за счет местных ресурсов и возможностей без какой-либо серьезной помощи со стороны государства, носит консервативный характер, обрекает промышленное и сельскохозяйственное производство на чрезвычайно низкие темпы роста, тормозит развитие производственной специализации и кооперирования и в конечном счете сдерживает рост производительности общественного труда.

Нынешнее пекинское руководство, пытаясь преодолеть наиболее узкие места в экономике, повысить темпы ее развития, столкнулось со сложной проблемой — изысканием необходимых средств. Трудность в разрешении этой проблемы в первую очередь связана с существующими большими военными расходами.

Для наведения определенного порядка в народном хозяйстве руководство КНР обращается к некоторым формам и методам хозяйственного строительства, существовавшим до «культурной революции». В стране стали пропагандироваться те методы хозяйствования, которые ранее осуждались, — роль производительных сил в развитии общества, необходимость перевода народного хозяйства на плановые рельсы, усиление централизации руководства экономикой, повышение производительности труда и т. п.

При оценке выполнения промышленными предприятиями планов, как подчеркивает печать, должно учитываться не только количество выпускаемой продукции, но и ее качество, ассортимент, расход топлива, сырья и материалов. Указывается на необходимость использования в экономической деятельности и таких категорий, как хозрасчет, оплата по труду, себестоимость, прибыль, рентабельность и т. д. Наряду с этим продолжают использоваться прежние формы и методы развития народного хозяйства. По-прежнему широко пропагандируются принципы «опоры на собственные силы», «идти на двух ногах», «в сельском хозяйстве учиться у Дачжая», «в промышленности учиться у Дацина» и т. д.

Отдельные исследователи Китая на Западе пытаются представить некоторые изменения в методах хозяйствования как отход от прежней маоистской экономической политики. Складывающаяся экономическая ситуация в стране показывает, что осуществляемые сегодня мероприятия в народном хозяйстве не дают оснований говорить о каком-либо кардинальном пересмотре экономических постулатов маоизма. Они лишь свидетельствуют о некотором смещении внимания руководства

КНР в сторону практического решения экономических вопросов, создания минимальных условий, необходимых для функционирования производства.

Нынешняя экономическая политика в КНР не соответствует основному требованию социализма, то есть не направлена на решение главной проблемы страны, на развитие экономики в интересах повышения низкого жизненного уровня китайского народа. Она служит прежним задачам — всемерного наращивания военного потенциала, превращения Китая в мощное в военном отношении государство для осуществления великодержавных националистических целей.

Промышленность

*А. П. Морозов,
кандидат экономических наук*

В истекшем году основные усилия китайского руководства в области промышленного производства были направлены на создание условий, необходимых для нормализации функционирования промышленности, развитие которой в 1976 г. зашло, по существу, в тупик. По признанию китайских лидеров, в 1976 г. «промышленное и сельскохозяйственное производство топталось на месте, снизился выпуск некоторых видов промышленной продукции»⁴. К этому времени, по признанию заместителя премьера Государственного совета КНР Юй Цю-ли, пропорциональность в развитии народного хозяйства и нормальный порядок роста экономики «в некоторой степени подверглись разрушению», в экономике страны резко обострились внутри- и межотраслевые диспропорции. В промышленности КНР особенно усилилась нехватка топлива и энергии, все более отрицательно на развитии производства стало сказываться отставание сырьевой базы.

После 12 лет существования выдвинутой Мао Цзэ-дуном в 1964 г. амбициозной программы, предусматривающей осуществление к 2000 году всесторонней модернизации сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники и выдвижение страны «в первые ряды стран мира по уровню развития народного хозяйства», Китай оказался дальше намеченной цели, чем он был в середине 60-х годов. Расчеты показывают, что за последние 10—12 лет разрыв между КНР и развитыми странами по абсолютным размерам производства на душу населения многих видов промышленной продукции увеличился. Особенно усилилось отставание в научно-технической области. В интервью, данном президенту — генеральному директору агентства Франс Пресс Клоду Русселю в октябре 1977 г., заместитель председателя КПК Дэн Сяопин прямо заявил: «Мы очень отстали во многих областях, главным образом в научно-технической области. В первой половине 60-х годов мы отставали немного, но особого разрыва не было. Отставание усугубилось за последние 10 лет, когда во всем мире ускорился научно-технический прогресс».

За эти же десять лет резко ухудшились качественные показатели

⁴ «Жэньминь жибао», 25.X.1977.

работы китайской промышленности. Так, с 1966 г. по 1976 г. на основных металлургических предприятиях расход кокса на выплавку одной тонны чугуна увеличился с 558 до 640 кг, а электроэнергии на добычу 1 тонны угля — с 26 до 31 кВт·ч и т. д.⁵

Подобное положение предопределило программу промышленного развития Китая на 1977 г.: «взявшись за решающее звено установления всеобщего порядка в стране, добиться в этом году первоначальных успехов». Для решения этой задачи китайское руководство прежде всего вынуждено было предпринять ряд неотложных мер, направленных на устранение или ослабление наиболее одиозных моментов маоистской экономической политики, по существу парализовавших промышленность и поставивших под угрозу само существование политической системы. В числе неотложных мер китайская печать назвала: упорядочение хозяйственной работы с упором на улучшение планового управления и усиление плановости, улучшение управления предприятиями, упорядочение их руководящего состава, усиление системы личной ответственности, борьба с обезличкой и анархией, развертывание роли технического персонала, создание условий для повышения квалификации уровня рабочих и служащих, рациональное использование рабочей силы, подъем производительности труда, лучшее претворение в жизнь принципа «от каждого по его способностям, каждому по его труду», создание системы поощрения изобретений и открытий, применение новой техники, новой технологии и новых материалов, повышение эффективности использования импорта оборудования и патентов для развития экономики, внедрение принципов хозяйственного расчета и организация трудового соревнования между трудовыми коллективами и отдельными работниками.

Было объявлено о приоритете энергетической и топливной промышленности, промышленности строительных материалов, а также транспорта в отношении капитальных вложений. Вместе с тем подчеркивалась необходимость «в первую очередь в полной мере выявлять производственные мощности имеющихся предприятий данных отраслей, всемерно выявлять скрытые резервы, осуществлять рационализацию и перестройку»⁶. Так, например, «Жэньминь жибао» сообщила, что «в настоящее время и в последующие 3—8 лет» рост промышленного производства будет осуществляться «в основном за счет полного использования всех потенциальных возможностей имеющихся предприятий»⁷.

По подсчетам зарубежной печати, только с 7 октября 1976 г., то есть с момента устранения так называемой «четверки», и по май 1977 г. в стране было проведено 116 всекитайских совещаний, из которых 99, или 85,3%, касались вопросов экономики. Около половины из числа последних совещаний были посвящены проблемам промышленного развития. Большая часть этих совещаний касалась работы отдельных отраслей: угольной, нефтехимической, легкой, машиностроительной, оборонной и др. Центральное место на этих совещаниях занимали вопросы укрепления экономики, упорядочения финансов, стимулирования производства, предотвращения спадов и ускорения темпов промышленного развития. Подобные совещания продолжали созываться и в последующем.

В результате принятых мер, как заявил на XI съезде КПК Хуа Гофэн, к концу I квартала «удалось положить конец застою и даже спаду в производстве», и с марта начался «всеобщий рост промышленной

⁵ «Жэньминь жибао», 27.1.1978.

⁶ «Жэньминь жибао», 25.X.1977.

⁷ «Жэньминь жибао», 27.1.1977.

продукции, объема перевозок, заготовок и сбыта товаров и финансовых поступлений»⁸.

В целом за год объем промышленного производства, по официальным данным, возрос более чем на 14%⁹. Даже если принять эту цифру за достоверную, то и в этом случае прирост в 14% едва компенсирует потери предшествовавшего года.

По предварительной оценке, положение в промышленности КНР в 1977 г. характеризовалось следующими показателями (см. табл.).

Т а б л и ц а

Производство важнейших видов промышленной продукции

Вид продукции	Един. измер.	1975 г.	1976 г.	1977 г. (предварительная оценка)
Валовая продукция	млрд. юаней	225	210	240
Уголь	млн. т	365	376	403
Нефть	млн. т	51	58	63
Электроэнергия	млрд. кВт·ч	115	125	137
Сталь	млн. т	25	21	24
Металлорежущие станки	тыс. шт.	76	70	75
Автомобили	тыс. шт.	92	80	90
Цемент	млн. т	23	25	28
Минеральные удобрения	млн. т	23,6	26	30
Хлопчатобумажные ткани	млрд. м	9,0	9,0	9,2

Угольная промышленность. Ее развитию в 1977 г. уделялось особое внимание: она находилась в числе отраслей, куда были направлены наибольшие капиталовложения. За год вступили в строй 44 угольные шахты.

В 1977 г. был увеличен объем геологоразведочных работ на уголь. Новые запасы обнаружены в провинциях Фуцзянь, Цзянси, Цзянсу, Ляонин, Хэйлунцзян, Хэбэй, Хэнань и Ганьсу. Месторождение высококачественных углей было обнаружено в уезде Сусян провинции Аньхой. Началась их разработка¹⁰.

По-прежнему большие усилия предпринимались для укрепления угольной базы к югу от реки Янцзы. По сообщениям печати, в 8 провинциях этого района (Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Цзянси, Фуцзянь, Хубэй, Хунань, Гуандун) и Гуанси-Чжуанском автономном районе добыча угля в 1975 г. увеличилась в 3,6 раза по сравнению с 1965 г., а самообеспеченность углем достигла в целом 70%¹¹.

Большую роль в добыче угля продолжают играть так называемые «небольшие шахты». Так, в провинции Шаньси, например, — ведущем угледобывающем районе страны — насчитывается 1785 небольших шахт, на которых с января по 1 октября было добыто, как сообщило агентство Синьхуа 17 октября 1977 г., 24,04 млн. т угля.

⁸ «Жэньминь жибао», 23.VIII.1977.

⁹ «Жэньминь жибао», 1.I.1978.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 29.III.1977.

¹¹ «Жэньминь жибао», 12.XII.1977.

По данным журнала «Дили чжиши», средние и мелкие угольные шахты дают 25% всей добычи угля в стране¹². В целом добыча угля в 1977 г., по сообщению агентства Синьхуа 23 декабря 1977 г., возросла на 7,2%.

* Нефтяная и газовая промышленность. В последние годы наметилась тенденция к снижению темпов роста нефтедобычи в Китае. В 1977 г. она даже упала по сравнению с 1976 г. Если в 1976 г., как сообщало агентство Синьхуа 5 января 1977 г., годовой прирост составил 13%, то 23 декабря 1977 г. оно назвало 8%.

Добыча нефти возросла на Дацинских нефтепромыслах, где были введены в эксплуатацию новые высокопродуктивные нефтяные скважины. В течение года здесь велось разведочное бурение на глубине 2000 м, то есть в два раза превышающей ныне действующие скважины.

Однако в целом темпы роста нефтедобычи на Дацинских нефтепромыслах стали замедляться. По оценкам, через 15—20 лет добыча здесь должна стабилизироваться.

Ряд новых высокодебитных скважин введен в эксплуатацию на нефтепромыслах «Шэнли». Поставлена задача «в ближайшие годы» довести мощность этого предприятия до уровня Дацина.

По сообщениям иностранной прессы, в Северо-Восточном Китае вступил в строй новый, четвертый нефтепромысел в западной части провинции Цзилинь, в результате чего добыча здесь ежегодно увеличивается на 11%. Сообщалось также об открытии богатого нефтяного месторождения в горах Гуцяньшань, где пробурено несколько высокопродуктивных скважин, с суточным дебитом более 1000 т каждая. Предполагается, что имеется в виду уезд Жэньцзю в провинции Хэбэй.

В «Жэньминь жибао» от 12 сентября 1977 г. была впервые опубликована абсолютная цифра добычи нефти в 1964 г. — 6 млн. т, которая ниже общепринятых оценок. Это дает возможность составить ряд показателей на основе официальных сообщений об относительных приростах нефтедобычи за 1964—1967 гг.:

Годы	1964	1965	1969	1970	1972	1973	1974	1975	1976	1977
Объем добычи (млн. т)	6	7,5	13,5	19	29,2	35	45	51	58	63

Как видно из приведенных расчетов, полученные данные в наибольшей степени совпадают с оценками, приводившимися ранее на страницах журнала «Проблемы Дальнего Востока»¹³.

В течение года сообщалось об увеличении производства основных видов нефтепродуктов. За 11 лет (1965—1976 г.) мощности по переработке нефти в стране увеличились в целом в 5,7 раза¹⁴.

¹² «Дили чжиши», 1977, № 5, стр. 3.

¹³ См. «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 1, стр. 27; 1977, № 1, стр. 15. По другим оценкам, добыча в 1975 и 1976 гг. составила соответственно: 75 и 85 млн. т («Миньбао», № 5, т. 12, 1977, Гонконг); 74,5 и 84 млн. т («The Chinese Economy and Foreign Trade Perspective — 1976», Washington, 1977, p. 2.).

¹⁴ «Жэньминь жибао», 14.VIII.1977.

В 1977 г. в провинции Сычуань была достигнута рекордная для Китая глубина бурения — 7058 м (в 1976 г. рекорд равнялся 6011 м). Из технических новшеств обращает на себя внимание ввод в эксплуатацию первого в КНР нефтехранилища в кавернах пород, экранированных водой, чем, по сообщениям китайской печати, достигается значительная экономия проката, относительная безопасность, сокращение более чем на 30% земляных и каменных работ и сокращение почти на 50% капиталовложений.

Продолжала увеличиваться добыча природного газа: к концу года она возросла на 22,3%. Новые скважины были введены в эксплуатацию в провинции Сычуань, где к середине июня была также завершена прокладка нового 53-километрового газопровода¹⁵.

Электроэнергетика. Наряду с угольной промышленностью электроэнергетика в 1977 г. была одной из наиболее приоритетных отраслей экономики и занимала ведущее место по объему капитальных вложений. Это было связано с нарастающим дефицитом электроэнергии в 70-е годы.

Министр водного хозяйства и электроэнергетики Цянь Чжэн-ин отмечал: «В последние годы... намеченный план капитального строительства электростанций не выполнен, меньше установлено энергоблоков. Часть оборудования своевременно не ремонтировалась... Все это привело к тому, что рост электроэнергетики не поспевает за нуждами развития народного хозяйства. Ощущается нехватка электроэнергии как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Электроэнергетика стала слабым звеном в нашем народном хозяйстве...»¹⁶ Заместитель премьера Государственного совета Ли Сянь-нянь прямо заявил, что «нехватка электроэнергии стала наиболее острой проблемой в развитии народного хозяйства».

В течение года китайская печать сообщала о вводе в эксплуатацию целого ряда крупных электроэнергетических объектов. Было завершено строительство крупнейшей в Юго-Западном Китае ГЭС Гунцзуй на реке Дадухэ, мощность которой, по подсчетам, составляет 800 тыс. кВт. При Хуайнаньских угольных копях введена в эксплуатацию Кэнкоуская ТЭС. Новые тепло- и гидроэнергетические блоки вступили в строй в провинциях Хэбэй, Шэньси, Аньхой, Шаньдун, Цзянси, Ганьсу, в Синьцзяне и Внутренней Монголии, в городе Пекине.

Всего в эксплуатацию более 40 комплектов крупных энергетических агрегатов.

Особое внимание строительству мелких ГЭС в провинции Фуцзянь, например, за первые 7 месяцев было построено более тысячи таких ГЭС.

Сообщается о вводе в Тибете нескольких участков с выходом высокотемпературных геотермальных вод, на которых намечено построить 10 геотермальных электростанций.

Параллельно с увеличением мощностей увеличивалась протяженность электропередач. Две ЛЭП небольшой протяженности в эксплуатацию в северо-западных районах КНР, новая ЛЭП с напряжением 110 кВ и длиной 73 км соединила ГЭС Цинтунся с растущим промышленным центром, городом Инчуанем. Для обеспечения электроэнергией строительства крупного гидроузла Гунхэ в верхнем течении реки Хуанхэ была проложена ЛЭП — Сишун-Гунхэ протяженностью более 150 км. Было завершено сооружение новой, чет-

¹⁵ «Жэньминь жибао», 14.VIII.1977.

¹⁶ «Жэньминь жибао», 9.XI.1977.

вертой по счету высоковольтной ЛЭП от ГЭС Даньцзякоу до города Уханя. Выработка электроэнергии в 1977 г. увеличилась на 9,8%, при росте промышленного производства более чем на 14%, и означает дальнейшее обострение ее дефицита в народном хозяйстве.

Металлургическая промышленность. В 1976 г. эта отрасль оказалась в числе наиболее пострадавших. Из-за дезорганизации производства, острой нехватки сырья выплавка стали, по оценкам, снизилась с 25 до 21 млн. т, то есть примерно на 16%. Как признала газета «Жэньминь жибао», производство стали в 1976 г. «было значительно отброшено назад»¹⁷.

На проходившем в конце марта в Пекине Всекитайском совещании работников металлургической промышленности в качестве первоочередной была выдвинута задача улучшения снабжения металлургических предприятий сырьем и повышения эффективности использования оборудования. В этом направлении был предпринят ряд практических шагов. Так, при Тайюаньском металлургическом комбинате был сдан в эксплуатацию Экоуский железный рудник, благодаря чему комбинат перестал зависеть от привозной руды. На Уханьском металлургическом комбинате была сдана в эксплуатацию крупная коксовая батарея; на Пекинском металлургическом комбинате «Шоуду» введена в строй современная крупная коксовая батарея, что позволит увеличить мощность комбината по производству кокса более чем на 60%.

Значительное внимание в Китае уделяется также сбору и использованию металлолома.

В статье «Путь развития черной металлургии Китая» в качестве важного фактора ускорения развития отрасли отмечался курс на одновременное строительство как крупных, так и средних и небольших предприятий, ставилась задача создания во всех провинциях и автономных районах своих средних и малых металлургических предприятий, подчеркивалась необходимость «в полной мере» выявить потенциал приморских металлургических предприятий и ускорить темпы строительства во внутренних районах.

По сообщениям печати, объем выплавки стали увеличился в 1977 г. лишь на 12,7% по сравнению с 1976 г. Это означает, что наивысшие показатели предшествовавших лет достигнуты не были.

По сообщениям ряда зарубежных агентств, Китай в настоящее время ведет активные переговоры по вопросам размещения заказов за границей на строительство ряда комплектных металлургических предприятий и установок.

Машиностроение. Эта отрасль в 1976 г., пожалуй, в наибольшей степени испытала на себе последствия общей дезорганизации производства. В 1977 г. она с трудом выходила из состояния упадка. Одной из основных причин, сдерживающих ее развитие, являлся острый дефицит черных металлов, из которых производится более 95% всех конструкционных материалов.

Наибольшее внимание уделялось восстановлению нефтяного и химического машиностроения, а также сельскохозяйственного машиностроения, развитию производства средств транспорта и электронной промышленности. К изготовлению нефтяного оборудования было привлечено 100 заводов в 18 провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения, в результате чего производство увеличилось в 4 раза по сравнению с 1976 г.

¹⁷ «Жэньминь жибао», 14.IX.1977.

Увеличилось производство сельскохозяйственных машин. За первые 8 месяцев 1977 г., по официальным данным, их выпуск достиг рекордного уровня, причем по сравнению с тем же периодом 1976 г. на 10—60% возросло производство 14 главных видов сельскохозяйственной техники, в том числе тракторов, двигателей внутреннего сгорания, сеялок на тракторной тяге, рисопосадочных машин, зерноуборочных комбайнов, водяных насосов. В 1977 г. разработано и изготовлено в опытном порядке 100 новых видов сельскохозяйственной техники, часть которой поступила в серийное производство. Сообщалось также о строительстве и расширении ряда заводов сельскохозяйственного машиностроения, общее число которых достигло 1600, о значительном увеличении производственных мощностей по выпуску тракторов и осушительно-оросительных установок.

В 1977 г. были сданы в эксплуатацию 5 крупных заводов сельскохозяйственных машин, в том числе Шицзячжуанский тракторный завод мощностью 5 тыс. 55-сильных колесных тракторов в год — самый крупный в провинции Хэбэй.

Вместе с тем налаживание производства, очевидно, сталкивается со значительными трудностями. Ведущие предприятия, как Лоянский тракторный завод, ставили перед собой в 1977 г. сравнительно скромные цели: достичь по выпуску продукции уровня 1975 г.

Много внимания китайская печать уделяла развитию электронной промышленности. На Всекитайском совещании по вопросам развития электронной промышленности министр четвертого министерства машиностроения Ван Чжэн подчеркнул, что электронная промышленность в КНР развита «все еще слабо» и пока «не отвечает требованиям народного хозяйства и оборонного строительства», «электронная наука и техника все еще значительно отстают от передового мирового уровня»¹⁸. В качестве достижений этой отрасли китайская печать отмечала создание электронного оборудования, обеспечивающего запуск и возвращение искусственных спутников Земли, включая системы слежения, измерения и управления, освоение производством комплектного оборудования для передачи и приема цветных телепрограмм, быстродействующих ЭВМ и др.

В 1977 г. разрабатывался перспективный план развития электронной науки и техники с упором на развитие интегральных схем, электронной техники твердого тела, техники ЭВМ, фотоэлектрической и электронной техники¹⁹.

В целом очевидно, что за 1977 г. китайское машиностроение не смогло выйти на уровень 1975 г. и в ряде отраслей (станкостроение, автомобильная промышленность и др.) производство не достигло показателей предшествовавших лет.

Химическая промышленность. Важнейшими направлениями развития этой отрасли в 1977 г. являлись увеличение объема производства и ассортимента различных продуктов на основе нефтехимии и химических удобрений.

За счет дальнейшего освоения проектных мощностей предприятий, введенных в эксплуатацию в последние годы, и упорядочения производства выпуск химических удобрений в 1977 г. увеличился на 31,9% по сравнению с 1975 г.²⁰ Этому также способствовало завершение строительства ряда крупных объектов в 1977 г. В апреле освоил проектную мощность как по суточному, так и по месячному выпуску продукции Да-

¹⁸ «Жэньминь жибао», 19.II.1977.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, 12.XII.1977.

цинский завод химических удобрений производительностью 1 млн. т, вступивший в эксплуатацию в декабре 1976 г.²¹. Заводы химических удобрений мощностью свыше 1 млн. т в год каждый были сданы в эксплуатацию в провинциях Хэйлуцзян, Хэбэй и Сычуань. За счет этого в провинции Сычуань, например, производство минеральных удобрений за 8 месяцев 1977 г. возросло на 66% по сравнению с тем же периодом 1976 г.²².

Ряд новых средних и малых туковых заводов построен в провинциях Хэнань, Хэбэй и Гуанси.

Из других сообщений обращает на себя внимание информация о наличии в провинции Гуандун 27 небольших заводов по производству калийно-кальциевых удобрений общей мощностью 150 тыс. т в год и 24 небольших заводов по производству фосфорно-калийных удобрений мощностью 600 тыс. т. В качестве сырья эти предприятия используют соляные рассолы и отходы небольших цементных заводов.

Предпринимались меры к расширению сырьевой базы промышленности химических удобрений, особенно к увеличению запасов фосфорсодержащего сырья. В провинции Хунань, занимающей первое место в стране по производству фосфорных удобрений, построен Люянский фосфорный рудник годовой мощностью 850 тыс. т фосфорной руды. Здесь же сданы в эксплуатацию 39 заводов фосфорных удобрений и 8 фосфорных рудников уездного подчинения.

Для оценки общего объема производства химических удобрений в Китае большой интерес представляет сообщение, появившееся в учебнике по политической экономии социализма, изданном в 1976 г. в Пекине. В нем говорится об увеличении производства химических удобрений в 1970 г. приблизительно в 15 раз по сравнению с 1957 г.²³. Если исходить из официальных данных о производстве в 1957 г. 631 тыс. т химических удобрений²⁴ и последующих сообщений об относительных приростах за отдельные годы, то динамика производства химических удобрений будет выглядеть следующим образом:

Год	1957	1964	1965	1966	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977
Объем добычи (млн. т)	0,63	4,0	6,7	8,7	9,5	11,4	13,5	17,0	17,2	23,8	26	31,4

Примечание: При расчетах приняты во внимание следующие официальные данные:

- 1) В 1970 г. производство химических удобрений увеличилось в 15 раз по сравнению с 1957 г. («Лекции по политической экономии», Пекин, 1976, стр. 86 (на кит. яз.).)
- 2) В 1971 г. производство возросло на 20,2% («Peking Review», 1972, № 2).
- 3) В 1972 г. производство увеличилось на 18% («Peking Review», 1973, № 3).
- 4) В 1973 г. производство возросло на 25,8% («Peking Review», 1974, № 3).
- 5) В 1974 г. производство возросло в 4,3 раза по сравнению с 1964 г. («Жэньминь жибао», 21.1.1975).
- 6) В 1972 г. было произведено минеральных удобрений в 2 с лишним раза больше, чем в 1965 г. («Жэньминь жибао», 1.Х.1973).
- 7) В 1965 г. производство возросло на 2,7 млн. т («Жэньминь жибао», 18.ХII.1965).
- 8) В 1966 г. рост составил 30% против 1965 г. (NC NA, 3.1.1967).
- 9) В 1975 г., по сообщению агентства Синьхуа 4 марта 1976 г., производство увеличилось в 2,5 раза против 1970 г.
- 10) В 1977 г. уровень производства увеличился на 31,9% по сравнению с 1975 г. («Жэньминь жибао», 12.11.1977).

²¹ «Жэньминь жибао», 29.XII.1976.

²² Там же, 25.IX.1977.

²³ «Лекции по политической экономии. (Социализм)». Пекин, 1976, стр. 127 (на кит. яз.).

²⁴ «Великое десятилетие», Пекин, 1959, стр. 86 (на кит. яз.).

Из сообщений о развитии других отраслей химии следует отметить информацию о вступлении в строй в конце 1976 г. завода по производству этилена в Пекине мощностью 300 тыс. т основного продукта в год. В начале 1977 г. было закончено строительство нефтехимического комбината «Шэнли», на котором предусматривается производство более 30 видов продукции, в том числе бензина, керосина, дизельного топлива, а также минеральных удобрений, бензола, акрилонитрила и др. В 1977 г. в городе Ляояне (провинция Ляонин) строился комбинат по производству синтетического волокна, который должен стать одной из крупных баз нефтехимической промышленности страны.

Легкая промышленность. В настоящее время в легкой промышленности КНР насчитывается 120 тыс. предприятий. Валовая продукция отрасли в 1976 г. увеличилась в 12 раз против 1949 г. За первые 8 месяцев 1977 г., по сообщению агентства Синьхуа 29 сентября 1977 г., производство возросло на 12% по сравнению с тем же периодом 1976 г., то есть, как и в предшествовавшие годы, развивалось более низкими темпами, чем промышленность в целом.

Главные усилия в истекшем году были направлены на подъем производства в текстильной и пищевой отраслях.

Обращает на себя внимание сообщение китайской прессы об изменении в географии текстильной промышленности: по сообщению агентства Синьхуа 27 сентября 1977 г., в 1949 г. на долю внутренних районов приходилось 20% веретен, а в 1977 г. — 43%.

* * *

Известное упорядочение и рост производства в 1977 г. не дают, однако, оснований утверждать, что китайскому руководству удалось наконец найти пути сбалансированного поступательного развития китайской промышленности.

Заметное увеличение промышленного производства в 1977 г. является лишь первоначальной реакцией экономики на меры, предпринятые руководством КНР. Однако эти меры не устраняют главных, коренных причин неудач последних 10 лет, которые сами китайские лидеры называют ныне «потерянным десятилетием». Они означают лишь создание минимальных условий, необходимых для функционирования современного производства, базирующегося на общественной собственности. В то же время курс на подчинение экономического развития страны великодержавным националистическим целям, на всемерное наращивание военного потенциала, который и явился главным источником неурядиц и провалов в народном хозяйстве, по-прежнему остается стержнем экономической политики китайского руководства.

Сельское хозяйство

В. И. Потапов,

кандидат экономических наук

В 1977 г. сельское хозяйство Китая продолжало оставаться в тяжелом положении. Сокращение производства в отдельных отраслях промышленности, связанное с отсутствием политической стабильности в стране, вызванным борьбой с «четверкой» и ее сторонниками, приве-

ло к недопоставкам деревне сельскохозяйственной техники, химических удобрений, электроэнергии, горючего.

В докладе члена политбюро ЦК КПК, заместителя премьера Госсовета КНР Юй Цю-ли на третьем всекитайском совещании по вопросам механизации сельского хозяйства в январе 1978 г. отмечалось, что в последние годы по вине «группы четырех» развитие сельского хозяйства замедлилось и не соответствовало растущим потребностям крупномасштабного строительства и снабжения населения, что сокращение производства стали и чугуна снизило темпы механизации сельского хозяйства. Положение усугублялось неблагоприятными погодными условиями на значительной территории страны. В первой половине года, особенно в зимне-весенний период, в ряде районов севернее реки Янцзы наблюдалась серьезная засуха, которая отрицательно сказалась на урожае озимой пшеницы, а также на весеннем севе зерновых и других сельскохозяйственных культур. В бассейнах рек Хуайхэ и Хуанхэ, например, осадки не выпадали с октября 1976 г. по март 1977 г. Сообщалось, что в этих районах пострадало более 50% площадей, занятых под зерновыми культурами. Недобор пшеницы в этих районах (на долю провинций, расположенных в бассейне указанных рек, приходится свыше 50% всей посевной площади под озимой пшеницей и более 60% ее сбора в стране) сказался в целом на летнем урожае зерновых. Засуха наблюдалась и в отдельных южных районах, в частности в провинции Сычуань.

На борьбу с засухой китайское руководство вынуждено было мобилизовать не только сельское население, но и часть городского населения и армию. В марте 1977 г. Госсовет КНР опубликовал уведомление, адресованное провинциям, автономным районам и городам центрального подчинения, в котором были выдвинуты требования принять экстренные меры по борьбе с засухой. Сообщалось, что только в марте месяце в провинции Шаньдун было мобилизовано 17,5 млн. человек, а в провинции Хэнань и Шаньси — соответственно 14 и 7 млн. человек²⁵.

Угроза громадных потерь урожая уменьшилась после прошедших в указанных выше районах дождей и в результате принятых на местах мер: организации полива полей, в том числе и вручную, подкормки растений удобрениями, расширения посевов под яровой пшеницей и т. д.

Выращивание раннего риса, который включается в летний урожай зерновых и культивируется в основном в южных районах страны, проходило в более благоприятных условиях. Как сообщала китайская печать, в некоторых районах (провинциях Хубэй, Хунань, Фуцзянь и Сычуань, а также в Гуанси-Чжуанском автономном районе) удалось собрать хороший урожай раннего риса²⁶.

Однако летний урожай зерновых (около 40% всего зерна в стране) оказался ниже намеченных заданий²⁷.

Китайское руководство, обеспокоенное сложившимся положением в сельском хозяйстве, организовало целый ряд всекитайских и региональных совещаний и конференций, на которых обсуждались вопросы дальнейшего развития сельскохозяйственного производства. Провинциям страны было указано на необходимость расширения производства зерновых осеннего урожая, чтобы компенсировать их недобор в летний период, увеличить производство хлопка, соевых бобов и другой сельскохозяйственной продукции. Такие совещания прошли в провин-

²⁵ «Жэньминь жибао», 15.III.1977.

²⁶ Там же, 30.VI.1977.

²⁷ Там же, 14, 16.VIII.1977.

циях Шаньдун, Хунань (по производству хлопка и риса на юге страны), Аньхуэй (по развитию чаеводства), Шаньси (научная конференция, в которой приняло участие более 3 тыс. человек) и т. д.

Во второй половине 1977 г. в результате принятых мер — расширения орошаемых полей, более широкого применения минеральных удобрений и сортовых семян, улучшения ухода за посевами, — а также благодаря благоприятным погодным условиям в целом по стране, удалось собрать хороший урожай зерновых культур. В 1977 г. валовой сбор зерна оценивался в 240 млн. т, хлопка — примерно в 2,2 млн. т, что несколько выше, чем в предыдущем году. Производству хлопка в последние годы стало уделяться больше внимания. Низкие темпы его роста значительно обострили положение с хлопком в стране. Делались попытки увеличить его производство путем расширения поливных площадей, главным образом в районе бассейна среднего и нижнего течения реки Янцзы. Китайская печать сообщала о хорошем сборе в отдельных районах других сельскохозяйственных культур: масличных, в частности рапса, волокнистых — рами, чая и т. д.

Медленными темпами развивалось животноводство — одна из отсталых отраслей сельского хозяйства Китая. Приоритет отдавался свиноводству — важнейшему в стране источнику производства мяса и органических удобрений.

Как и в предыдущие годы, китайское руководство поощряло разведение свиней в личных хозяйствах крестьян. Такая политика позволила в последние годы увеличить поголовье свиней в стране. В 1977 г. оно оценивается примерно в 230 млн. голов, или на 10 млн. голов больше, чем в предыдущем году.

Низкие темпы роста сельскохозяйственного производства в 1977 г., как и в предыдущие годы, значительно обостряют и без того трудное положение в стране с продовольствием и сырьем для промышленности. Производство зерна и хлопка, например, в расчете на душу населения еще не достигло уровня 1957 г., когда оно составляло соответственно 286 кг и 2,5 кг.

В первой половине года в некоторых провинциях (Гуйчжоу, Сычуань, Фуцзянь, Цзянси, Чжэцзян) были несколько снижены нормы распределения зерна, что вызвало недовольство крестьян.

Китайская печать отмечала в 1977 г., что «уровень сельскохозяйственного производства в стране низкий», «производство зерна еще далеко не удовлетворяет растущие потребности», «темпы роста валовых сборов зерновых низкие, отстает также производство технических культур — хлопка и масличных»²⁸.

О больших трудностях с продовольствием в стране говорит и факт увеличения закупок зерна за границей. По состоянию на июль месяц 1977 г. Китай уже закупил, главным образом в Канаде, Австралии и Аргентине, около 12 млн. т зерна. До конца истекшего года должно быть поставлено более 7 млн. т, то есть рекордное количество зерна за всю историю КНР. Закупки зерна в прошлом году обошлись государству примерно в 1 млрд. долл. Китай активно стал импортировать соевые бобы, хотя сам является одним из крупнейших производителей этой сельскохозяйственной продукции, и сахар. В 1977 г. за границей было закуплено 1200 тыс. т сахара на сумму 200 млн. долл. Общая стоимость закупок указанного продовольствия составляет около 25% всего импорта Китая в 1976 г.

²⁸ «Жэньминь жибао», 13.VI; 7.IX; 20.XI.1977.

В 1977 г., особенно во второй половине, в центральной печати и в выступлениях китайских руководителей стали больше освещаться, в отличие от предыдущих лет, некоторые важные причины, тормозившие развитие сельскохозяйственного производства. Печать и китайское руководство пытаются переложить вину за создание сложной обстановки в сельском хозяйстве, как и в экономике в целом, на известную «четверку». Отмечается, что для сельского хозяйства Китая характерны: слабость централизованного руководства, отсутствие налаженной хозяйственно-управленческой работы, особенно работы по планированию сельскохозяйственного производства и национальному использованию трудовых ресурсов, низкий жизненный уровень большинства крестьян и т. д. Вместе с тем на страницах китайских газет и журналов неоднократно подчеркивалось, что в коллективных хозяйствах должна сохраняться «трехступенчатая система» собственности с производственной бригадой в качестве основной хозяйственной единицы и должен осуществляться принцип распределения по труду, должны развиваться коллективные и домашние промыслы, сохраняться приусадебные участки крестьян²⁹.

Одной из серьезных проблем, возникших в последние годы в китайской деревне и оказавшей отрицательное влияние на темпы роста сельскохозяйственного производства, является нехватка рабочей силы, непосредственно занятой сельскохозяйственным трудом. Газета «Жэньминь жибао» отмечала в сентябре 1977 г., что во многих местах из производственных бригад временами или постоянно на несельскохозяйственные работы отвлекается большое количество трудоспособных людей³⁰. Эта же газета приводила следующий пример. В некоторых больших производственных бригадах округа Цзиньчжун провинции Шаньси в сельскохозяйственном производстве было занято всего лишь от 48 до 55% общей численности трудоспособного населения бригад.

Перед коллективными хозяйствами ставится задача использовать в сельскохозяйственных работах не менее 70% рабочей силы в деревне. Число трудоспособных, отвлекаемых на полеводческо-капитальное строительство на уровне уездов, народных коммун и больших производственных бригад, не должно превышать 10%, для работы на предприятиях народных коммун — 5%, а в уездных и других вышестоящих организациях — не более 3%. Член политбюро ЦК КПК, заместитель председателя Госсовета КНР Чэнь-Юн-гуй в октябре 1977 г. писал, что в настоящее время в больших производственных бригадах увеличивается количество «босоногих» врачей, народных учителей, радиотехников и представителей других профессий. Очень много людей отрывают от производства. Всех, кого можно привлечь к труду, продолжал Чэнь-Юн-гуй, необходимо отправить на передний фронт производства, на работу по капитальному строительству на полях³¹.

Основными причинами возникновения такой проблемы в китайской деревне, где проживает около 85% всего населения страны, является экономическая политика, проводимая китайским руководством на селе, низкий уровень материально-технического обеспечения сельскохозяйственного производства, отсутствие должного планирования в распределении рабочей силы на местах, отсутствие заинтересованности крестьян в сельскохозяйственном труде.

Слабость материально-технической базы — одна из главных причин медленных темпов развития сельского хозяйства. Несмотря на не-

²⁹ «Жэньминь жибао», 17.III., 15.IX.1977.

³⁰ Там же, 3.IX.1977.

³¹ Там же, 12.X.1977.

которое улучшение обеспечения деревни сельскохозяйственными машинами, орудиями и инвентарем за прошедшее после образования КНР время, техническая оснащенность сельского хозяйства по-прежнему остается очень низкой. Основной тягловой силой в деревне, как и 28 лет назад, является рабочий скот, многие сельскохозяйственные работы производятся вручную.

Для Китая характерна неравномерность осуществления механизации сельского хозяйства. Это обусловлено как природными условиями, так и экономическими факторами. Сравнительно высокий уровень механизации, как сообщает китайская печать, достигнут в отдельных районах (главным образом в северной части страны), в государственных хозяйствах, где имеется возможность использовать крупную сельскохозяйственную технику. Например, в провинции Шаньдун с помощью машин обрабатывается примерно 40% пахотной площади³². В других районах ощущается большая нехватка сельскохозяйственных машин и даже обычных сельскохозяйственных орудий и инвентаря.

Под осуществлением «в основном механизации сельского хозяйства» в 1980 г., как отмечает китайская печать, имеется в виду на 70% механизировать основные трудовые процессы в земледелии, лесоводстве, животноводстве, подсобных промыслах и рыбоводстве. К таким процессам печать относит обработку и транспортировку сельскохозяйственной продукции, обработку почвы, уборку урожая, орошение, полеводческое капитальное строительство и другие виды работ.

Для достижения указанного уровня механизации основных сельскохозяйственных работ необходимо, как отмечал заместитель премьера Госсовета КНР Юй Цю-ли, увеличить парк тракторов большой и средней мощности на 70, количество крупных и средних сельскохозяйственных орудий на механической тяге — на 110, количество дренажно-орошительных установок — на 32, а производство минеральных удобрений повысить на 58% (в понятие «механизация сельского хозяйства» китайская печать включает производство и потребление минеральных удобрений). По заявлению китайской печати, в 1980 г. на каждый гектар пашни должно быть внесено по 600 кг химических удобрений.

Возможность такого резкого увеличения производства сельскохозяйственной техники и химических удобрений за оставшиеся три года при наличии сегодняшней базы сельскохозяйственного машиностроения и производства удобрений вызывает большие сомнения. Например, чтобы повысить потребление минеральных удобрений в 1980 г. в расчете на один гектар до 600 кг (при наличии пахотной площади примерно в 110 млн. га), нужно поднять их производство до 66 млн. т, то есть увеличить по сравнению с 1977 г. в два раза. Аналогичное положение складывается и в производстве тракторов и другой необходимой для деревни техники.

Значительное увеличение мощностей только в сельскохозяйственном машиностроении и в химической промышленности требует от государства больших капитальных вложений. Однако осуществляемая политика наращивания военно-промышленного потенциала, на что тратятся огромные средства, не позволяет создать за короткий срок материально-технические средства, необходимые для интенсивного развития сельского хозяйства.

Нынешнее китайское руководство по-прежнему придерживается старого принципа в осуществлении механизации сельского хозяйства — «опоры на собственные силы» уездов, коммун и производственных

³² «Жэньминь жибао», 28.V.1977.

бригад. Таким образом, сохраняется старая установка Мао Цзэ-дуна по этому вопросу. «В деле механизации (сельского хозяйства. — В. П.) провинции, города и автономные районы должны рассчитывать главным образом на свои собственные силы, — писал Мао Цзэ-дун в письме относительно механизации сельского хозяйства в 1966 г. (письмо опубликовано агентством Синьхуа 26 декабря 1977 г.). — Центр может оказывать лишь известную помощь сырьем и материалами тем районам, которые ощущают нехватку в них, конечно, за плату, и при действительном наличии у него запасов сырья и материалов. Недопустимо, чтобы все разом приступали к механизации и протягивали руки за помощью».

Провозглашенный лозунг «в основном механизировать сельское хозяйство к 1980 г.» вряд ли может быть осуществлен даже при достижении указанных выше показателей производства сельскохозяйственной техники. Например, увеличение вдвое нынешнего парка тракторов дало бы возможность лишь поднять машинную обработку пашни в стране с 15% в настоящее время до 30% в 1980 г.

В 1977 г. в китайской печати продолжались призывы осуществить в основном механизацию сельского хозяйства к 1980 г. Для усиления этой работы Госсоветом КНР была создана руководящая группа. Аналогичные группы были организованы во всех провинциях, городах центрального подчинения и автономных районах. Однако, как свидетельствует китайская печать, эта задача все еще не выполняется. У народных коммун и производственных бригад очень мало средств для приобретения техники и производства ее на местах, а государство, по существу, отказывается оказывать коллективным хозяйствам соответствующую финансовую и материальную помощь. Основная часть средств на механизацию сельского хозяйства (70—90%) должна изыскиваться в самих уездах. Кроме того, не решены проблемы обеспечения деревни горючим, запасными частями, ремонтной базой, а также кадрами механизаторов.

В 1977 г. китайское руководство, объявив о некоторых трудностях, не выработало конкретную программу по их устранению. Оно пыталось найти средства для увеличения роста сельскохозяйственного производства на путях маоистской политики «опоры на собственные силы» коллективных хозяйств и уездов, политического и административного давления на крестьян, дальнейшего развертывания «движения учебы у Дачжая».

Транспорт

С. Л. Ширяев,
кандидат экономических наук

Первоочередные задачи, которые пришлось решать китайскому руководству в этой отрасли народного хозяйства, состояли в том, чтобы «навести всеобщий порядок на транспорте», как-то нормализовать его работу. Китайская печать старалась доказать, что ненормальное, крайне сложное положение, которое сложилось на транспорте, в особенности на железных дорогах, явилось делом рук «банды четырех». Если судить по материалам официальной печати, то главные обвинения, предъявленные «четверке», состояли в том, что она умышленно создавала хаос в экономике, в том числе на транспорте, выступала про-

тив руководства партии, пыталась парализовать работу транспорта, внося раскол в ряды рабочего класса и вызывая беспорядки и саботаж, чтобы подготовить почву для захвата власти, сознательно тормозила развитие транспорта.

В целях установления порядка на транспорте и улучшения его работы китайское руководство провело в феврале — апреле 1977 г. четыре всекитайских совещания, на которых были предприняты попытки найти выход из создавшегося на транспорте положения.

Железнодорожный транспорт. В 1976 г. и в начале 1977 г. на железнодорожном транспорте, являющемся, по признанию руководителей КНР, «наиболее слабым звеном в народном хозяйстве», сложилась крайне напряженная ситуация. Бесперывные политические кампании, дезорганизация управления, ослабление трудовой дисциплины, акты саботажа и грабежа, вооруженные нападения на объекты во многих городах и ряд других чисто технических причин — все это привело к тому, что на железнодорожном транспорте, в особенности на дорогах Чжэнчжоуского, Ланьчжоуского и ряда других управлений, создавалась обстановка, которая осложняла и затрудняла, а порой и исключала нормальную работу железных дорог. Для наведения порядка и восстановления нормальной работы железных дорог правительству приходилось прибегать к помощи армии.

В этих условиях Государственный совет КНР в феврале 1977 г. созвал всекитайское совещание по работе железнодорожного транспорта, а в марте — совещание по обеспечению общественного порядка на железных дорогах. Судя по сообщениям официальной печати, в решениях совещания по работе железнодорожного транспорта, кроме политических задач — твердо придерживаться линии Мао Цзэ-дуна, критиковать деятельность «четверки», — ставились организационные и экономические задачи. Так, с целью усиления управления в системе железнодорожного транспорта намечалось проведение упорядочения руководящих кадров на всех уровнях. Для укрепления руководства на местах парткомам провинций, автономных районов и городов центрального подчинения было также предложено усилить руководство железными дорогами, находящимися на территориях этих административных единиц, выделив секретарей парткомов, которые должны специально заниматься вопросами, связанными с деятельностью железных дорог. Предусматривалось превратить железнодорожный транспорт в полувойсковую отрасль хозяйства, а железнодорожников — в армию полувойскового типа. Указывалось на необходимость мобилизовать всех рабочих и служащих на установление «великого порядка» на железных дорогах и устранение ущерба, нанесенного «четверкой», и ее влияния. На совещании была выражена решимость путем упорной борьбы в течение 3—5 лет превратить железные дороги в предприятия «дацинского типа»³³.

Специальное совместное совещание министерства железных дорог и министерства общественной безопасности (март 1977 г.), посвященное вопросам обеспечения порядка на железнодорожном транспорте, приняло решение усилить в масштабах всей страны меры по подавлению «контрреволюционных элементов» и тех, кто создает аварии и катастрофы на транспорте, совершает поджоги и грабежи, подстрекает рабочих на забастовки. Совещание потребовало наладить работу по поддержанию порядка на железных дорогах, вокзалах, товарных станциях, в поездах, а также по обеспечению охраны железных дорог и

³³ «Жэньминь жибао», 21.II.1977.

объектов совместными силами железнодорожников и народных коммун во взаимодействии с частями НОАК и органами общественной безопасности.

Одной из важнейших задач, стоявших перед железнодорожным транспортом, была ликвидация скоплений грузов на предприятиях и станциях, в особенности угля. Как отмечала «Жэньминь жибао», в 1976 г. вследствие серьезных помех и подрывной деятельности «группы четырех» не было своевременно вывезено большое количество угля с шахт в Датуне, Янцюане, Нинся-Хуэйском автономном районе, юго-восточной части провинции Шаньси, провинции Хэйлунцзян и других местах.

После проведенных совещаний официальная печать публиковала многочисленные материалы, в которых сообщалось об улучшении положения на железнодорожном транспорте, об успехах в его работе. В частности, сообщалось о том, что начиная с конца февраля железнодорожные управления из месяца в месяц перевыполняли планы перевозок, увеличился объем перевозок грузов, ускорился оборот вагонов, увеличилось использование локомотивов, повысилась регулярность движения поездов по графику. Однако осуществление мер по улучшению работы железнодорожного транспорта, намеченных февральским совещанием, происходило, видимо, не совсем гладко. Это предположение подтверждается сообщениями в «Жэньминь жибао» в октябре, в которых выражалась озабоченность результатами реализации мер по улучшению работы железных дорог. И «Жэньминь жибао» вынуждена была призвать железнодорожников «поднажать» и потребовала от них изыскать и мобилизовать все резервы, обеспечить безопасность и регулярность перевозок, улучшить организацию перевозок, обратив самое серьезное внимание на ликвидацию встречных, повторных и других нерациональных перевозок грузов.

Как отмечала официальная печать, железные дороги страны на 24 дня раньше срока выполнили годовые планы по перевозкам грузов. Были перевыполнены планы по перевозкам угля, нефти, химических удобрений и других важнейших грузов. По оценочным данным, в 1977 г. железнодорожным транспортом было перевезено около 900 млн. т грузов, или примерно на 8% больше, чем в 1976 г.

В области железнодорожного строительства следует отметить открытие движения по новой железной дороге протяженностью 149 км, связавшей Яньтуншань, станцию на железной дороге Шэньян — Цзилинь, с Байшаньчжэнем, расположенным в верховьях реки Сунхуацзян в восточной части провинции Цзилинь. Как утверждает китайская печать, железная дорога имеет важное значение для освоения водных ресурсов верхнего течения реки Сунхуацзян и развития юго-восточного горного района провинции. Были завершены работы по электрификации Янаньской железной дороги протяженностью 356 км³⁴, которая соединяет Яппингуань, станцию на магистрали Баоцзи — Чэнду, с Аньканом, важным городом на юге провинции Шэньси. Строительство дороги было начато в 1969 г. В октябре 1972 г. она была сдана в эксплуатацию, и на ней использовались паровозы. К электрификации дороги приступили в сентябре 1973 г. и закончили в конце июня 1977 г. Трасса проходит через многочисленные труднодоступные горы и пересекает 27 рек. Общая протяженность тоннелей и мостов, сооруженных на трассе, составляет более 92 км, или 26% всей длины дороги. Строительство дороги и ее электрификация, подчеркивала «Жэньминь жибао», были

³⁴ «Жэньминь жибао», 25.IX.1977.

выполнены инженерно-техническим персоналом и рабочими КНР. Как сообщала печать, дорога имеет важное значение для развития строительства и улучшения экономической и культурной жизни южной Шэньси и для связи с другими районами. Были построены железнодорожные вокзалы в Чанша и Гуйлине. Площадь первого составляет 19 тыс. кв. м, площадь главного здания и вспомогательных помещений второго вокзала превышает 6,4 тыс. кв. м.

Водный транспорт. Всекитайское совещание по работе морского, речного и автомобильного транспорта, состоявшееся в Пекине в апреле 1977 г., наметило меры по установлению порядка и улучшению работы этих видов транспорта и поставило ряд задач перед работниками транспорта. Совещание отметило, что работники водного транспорта должны увеличить объем перевозок грузов, стремиться к обеспечению безопасности перевозок, недопущению аварий, налаживанию техники безопасности, ускорению погрузочно-разгрузочных работ; подчеркивалась необходимость в основном ликвидировать аренду иностранных судов для дальних перевозок, покончить с такими явлениями, как протой судовой и скопление грузов в портах; была выражена решимость, что уже через год должны появиться первые результаты, а через три года принятые меры должны дать повсеместный эффект. Пароходство на Янцзы обязалось в течение трех лет вдвое увеличить перевозки. В 1977 г. водный транспорт должен добиться перевыполнения годовых планов перевозок и капитального строительства³⁵.

Сообщения печати КНР свидетельствуют о том, что на водном транспорте достигнуты определенные успехи. За первое полугодие годового плана по объему грузовых перевозок и грузообороту портов был выполнен водным транспортом соответственно на 50,4 и 50,2%. Значительно возросли перевозки нефти, угля, стали, руды, лесоматериалов и химических удобрений. К августу 1977 г. в основном были ликвидированы скопления грузов в морских портах, в среднем на 3 дня сократилось время стоянки иностранных судов у причалов. Официальная печать сообщала о досрочном выполнении рядом портовых управлений годовых планов по грузообороту. Так, шанхайские портовики на 46 дней раньше срока, а Чжаньцзянское портовое управление досрочно на 50 дней выполнили годовые планы по грузообороту; при этом грузооборот увеличился соответственно на 7,7 и 17,7% по сравнению с аналогичными периодами 1976 г.³⁶

По предварительным оценкам, перевозки грузов водным транспортом составили около 126 млн. т, или примерно на 7% больше, чем в 1976 г.

Проводились работы по расширению морских портов. Так, были построены два новых глубоководных причала в порту Ляньюньган (провинция Цзянсу). Велось строительство объектов в порту Хуанпу, на юге Китая. В настоящее время порт имеет 5 глубоководных причалов для судов класса 10 тыс. т, 7 причалов для барж, а также железнодорожные пути и шоссейные дороги, склады и товарные дворы, электростанции и другие вспомогательные объекты. В порту Яньтай (провинция Шаньдун) введен в строй специализированный угольный причал, позволивший, по утверждению печати, в 10 раз увеличить эффективность погрузки и выгрузки угля; строились также склады, товарные дворы и другие объекты. Сейчас порт имеет 3 глубоководных причала и 3 причала для среднетоннажных судов.

³⁵ «Жэньминь жибао», 11.IV.1977.

³⁶ Там же, 20.XI.1977.

В 1977 г. Китай усиленно закупал грузовые суда, бывшие в эксплуатации. По данным иностранной печати, им было куплено более 30 судов, общим дедвейтом, превышающим 573 тыс. т. В большинстве случаев были приобретены сухогрузные суда для перевозки навалочных грузов. Возраст судов составляет от 3 до 15 лет.

Помимо судов, бывших в эксплуатации, были приобретены и новые суда. Так, новое грузовое судно было построено по заказу Китая в Югославии. Грузоподъемность сухогрузного океанского судна, предназначенного для перевозки навалочных грузов, составляет 45 тыс. т, длина судна 213 м. В декабре был спущен на воду первый танкер «Дацин-216», построенный по заказу КНР на Мальте. На верфи в Карачи (Пакистан) было завершено строительство сухогрузного судна дедвейтом 13 500 т.

На Всекитайском совещании по работе водного и автомобильного транспорта подчеркивалось, что Китай должен в основном отказаться от фрахтования иностранных судов. Однако в 1977 г. Китай арендовал значительный тоннаж иностранных судов для перевозки большого количества закупленного зерна и других массовых грузов. При этом фрахтовались суда в тайм-чартер и на одну поездку. Так, по данным журнала «Фар истерн экономик ревью» № 40 от 7 октября 1977 г., только в июле — августе Китай зафрахтовал сухогрузные суда общим дедвейтом 136,5 тыс. т на период 12—15 месяцев. В июне — июле были зафрахтованы суда суммарным тоннажем 508,5 тыс. т на одну поездку.

В 1977 г. Китай впервые экспортировал морские суда. Судно грузоподъемностью 3700 т, построенное на Шанхайских судостроительных верфях для малайзийской международной пароходной корпорации, было передано Малайзии в августе 1977 г.

Для внутренних водных путей в Учане построен первый речной пассажирский теплоход «Дунфанхун-46». Два дизельных двигателя общей мощностью 2640 л. с. позволяют развивать скорость 27 км в час; в высокую воду теплоход может брать на борт 1492 т груза и 800 пассажиров. Судно может круглый год плавать по Янцзы от Шанхая до Чунцина.

В 1977 г. были расширены морские связи с рядом стран. Были подписаны договоры о морском судоходстве между КНР и Финляндией, КНР и Аргентиной. Были заключены соглашения о сотрудничестве в области надзора за техническим состоянием морских судов и классификации судов между регистрами КНР и Норвегии, КНР и ФРГ, КНР и регистром Ллойда (Англия). В июле было открыто прямое сообщение между Китаем и Бангладеш. Возобновлено сотрудничество в области морского судоходства между КНР и Индией.

В целях развития морского судоходства между Китаем и Японией обе стороны согласились открыть с 24 июня 1977 г. в столицах этих двух государств постоянные представительства по морским перевозкам. Эти представительства — Пекинское бюро японского совета и Токийское бюро китайской компании океанского судоходства — учреждены на основе межправительственного соглашения о морском судоходстве, заключенного в 1974 г. Вместе с тем, по сообщению агентства Киодо Цуси от 28 сентября 1977 г., Китай и Япония договорились открыть регулярное пароходное сообщение между двумя странами, использовать для этого равное число судов и взимать одинаковые сборы.

Китай продолжал оказывать влияние на морское судоходство в районе Юго-Восточной Азии. Испытывая нехватку судов для обеспечения насущных собственных нужд, Китай в то же время активно высту-

пал на рынке грузоотправителей стран Юго-Восточной Азии, в частности в Сингапуре, стремясь завоевать этот рынок путем поставок грузоотправителям своих судов по ставкам, которые на 15—20% ниже фрахтовых ставок, установленных Дальневосточной фрахтовой конференцией.

С 26 марта по 3 апреля в Пекине состоялась XXVII сессия Правления китайско-польского акционерного судоходства общества. 3 апреля состоялось подписание протокола сессии.

В июне 1977 г. отмечалось 10-летие китайско-танзанийской совместной судоходной компании. Компания имеет 4 грузовых океанских судна класса 10 тыс. т, которые совершают рейсы между 100 с лишним портами более чем 40 стран и территорий Азии, Африки и Европы. Со времени образования до конца 1976 г. судами компании было перевезено 867 тыс. т грузов.

С 27 июля по 3 октября в Хэйхэ (провинция Хэйлуцзян) состоялось XX совещание смешанной советско-китайской комиссии по судоходству. Стороны согласовали план путевых работ на 1977—1978 гг., предусматривающий некоторые меры по улучшению судоходных условий. Были также рассмотрены и приняты новые правила плавания по пограничным участкам рек Амур (Хэйлуцзян), Уссури. Очередное XXI совещание смешанной комиссии решено провести в Советском Союзе.

Воздушный транспорт. За рассматриваемый период были расширены внутренние и международные авиационные линии, велось строительство и реконструкция аэропортов в некоторых крупных городах, пополнился парк самолетов и вертолетов, проводились закупки иностранной авиационной техники.

К имеющимся внутренним авиалиниям в апреле добавились еще две, а именно: линии Шанхай — Ханчжоу — Чанша — Гуйлинь и Шанхай — Ланьчжоу — Урумчи. Новая линия, ведущая в Синьцзян, является самой большой по протяженности в стране — ее длина 3600 км. До этого Синьцзян с другими районами соединяли линии Пекин — Ланьчжоу — Урумчи и Пекин — Урумчи. В настоящее время в стране насчитывается более 100 внутренних авиационных линий, связывающих свыше 80 городов, их общая протяженность составляет 147,5 тыс. км.

В целях развития международных воздушных сообщений в июне в Аддис-Абебе между КНР и Эфиопией было подписано соглашение, по которому китайским самолетам разрешается совершать полеты через Аддис-Абебу в другие страны Африки. В том же месяце в Карачи между Главным управлением гражданской авиации Китая (ГУГАК) и Управлением гражданской авиации Пакистана была подписана памятная записка об открытии китайской линии через Карачи в Африку. Самолеты ГУГАК курсируют на 9 международных маршрутах, общая длина которых увеличилась с 3 тыс. до 40 тыс. км. На XXII сессии ассамблеи Международной организации гражданской авиации (ИКАО), состоявшейся 17.IX.1977 г., Китай был избран в основной исполнительный орган — совет ИКАО.

Велось строительство новых и реконструкция ряда имеющихся аэропортов. В частности, в аэропорту «Шоуду» (Пекин) была проложена новая взлетно-посадочная полоса длиной 3200 м и шириной 50 м. С ноября 1976 г. сооружается аэровокзал, площадь которого будет составлять 54,5 тыс. м². Планируется также расширение старой взлетно-посадочной полосы, которая будет иметь длину 3800 м и ширину 60 м и предназначена специально для крупных самолетов. Новые аэродромы также строились в Хэфэе, административном центре провинции Ань-

хуэй, Тяньцзинь и Харбине. Взлетно-посадочные полосы этих аэродромов будут иметь длину 3200 м каждая. Аэродромы в Хэфэе и Тяньцзинь не будут служить резервными аэродромами для Шанхая и Пекина. Реконструкции подверглись аэродромы в Шанхае, Гуанчжоу, Ханчжоу и Урумчи.

В 1977 г. было начато производство нового типа гражданского самолета для использования в специализированной авиации. Он может применяться в сельском и лесном хозяйстве, геологоразведке, для перевозок пассажиров на короткие расстояния, учебно-тренировочных полетов.

Гражданская авиация пополнилась несколькими самолетами «Трайдент», полученными из Англии по ранее заключенным контрактам, и 4 вертолетами БО-105, которые были заказаны в середине 1976 г. у фирмы «Мессершмитт — Бельков — Блом» (ФРГ); эти вертолеты предназначены для обслуживания судов и морских буровых установок в Бохайском заливе.

По сообщениям западной печати, Китай проявлял активную деятельность по закупкам авиационной техники за рубежом. В частности, были куплены двигатели и запасные части для вертолетов БО-105, оборудование для управления полетами гражданских самолетов, оборудование для испытания шасси и тормозов самолетов. В Канаде были закуплены три самолета типа «Оттер», предназначенные для геологической разведки, которые подлежат поставке в 1978 г. Условия контракта предусматривают обучение в Канаде китайских пилотов и техников³⁷. Через японскую торговую фирму «Сумитомо сёдзи» Китай сделал американской аэрокосмической компании «Грумман корпорэйшн» заказ на несколько служебных транспортных самолетов и бипланов для сельскохозяйственных нужд.

Вопросы материального положения трудящихся в политике нового китайского руководства

И. Н. Наумов,

кандидат экономических наук

Одной из наиболее трудных проблем, которую предстоит преодолеть руководству Хуа Го-фэна, является низкая трудовая активность населения. Надежды бывшего руководства КНР на то, что можно заставить народ работать, не требуя достаточного вознаграждения за свой труд, полностью провалились. В настоящее время трудовая инертность, упадок производственной дисциплины грозят перечеркнуть все планы осуществления четырех модернизаций, согласно которым к концу XX в. Китай должен превратиться в передовую и могучую державу мира.

Причины всеобщей апатии кроются в тяжелых условиях жизни, в тех провалах в экономике, которые были вызваны проведением маоистского националистического курса. В результате вот уже 20 лет в стране проводится «политика рационально низкой заработной платы», сред-

³⁷ China Trade Report, August 1977.

того, еще у 18 с лишним процентов заработная плата также в той или иной степени увеличивается»⁴⁶.

Как сообщает официальная печать, повышение заработной платы составляет несколько выше 10%⁴⁷, то есть на 2—7 юаней в месяц.

В разъяснениях агентства Синьхуа от 13 ноября 1977 г. говорится, что кандидаты на повышение заработной платы «обсуждаются среди масс и утверждаются парткомом». Кроме названных выше критериев, при выдвижении людей на повышение заработной платы учитывается: 1) «как данный работник показал себя в политическом отношении», 2) «как он относится к труду», 3) «каков его вклад в работу» и 4) «каков уровень квалификации». Выдвижение в качестве первого условия для повышения заработной платы «политической» благонадежности открывает широкий простор для субъективизма, своеволия, сведения личных счетов, зажима критики в адрес существующего режима, а в конечном счете к умалению принципа распределения по труду.

«Упорядочение» заработной платы указанным категориям работников свидетельствует о попытках нынешней администрации КНР проведения широкого социального маневра. Суть его состоит в том, что если в пору «культурной революции» руководство Мао Цзэ-дуна опиралось на неопытную молодежь и другие отсталые элементы общества в борьбе против наиболее сознательной части рабочих и интеллигенции, то руководство Хуа Го-фэна, напротив, стремится заручиться поддержкой тех классов и социальных слоев общества, которые по своему фактическому положению занимают ключевые позиции в производстве, в науке и в сфере подготовки кадров, так как без привлечения их к активной производственной и научной деятельности оно не может не только осуществить, но и приблизиться к осуществлению «четырёх модернизаций».

Конечно, повышение заработной платы низко- и сравнительно низкооплачиваемым рабочим и служащим даже на 2—7 юаней в некоторой степени смягчит напряженность семейных бюджетов и несколько компенсирует потери от роста цен у этой категории рабочих и служащих. Однако оно не решит важнейшей задачи в КНР — создание нормальных условий жизни даже для этих категорий трудящихся. Кроме того, за бортом «повышения заработной платы» остаются молодежь, женщины, пришедшие на производство после «культурной революции». Этот контингент рабочих и служащих насчитывает сейчас примерно 20 млн. человек. Их заработки составляют 18—40 юаней в месяц.

Увеличение количества денег у значительной части рабочих и служащих приведет к дальнейшему повышению потребительского спроса прежде всего на предметы первой необходимости — зерновые, растительное масло, мясо, сою, сахар, ткани, обувь, топливо и т. п., обеспечение населения которыми в настоящее время жестко регламентируется. Поэтому решение о повышении заработной платы ставит перед правительством ряд проблем, и прежде всего проблему изыскания ресурсов. В настоящее время главным источником жизненных средств является сельское хозяйство, темпы прироста которого крайне неудовлетворительны. В 1977 г. вследствие засухи валовой сбор зерновых по сравнению с предыдущим годом не возрос. Поскольку 70% легкой промышленности работает на сельскохозяйственном сырье, то ее возможности увеличения производства также ограничены. Несколько больше

⁴⁶ «Жэньминь жибао», 2.I.1978.

⁴⁷ Там же.

может возрасти производство тех предметов ширпотреба, для изготовления которых не нужно сельскохозяйственное сырье. В 1977 г. КНР снова увеличила импорт зерновых. Однако этот прирост зерна не в состоянии разрешить проблему жизненных ресурсов в целом. Следовательно, сколь-нибудь значительными товарными массами для повышения заработной платы китайское правительство не располагает. Поэтому объявленное им повышение заработной платы, по существу, будет носить дефицитный характер, не опирающийся на экономический рост, и по объективным законам будет осуществляться в значительной степени за счет перераспределения жизненных средств между различными классами и социальными слоями общества.

Так, с целью увеличения сельскохозяйственных ресурсов государственные органы усиливают нажим на крестьянство. Не далее как 20 октября 1977 г. «Жэньминь жибао» в редакционной статье потребовала «уменьшать соответственно количество оставляемого на питание крестьян зерна в тех производственных бригадах, где прежде его оставлялось много», а также «тщательного расчета», «планового» и «экономического» его использования. Поступающие из Пекина сообщения говорят об усилении кампании по развертыванию сберегательного дела. Агенты из сберегательных касс в погоне за вкладчиками обходят на предприятиях рабочие места, собирая «вклады» в буквальном смысле слова по фэням.

Современная система заработной платы в КНР, хотя и не потеряла еще окончательно стимулирующего значения, в то же время не отвечает развитию производства. Разовая прибавка к заработной плате кадровым рабочим и служащим не устраняет одного из главных ее недостатков: она очень слабо связывает непосредственно меру труда с мерой потребления. Необходимость глубокой и всесторонней реформы заработной платы назрела в Китае давно. Она настоятельно диктуется потребностями значительного повышения производственной активности всех трудящихся на каждом рабочем месте. Но для таких крупных мероприятий государство должно располагать дополнительными ресурсами жизненных средств, острую напряженность в снабжении населения которыми оно испытывает всю свою историю, а руководство должно порвать с маонистскими взглядами на стимулирование производства.

В настоящее время экономически обоснованная реформа заработной платы в КНР может быть или менее успешно проводиться только в системе крупных мер общеэкономического порядка, что требует внимательного пересмотра экономической политики.

Сама реформа заработной платы должна включать: широкое внедрение в производство научно обоснованных норм труда и норм расхода материалов, использование всего арсенала средств, развивающих личную материальную заинтересованность (внедрение сдельных, прогрессивно-премиальных, аккордных и др. форм заработной платы, натурального премирования). Даже при немедленном отказе современного китайского руководства от политики милитаризма и маонистских взглядов на распределение проведение всего этого комплекса мероприятий потребует напряженной работы в течение многих лет. Насколько современное руководство КНР будет готово к такому пересмотру, покажет время.

Внешнеполитическая стратегия маоистов

В. А. Кривцов,
доктор исторических наук

Международные отношения в каждую историческую эпоху развиваются в совершенно конкретных, обусловленных своим временем экономических, социальных, политических, идеологических и культурных условиях. Поэтому для их правильного построения, а следовательно, и правильного проведения внешней политики необходимо глубокое научное понимание эпохи, в рамках которой эти международные отношения сложились и развиваются.

Современная историческая эпоха представляет собой эпоху революционного обновления мира, основным содержанием которой является переход от капитализма к социализму, превратившемуся в решающий фактор мирового развития. Одновременно — это эпоха национально-освободительных революций и освобождения народов от колониального гнета. В связи с этим современные международные отношения есть прежде всего отношения двух социально-экономических систем — социализма и капитализма, развитие которых в настоящее время все более настойчиво диктует необходимость мирного сосуществования государств с различным общественным строем. При этом для современных международных отношений характерно возрастающее воздействие на них со стороны социалистических стран, их конструктивной, миролюбивой внешней политики. Социализм, как это предвидел более полувека назад В. И. Ленин, превратился в наши дни в силу интернациональную, «способную иметь решающее влияние на всю мировую политику»¹. Благодаря этому обеспечиваются условия для все более широкого внедрения в международную практику принципов мирного сосуществования и утверждения разрядки в виде главной тенденции. Этот процесс свидетельствует о коренном изменении соотношения сил на мировой арене, росте влияния социализма на ход международных событий, в результате чего все более «создаются возможности для утверждения принципиально новых отношений между государствами»² и «происходит глубокая перестройка всей системы международных отношений»³ в сторону здорового мирного соревнования между социализмом и капитализмом, с одной стороны, и исключения войны и насилия из практики международных отношений — с другой. Только с учетом вышеприведенных особенностей современной эпохи и международных отношений может проводиться реалистическая внешняя политика, имеющая научно обоснованную стратегию и практику. Любая попытка игнорировать эти особенности, то есть встать над основным объективным противоречием и тенденциями современного мира и действовать без учета взаимоотношений двух мировых систем, обречена на провал. Стратегия и тактика, построенные на основании субъективистских, ложных представлений об эпохе, расстановке основных сил на международной арене, не только абсурдны, но и крайне опасны, особенно тогда, когда их субъектом является государство, способное оказывать значительное воздействие на международные отношения. Примером такой

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 165.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, стр. 56.

³ О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., 1977, стр. 19.

субъективистской, абсурдной и крайне опасной стратегии является в наши дни стратегия, которая определяет внешнеполитический курс современного китайского руководства.

За последние десять лет трактовка эпохи китайскими руководителями подверглась определенной эволюции, отражающей их политическое смещение вправо, соответственно, разумеется, вносились и определенные коррективы во внешнеполитическую стратегию. На IX съезде КПК в 1969 г. современная эпоха определялась как эпоха всеобщего крушения империализма и торжества социализма во всем мире. И хотя эта формулировка не была лишена в маоистской интерпретации гегемонизма и антисоветской направленности, X съезд КПК в 1973 г. заменил ее на новую, гласящую, что современная эпоха — это эпоха империализма и пролетарских революций. Это определение эпохи принято и современным китайским руководством. При сравнении первой и второй формулировок сразу же бросается в глаза, что во второй формулировке уже нет упоминания о социализме и его победе и ничего не говорится о гибели империализма. Вместо социализма упоминается о пролетарских революциях, а вместо гибели империализма констатируется существование последнего. Такого рода изменения связаны, во-первых, с тем, что современное китайское руководство не только отрицает существование социалистического содружества как такового, но и делает вывод о том, что нет исторической необходимости в образовании «социалистического лагеря» в будущем, и, во-вторых, это связано с тем, что в Китае империализм теперь фактически рассматривается в качестве союзника «пролетарских революций», острие которых, оказывается, должно быть направлено против СССР, и поэтому нельзя говорить о гибели империализма.

Какая, однако, существует связь между нынешним толкованием эпохи как эпохи империализма и пролетарских революций и современной внешнеполитической стратегией маоизма?

Из определения нынешней эпохи как эпохи империализма и «пролетарских революций» следует, что внешнеполитическая стратегия маоизма имеет гегемонистский, антисоциалистический характер и что в своей борьбе за установление гегемонии Китая на международной арене китайские руководители делают ставку на неизбежность возникновения мировой войны.

Называя современную эпоху эпохой «пролетарских революций», китайское руководство тем самым дает понять, что во главе мирового революционного процесса может находиться лишь Китай, поскольку, по мнению маоистов, он является самой крупной «социалистической развивающейся страной», в которой действует коммунистическая партия, насчитывающая в своих рядах 35 млн. человек. Следовательно, только Китай может вести за собой «в революционной борьбе» другие народы и государства.

Называя же современную эпоху эпохой империализма, маоисты этим прежде всего хотят сказать, что в наше время не существует социалистического содружества и войны неизбежны, так как империализм, не сдерживаемый мощью социалистического содружества, действительно означает войну.

Предлагаемое китайским руководством понимание нынешней эпохи полностью игнорирует крупнейшие исторические события, происшедшие в мире за последние шестьдесят лет, то есть является устаревшим и совершенно не соответствующим современному положению на земном шаре. Однако именно такое понимание устраивает маоистов, поскольку оно позволяет обосновать их внешнеполитическую стратегию на между-

народной арене. Поэтому они беспринципно меняют свои собственные взгляды на эпоху. Вспомним, например, что Мао Цзэ-дун писал в 1940 г. следующее: «Современный мир живет в новую эпоху, в эпоху революций и войн, в эпоху неминуемой гибели капитализма и неуклонного расцвета социализма»⁴.

Современные международные отношения истолковываются китайскими руководителями как отношения «трех миров», где «первый мир» составляют две «сверхдержавы» — СССР и США (причем США практически выводятся из «первого мира» и зачисляются во «второй»), «второй» (или «промежуточный мир») — развитые капиталистические страны (сюда включается также большинство стран социалистического содружества) и «третий мир» — социалистические и развивающиеся страны (куда относятся Китай и те страны, которые в Пекине считают социалистическими) и «угнетенные нации».

Причем «первый мир» изображается в качестве угнетателя и эксплуататора, пытающегося подчинить себе два остальных мира и поэтому являющегося «носителем политики агрессии и войны».

Страны и народы «третьего мира» рассматриваются как основная сила в борьбе против «гегемонизма двух сверхдержав», (а фактически против СССР), как долговременный фактор в этой борьбе. К силе, «с которой можно объединиться в борьбе против гегемонизма», китайские руководители относят и страны «второго мира». В теории «трех миров» наиболее полно нашла отражение внешнеполитическая стратегия маоизма, которая складывалась, подобно самой теории, в течение длительного времени.

Предтечей учения о «трех мирах» была теория «промежуточной зоны», созданная Мао Цзэ-дуном в 1946 г. и в 60-е годы трансформированная в теории «промежуточных зон», из которой в 1974 г. и возникла собственно теория «трех миров». Хотя теория «трех миров» была выдвинута Мао Цзэ-дуном, наиболее активным ее пропагандистом явился Дэн Сяо-пин, выступивший с этой теорией в 1974 г. на VI Специальной сессии ГА ООН. Не удивительно поэтому, что новое китайское руководство, в которое летом 1977 г. снова вошел Дэн Сяо-пин, придало теории «трех миров» особенно большое значение. Серьезное внимание уделил этой теории XI съезд КПК (август 1977 г.). На съезде настойчиво подчеркивался стратегический характер этой теории, указывалось, что она «наметила общее направление нынешней международной борьбы и четко определила, кто представляет собой главные революционные силы, кто — главных врагов и кто — промежуточные силы, которые можно привлечь на свою сторону и с которыми можно объединиться». Выступая на XI съезде КПК, Хуа Го-фэн говорил об этой теории как о «стратегической и тактической установке», правильность которой якобы доказана «практикой последних лет». Указывалось также, что «с течением времени» эта теория «продемонстрирует еще большую силу».

1 ноября 1977 г. центральные китайские газеты опубликовали большую установочную статью, в которой теория «трех миров» рассматривалась как великий вклад Мао Цзэ-дуна в марксизм-ленинизм.

Разрыв теории «трех миров» с реальной действительностью, а отсюда и вся ее абсурдность, явственно обнаруживается при анализе истоков этой теории, рассмотрении того материала и опыта, на основании которых она создавалась. Самое парадоксальное здесь состоит в том, что теория «трех миров» сложилась не путем глубокого изучения реальных международных отношений современности, а на основании ис-

⁴ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3. М., 1953, стр. 228.

пользования сугубо китайского материала, ничего общего не имеющего с фактами нынешнего международного положения. Возникновение теории «трех миров» тесным образом связано с китайской традицией перенесения чисто китайских представлений и опыта на мировую арену и истолкования международных явлений через эти представления и опыт. Создавая теорию «трех миров», Мао Цзэ-дун стремился к тому, чтобы она была понятна как можно большему числу китайцев, поэтому он, безусловно, опирался на историю «Троецарствия»⁵, которая широко известна в Китае. «Три мира» вызывают у китайца ассоциацию с «тремя царствами», а следовательно, подводят его к мысли о конечном объединении этих «трех миров» одним из них, а точнее, о победе «третьего мира» над остальными, подобно победе царства Вэй над Чу и У, то есть о конечном господстве Китая в результате борьбы современных «трех царств». Одновременно нельзя не видеть и связи теории «трех миров» с личным политическим опытом Мао Цзэ-дуна 40-х годов, нашедшим выражение в его теории новой демократии. Как известно, в 40-е годы КПК и китайский народ вели борьбу против, с одной стороны, японского милитаризма и, с другой — против Чан Кай-ши и бюрократического капитала. Причем в этой борьбе КПК пошла на союз с национальной буржуазией. Образовав своего рода единый фронт всех сил, которые можно было объединить, КПК таким образом рассчитывала нанести поражение своим главным противникам. Аналогичным образом маоисты теперь пытаются действовать и на международной арене, где вместо КПК и китайского народа они видят КНР и развивающиеся страны («третий мир»), вместо японского милитаризма, Чан Кай-ши и бюрократического капитала США и СССР («первый мир») и вместо национальной буржуазии — развитые капиталистические страны («второй мир»). Как и в 40-е годы, маоисты рассчитывают создать самый широкий единый фронт в борьбе против «первого мира» и таким образом добиться победы.

После рассмотрения маоистского определения современной эпохи как эпохи империализма и пролетарских революций и международных отношений как отношений «трех миров» возникает вопрос о связи между этими определениями. Что касается китайских теоретиков, то они прямо выводят теорию «трех миров» из своего понимания эпохи, утверждая, что деление на «три мира» сделано «в свете теории нашей эпохи как эпохи империализма и пролетарских революций». Если наша эпоха является эпохой империализма, то, судя по теории «трех миров», этот «империализм» представлен на международной арене только Советским Союзом и, следовательно, «пролетарские революции» должны быть направлены против него. Таким образом, определение современной эпохи китайским руководством имеет антисоветский, враждебный социализму характер.

Внешнеполитическая стратегия находится также в тесной зависимости и от идейно-теоретической основы, на которой она складывается. В современном Китае такой идейно-теоретической основой является маонизм, представляющий собой, как это доказано советской наукой, китаизированный социал-шовинизм. Говоря о социал-шовинизме, В. И. Ленин отмечал, что это социализм на словах и шовинизм на деле. Именно такой социализм на словах и шовинизм на деле и представляет собой маонизм.

Советской наукой доказано также, что маонизм есть одна из разно-

⁵ Речь идет о борьбе трех царств — Вэй, Чу и У, развернувшейся в Китае в III в. н. э. после развала Восточной Ханьской империи. В результате этой борьбы государство Вэй в течение шестидесяти лет подчинило себе царства Чу и У и объединило Китай.

видностей китайского национализма, которому также свойственно выдвигание на деле шовинистических, великодержавных программ мирового господства Китая «на пяти континентах». Следовательно, маоизм не есть исключение в истории китайского национализма, ему присущи все основные черты последнего, включая и его главную стратегическую цель — мировое господство. Современные китайские руководители не только целиком восприняли идейно-теоретическое наследство, оставленное им Мао Цзэ-дунем, но и стали придавать этому наследству свою версию, которая отвечает их политическим представлениям и целям. В этой версии маоизм выступает как учение о «социалистической революции» и «социалистическом строительстве», имеющее международное значение. Действительно, если при жизни Мао Цзэ-дуна его взгляды с 40-х годов определялись как «соединение всеобщей истины марксизма-ленинизма с практикой китайской революции», то есть маоизм рассматривался только как практика в рамках Китая, то теперь идеи Мао Цзэ-дуна истолковываются как «соединение марксизма-ленинизма с практикой мировой революции», то есть маоизм трактуется в виде явления международного, якобы представляющего собой идейно-теоретическую основу мирового революционного процесса, как «современный марксизм-ленинизм».

Это свидетельствует о росте претензий современных маоистов на идейное руководство мировой революцией, что не может не оказывать своего воздействия на их деятельность на международной арене в целом и на их внешнюю политику и ее стратегию в частности.

Анализ внешней политики современного китайского государства, основы которой закладывались с конца 50-х годов, приводит исследователей к выводу, что эта политика базируется на определенном стратегическом плане и рассчитана на сравнительно длительное время.

Председатель КПК Хуа Го-фэн подчеркивает, что Мао Цзэ-дун лично разработал «линию, курс и политические установки» для внешней политики Китая и что нынешнее китайское руководство будет продолжать решительно претворять их в жизнь.

Действительно, Мао Цзэ-дун оказывал огромное влияние на развитие теории и практики внешней политики Китая, в связи с чем на ней лежит отпечаток особенностей его политического опыта и мышления, причем в последнем случае немаловажную роль играет связь с китайской идеологической и социально-психологической традицией. Известно, что Мао Цзэ-дун был хорошо знаком с традиционной теорией китайского военного искусства и дипломатии, методы которых были тесно переплетены между собой. Поэтому здесь нелишним будет вспомнить, что одна из традиционных черт китайской дипломатии и военного искусства заключалась в их стратагемности⁶, то есть в наличии у них планов, нацеленных на решение крупных внешнеполитических и военных задач и реализуемых в течение длительного срока. «Стратагемность, — пишет о китайской традиционной дипломатии В. С. Мясников, — сумма целенаправленных дипломатических и военных мероприятий, рассчитанных на реализацию долговременного стратегического плана, обеспечивающего решение кардинальных задач внешней политики государства»⁷. Стратагемная дипломатия — это такая дип-

⁶ Стратагема (по-кит. моулюэ или цзинмоу) — военная хитрость, вводящая в заблуждение противника и рассчитанная на длительный период.

⁷ В. С. Мясников. Традиционная китайская дипломатия и реализация Цинской империей стратегических планов в отношении русского государства в XVII веке. Автореферат. М., 1977, стр. 16.

ломатия, которая игнорирует международное право и обеспечивает реализацию стратагемы, используя главным образом методы теории военного искусства. Главная ее задача — стратегическое наступление, то есть прежде всего ослабление и по мере возможности уничтожение сильных противников, игра на противоречиях между соседними государствами и т. п. Военные и внешнеполитические взгляды Мао Цзэ-дуна и практическая деятельность КНР на международной арене дают основания говорить об их стратагемности. В связи с этим интересно вспомнить о том, что еще в 1954 г. в США стало известно о некоем стратегическом глобальном плане Мао Цзэ-дуна, подготовленном якобы в 1953 г. и рассчитанном на победу «мировой революции» в течение 20 лет — к 1973 г. Сообщение об этом плане было заслушано 29 апреля 1954 г. в конгрессе США⁸, однако в то время оно казалось настолько невероятным, что в него, видимо, мало кто поверил.

Последующие высказывания Мао Цзэ-дуна, внешнеполитическая деятельность КНР и все более становящиеся очевидными основы конечных внешнеполитических целей современных китайских руководителей заставляют взглянуть на вопрос о достоверности этого плана по-новому, тем более что многие его элементы превосходят нынешнюю стратегию Пекина на международной арене.

В этом плане Азия рассматривалась как «немедленная цель» Китая, захват которой намечался к 1965 г. Затем должна была наступить очередь Африки, так что страны Европы были бы вынуждены «капитулировать» сами собой. За Европой должны были последовать Канада и страны Южной Америки, что открывало возможность для решения вопроса и о США. Что касается Советского Союза, то ему в этом плане практически, видимо, отводилась роль младшего партнера Китая.

Если такой план действительно существовал, то становится понятным негодование, с которым маоисты встретили во второй половине 50-х годов активизацию Советским Союзом политики мирного сосуществования, подрывавшей основы стратегического замысла Мао Цзэ-дуна. Усиление борьбы СССР за разрядку и сотрудничество не только путало расчеты на использование СССР в качестве второстепенного партнера в битве за господство на мировой арене, но объективно делало его главным противником этого замысла, а следовательно, и превращало в основного врага маоизма. Неизбежным следствием этого было ухудшение китайско-советских отношений и искусственное создание китайским руководством погранично-территориальной проблемы между КНР и СССР с целью максимально связать СССР и помешать его борьбе за мир, разрядку и сотрудничество в международных отношениях. Далее, не логично ли предположить, что именно существование такого плана подталкивало Мао Цзэ-дуна на ускорение экономического развития Китая в 50-е годы и проведение политики «трех красных знамен», которая должна была с помощью «большого скачка» и народных коммун в максимально короткие сроки создать условия для реализации его стратегического замысла?

О возможности существования такого плана говорит и выдвижение Пекином «Предложений о генеральной линии мирового коммунистического движения» в 1963 г., рассчитанных на установление гегемонии Китая. Заслуживает внимание и то, что именно в 1965 г. внешнеполитическая стратегия маоизма нашла свое публичное выражение в теории борьбы «мировой деревни» (государств Азии, Африки и Латинской Америки) против «мирового города» (государств Северной Америки и За-

⁸ 83-d Congress, Second session. Vol. 100, p. 5707/5708. Wash., USA.

падной Европы, включая Советский Союз, который причислялся Пекином к европейским государствам) путем развертывания «народных войн». Характерно, что широкое обоснование этой теории появилось в китайской печати 3 сентября 1965 г.⁹, то есть незадолго до событий в Индонезии, и являлось как бы их идейно-теоретической подготовкой. Китайское руководство предприняло осенью 1965 г. попытку реализации своего важнейшего замысла в Азии, где планировалось проведение ряда стратегических акций, связанных с попыткой государственного переворота в Индонезии, индийско-пакистанским военным конфликтом и борьбой народов Индокитая за свою национальную независимость и социальный прогресс. Успешное завершение этих акций должно было, по замыслам Пекина, принципиально изменить военно-политическую ситуацию в Юго-Восточной и Восточной Азии, поставить под контроль Китая сначала Индонезию, затем государства Юго-Восточной Азии и, наконец, Индию. Провал этих акций нанес сильнейший удар по планам маоистов в Азии, усилил борьбу в их среде и стимулировал «культурную революцию» в КНР. Это, однако, не привело к отказу китайского руководства от его стратегических замыслов в Азии, но вынудило внести в эти замыслы известные коррективы, подсказанные новой международной обстановкой в этом районе мира.

Судя по некоторым высказываниям китайских руководителей и дипломатов, они рассматривают решение региональных стратегических проблем в районах, находящихся в непосредственной близости от Китая, в качестве условия, которое позволит им со временем перейти к реализации своих глобальных стратегических планов. В 1975 г. тогдашний министр иностранных дел КНР Цяо Гуань-хуа, тесно связанный с Мао Цзэ-дунем и Чжоу Энь-лаем, заявил о том, что «в настоящее время Китай ведет войну в районе «аванпостов». Когда мы наведем порядок в районе сторожевого охранения, мы начнем решающую войну против наших врагов».

Изучение внешнеполитической теории и практики китайского руководства дает возможность получить определенное представление об основных элементах глобальной внешнеполитической стратегии маоизма.

В выступлении на XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил, что всякая стратегия «начинается с постановки задач, с выдвижения фундаментальных, долговременных целей»¹⁰.

Какую же фундаментальную долговременную цель ставят перед собой на международной арене китайские руководители? Такая цель была четко сформулирована Мао Цзэ-дуном в сентябре 1959 г. на закрытом военно-дипломатическом совещании, происходившем в момент апогея политики «трех красных знамен», когда китайским руководителям казалось, что они действительно совершают «большой скачок» в экономическом развитии страны и таким образом создают условия для осуществления своих глобальных замыслов. Мао Цзэ-дун тогда прямо сказал: «Мы должны покорить земной шар. Нашим объектом является весь земной шар, где мы создадим мощную державу».

Итак, основная стратегическая цель маоизма — мировое господство Китая. Такая цель, само собой разумеется, не могла быть поставлена перед внешней политикой КНР открыто и стать, таким образом, достоянием мирового общественного мнения. Поэтому в заявлениях китай-

⁹ Лянъ Бяо. Да здравствует победа народной войны. — «Жэньминь жибао», 3.IX.1965.

¹⁰ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 39.

ских руководителей, в официальных партийных и государственных документах, а также в пропаганде эта цель облекалась в благородную, революционную форму и изображалась как «освобождение всего человечества» от эксплуатации. Так эта цель сформулирована и в программной части Устава КПК, принятого на XI съезде. Однако с начала 70-х годов, когда был взят курс на сближение КНР с развитыми капиталистическими странами и в 1972 г. были восстановлены ее права в ООН, эта формулировка внешнеполитической цели также оказалась неудобной. Поэтому наряду с ней стали все чаще применять другую. Эта формулировка также вошла во многие партийные и государственные документы (в том числе Конституцию КНР 1975 г.), а также в важнейшие уставочные статьи и заявления китайских руководителей. В ней главная цель Китая и китайцев определяется как «внесение сравнительно большого вклада в дело человечества» или, говоря другими словами, «освобождение всего человечества». Следует заметить, что, помимо слов о «внесении сравнительно большого вклада в дело человечества», китайское руководство вынуждено прибегать к различного рода уловкам. Так, вместо слов «война» и «революция» в Пекине нередко говорят «колоссальные потрясения», хотя из контекста того, что излагается, следует, что речь идет о войне и революции, вместо «борьба против Советского Союза» — «борьба против гегемонизма» (поскольку развивающиеся страны не хотят, чтобы их втягивали в борьбу против Советского Союза) и т. д.

Поставив задачу «освободить все человечество», Мао Цзэ-дун одновременно стал заявлять, что и народы мира со своей стороны также «стремятся к освобождению». Следовательно, основная цель Китая якобы отвечает «стремлению» народов, которые, как это подразумевается, ждут своего «освобождения» со стороны Китая, взявшего на себя миссию «освободить» их и тем самым «внести сравнительно большой вклад в дело человечества».

Здесь, однако, интересно вспомнить, что идея «освобождения» Китаем не китайских народов возникла еще в IV в. до н. э. Эту идею сформулировал один из основоположников конфуцианства Мэн-цзы, который утверждал, что не китайские народы ждут освобождения их китайцами, «как дождя во время большой засухи», и «ропщут», если такое «освобождение» происходит «несвоевременно». В духе этой идеи конфуцианство воспитывало китайцев в течение более двух тысяч лет. Неудивительно поэтому, что идея «филантропического» освобождения Китаем не китайских народов оказалась особенно популярной у китайских националистов, и в частности у нынешних китайских руководителей, под «революционным» мундиром которых выглядывает затасканный халат конфуцианцев.

Выдвижение китайским руководством в качестве главной стратегической цели «покорения земного шара» неизбежно делало все государства, обладающие значительным влиянием на международной арене, потенциальными противниками КНР, ибо в них Пекин видел главное препятствие для достижения этой цели. Поскольку стратегическая цель КНР имеет глобальный характер, то, естественно, что в качестве самых главных противников Китая на международной арене китайское руководство прежде всего считает государства, обладающие глобальным влиянием. Но в связи с тем, что к решению главной глобальной задачи китайское руководство рассчитывает прийти через решение региональных проблем, оно рассматривает как врагов Китая и те государства, которые имеют значительное влияние в том или ином регионе, и в первую очередь в Азии.

В качестве наиболее сильных и опасных глобальных противников в Пекине считают Советский Союз и США. Поэтому именно против них и была нацелена внешнеполитическая стратегия маоистов до начала 70-х годов, рассчитанная на обострение противоречий среди них, на ослабление их и ликвидацию.

В региональном же плане наиболее важными противниками в районе Азии, который является главным в региональной внешнеполитической стратегии Пекина, китайское руководство считает Японию, Индию и Индонезию. Анализ внешней политики КНР в регионе Азии позволяет сделать заключение, что по отношению каждой из этих стран у китайского руководства разработан долговременный стратегический курс, связанный с глобальной стратегией (то есть рассчитанный сначала на борьбу против СССР, а затем против США) и основанный на временном сближении с одними странами (Япония) и борьбе против других (Индия и Индонезия).

Одновременная борьба на международной арене сразу против двух таких крупных государств, как СССР и США, — задача крайне трудная. Поэтому с начала 70-х годов Пекин фактически перешел к борьбе только против СССР, рассчитывая сделать США своим временным союзником. Говоря о борьбе против Советского Союза, Дэн Сяо-пин заявил в октябре 1977 г. Генеральному директору агентства Франс Пресс: «Я надеюсь, что в это дело включится весь мир — «третий мир», «второй» и даже «первый мир», то есть Соединенные Штаты». Отсюда для Пекина особенно желательно укрепление блока США и государств Европы на антисоветской основе. «Союз Европы и США является объективной необходимостью», — утверждал заместитель министра иностранных дел Юй Чжань в интервью испанской газете «Паис». Такой подход к Соединенным Штатам приводит Пекин к согласию со всеми целями их внешней политики. Соединенные Штаты со своей стороны констатируют наличие у них и КНР «параллельных стратегических интересов». Следовательно, в настоящее время в глобальной стратегии маоизма США рассматриваются наряду со странами «второго мира» в качестве временного партнера КНР в борьбе против Советского Союза.

Таким образом, Советский Союз превратился в противника номер один, главный объект борьбы маоистов, которые объявили его «сверхдержавой, представляющей собой «империализм» «более злостный, агрессивный и опасный», чем США, якобы имеющей «наступательную стратегию» с целью «ослабления» и вытеснения США и «установления своей гегемонии», опирающейся на военную мощь и угрозу войны». Это, однако, не значит, что в Китае рассматривают США в качестве союзника «на вечные времена». Стремление маоистов к союзу с США продиктовано установкой Мао Цзе-дуна «бить врагов поодиночке» и «не допускать борьбы на два фронта», о которой говорил Чжоу Энь-лай на закрытом партийном совещании в 1973 г. «В данный момент пусть США защищают нас против влияния советского ревизионизма, — заявил заведующий отделом международных связей ЦК КПК Гэн Бяо. — Когда мы сочтем, что время наступило, мы скажем дяде Сэму: «Будь добр, упаковывай свои вещички». Следовательно, когда военная мощь Китая будет достаточной, маоисты рассчитывают начать борьбу и против США. Известны их высказывания о том, что «через некоторое количество лет мы непременно построим крупные корабли и будем готовы к высадке в Японии, на Филиппинах и в Сан-Франциско».

Своей борьбе за мировое господство китайские руководители с течением времени все больше придают глобальный и тотальный характер.

Этой борьбе подчинена вся экономическая, социальная, политическая, научно-техническая и культурная жизнь Китая, ей на службу поставлена и вся их международная деятельность. Разумеется, в Уставе КПК и других партийных и государственных документах эта борьба камуфлируется под борьбу «против гегемонизма двух сверхдержав — Советского Союза и США, за разгром империализма, современного ревизионизма и реакции различных стран». В качестве временных союзников в борьбе за реализацию своей главной стратегической цели китайское руководство пытается использовать, помимо США, с одной стороны, развивающиеся страны, а с другой — развитые капиталистические государства. Именно с ними, указывается в Уставе КПК, необходимо спланироваться в борьбе против «сверхдержав», поэтому они и называются в Уставе «угнетенными народами и угнетенными нациями». В своем стремлении опереться на развивающиеся страны для борьбы за мировое господство маонисты не оригинальны. Аналогичным способом собирались действовать и другие китайские националисты, идеи которых выражали Чан Кай-ши, Дай Цзи-тао и т. д. Те и другие рассчитывали использовать в своих интересах национально-освободительную борьбу этих стран против развитых капиталистических государств, поставить себе на службу их революционный потенциал и ненависть к иностранцам-угнетателям. Они исходили также из того, что Китаю сравнительно легко удастся навязать этим странам свой пример и таким образом заставить их следовать по пути Китая. Мао Цзэ-дун еще в 1940 г. заявил, что открытая им форма «государственного устройства» — «республика новой демократии» — будет «необходимой и обязательной» формой «во всех колониальных и полуколониальных странах»¹¹.

Следовательно, отношение Пекина к развивающимся странам определяется, во-первых, тем, что эти страны рассматриваются китайским руководством как объекты, которые оно сумеет в первую очередь и сравнительно легко подчинить своей гегемонии, сначала в Азии, а затем в Африке и Латинской Америке, и, во-вторых, тем, что эти страны китайские руководители рассчитывают сделать своими союзниками в борьбе на длительный срок, то есть сначала против СССР, затем против США и, наконец, против развитых капиталистических государств — Японии, ФРГ, Великобритании, Франции, Италии, Канады, Австралии и т. д.

Эти расчеты и заставляют маонистов называть развивающиеся страны «основной силой» в современной борьбе на международной арене, видеть в них главную опору в своем стремлении к мировому господству и считать основным противоречием современного мира «противоречие между империализмом и гегемонизмом» и «народами третьего мира»¹². Беседуя с Жаном Мареном, Чжоу Энь-лай недаром хитроумно сказал, что «главным принципом» китайской дипломатии является «заполнение вакуума», возникающего в связи с уходом какой-либо великой державы, «только освобожденной страной». Правда, в последнее время китайская дипломатия демонстрирует особую активность, направленную на сближение КНР со странами «второго мира» с целью использовать их в борьбе против Советского Союза, а также осуществлять с их помощью модернизацию Китая к 2000 г. Однако это не свидетельствует об утере интереса маонистов к развивающимся странам. В своей внешней политике КНР идет «на двух ногах», то есть пытается

¹¹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3. М., 1953, стр. 219.

¹² «Жэньминь жибао», 1.XI.1977.

опираться как на развивающиеся, так и на развитые капиталистические государства.

Внешнеполитическая стратегия Пекина не только строится на совершенно искаженном представлении о действительных международных отношениях, но в настоящее время она совершенно не соответствует реальным экономическим, научно-техническим, военным и иным возможностям Китая. Осознание китайским руководством последнего обстоятельства и приводит его к выводу о необходимости как можно быстрее осуществить «четыре модернизации» — промышленности, сельского хозяйства, военного дела, науки и техники, с тем чтобы к 2000 г. превратить Китай в современную развитую, могущественную державу. Таким образом, реализация конечной цели стратегического замысла откладывается по крайней мере до 2000 г.

Как известно, Мао Цзэ-дун говорил о том, что Китай будет вести борьбу против СССР и США 25 лет, а также о том, что предстоящие 50 лет будут временем колоссальных потрясений, то есть периодом реализации внешнеполитической стратегии Пекина. Это значит, что осуществить свой стратегический замысел маоисты рассчитывают в течение сравнительно длительного времени. Из этого, однако, не следует, что они намерены это время сидеть сложа руки. Маоисты наращивают военно-экономический потенциал страны, все больше милитаризируют все стороны ее жизни. Относительную военно-экономическую слабость современного Китая они рассчитывают компенсировать активной деятельностью на международной арене, то есть пытаются решить, хотя бы частично, стратегические задачи с помощью политических средств, путем искусного маневрирования во внешней политике и дипломатии, тем более что в этом отношении Китай имеет богатую и долгую традицию. Ее основоположником считается известный китайский стратег древности Сунь-цзы (VI—V в. до н. э.), сочинения которого Мао Цзэ-дун хорошо знал и которого называл «великим военным теоретиком древнего Китая». Сунь-цзы уверял, что тот, кто усвоит и применит его расчеты, «неприменно одержит победу». Он считал также, что война — это «великое дело для государства, это почва жизни и смерти»¹³. Одновременно — это путь обмана. Главное в военном искусстве состоит в том, что противника следует победить еще до сражения «предварительным расчетом», стратегическим замыслом. Тот, кто побеждает «предварительным расчетом», до сражения, у того много шансов для окончательной победы. При этом лучшее из лучших правил войны — покорить чужую армию, не сражаясь, а используя политические, дипломатические и другие средства. Следовательно, стратегия Сунь-цзы заключалась в том, чтобы «поставить противника в такое положение, при котором он увидел бы, что борьба бесполезна и что ему остается только одно — капитулировать»¹⁴. Изучение внешней политики КНР, проводимой с конца 50-х годов, дает основание сделать вывод о значительном воздействии на ее дипломатию взглядов Сунь-цзы.

Развивая свою мысль о стратегии, Л. И. Брежнев сказал на XXV съезде КПСС, что «стратегия включает в себя и четкое определение средств, тех путей, которые ведут к поставленным целям»¹⁵. В качестве главного стратегического средства, рассчитанного на достижение основной цели — мирового господства, — китайские руководители

¹³ Н. И. Конрад. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М. — Л., 1950, стр. 33.

¹⁴ Там же, стр. 347.

¹⁵ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 40.

рассматривают войну, которую они пытаются так или иначе провоцировать между теми или иными государствами для ослабления и уничтожения последних. А это в свою очередь делает их принципиальными противниками мира, разрядки, безопасности, разоружения и сотрудничества на международной арене. Разумеется, они не хотели бы, чтобы в эту войну был втянут Китай. Реальных и мнимых врагов они стремятся побеждать, следуя заповедям Сунь-цзы, «не притупляя оружия», без военных действий, тем более что Китай еще значительно отстает от великих держав по уровню своего оружия. Китай «все еще слаб», и «важно не пойти на любое столкновение с США и Советским Союзом», говорит Чжоу Энь-лай в беседе с Дебре. Это, однако, не значит, что китайские руководители не прибегают к войне, когда считают, что могут сделать это без большого ущерба для себя. Одна из древних стратегических заповедей Китая заключается в достижении победы чужими руками, путем стравливания своих врагов между собой («и и чжи и», дословно: «подавлять варваров с помощью варваров»). Используя именно этот старый прием, китайские руководители и рассчитывают взаимно ослабить, истощить, а если удастся, и уничтожить своих главных противников на международной арене — СССР и США. В связи с этим с конца 50-х годов главной задачей внешней политики КНР становится то, чтобы не только не допустить улучшения отношений между СССР и США, но по возможности осложнить эти отношения, а если удастся, довести их до военного столкновения, таким, однако, образом, чтобы Китай остался в стороне (опять-таки в духе старой стратегической заповеди: «Сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров»). Следствием этой стратегической установки явились отрицание китайским руководством в конце 50-х годов мирного сосуществования, ставка на международную напряженность и ядерную войну, призывы бороться с империализмом «острием против острия», а также различные провокационные действия на международной арене в конце 50-х годов, в 60-е и 70-е годы, имевшие целью вызвать вооруженный конфликт между СССР и США. Характерно, что, потерпев неудачу в своих попытках спровоцировать СССР на военный конфликт с США в 50—60-х годах, китайские руководители с начала 70-х годов приступили к провоцированию на этот конфликт правительства США (которое китайское руководство также призывает бороться «острием против острия» с Советским Союзом, обвиняя его одновременно «в трусости» и т. п.) и капиталистических стран Европы (их упрекают в политике «умиротворения» в отношении СССР и т. д.).

Подобной же стратегии стравливания маоисты придерживаются и в своей региональной политике, разжигая противоречия между Японией и СССР, Индией и Пакистаном, ФРГ и ГДР, Албанией и странами социалистического содружества и т. д. и т. п. В последнее время особенно стало замечным стремление Пекина осложнить обстановку в Западной Европе и попытаться именно там разжечь огонь третьей мировой войны. 19 января 1978 г. «Жэньминь жибао» провокационно призвала страны «второго мира», и в первую очередь капиталистические страны Западной Европы, выступить против СССР в ходе «третьей мировой войны», требуя положить конец «умиротворению» Советского Союза и называя войну, которая должна разразиться, по ее мнению, в Европе, войной против агрессии Советского Союза. Причем самым чудовищным в этом заявлении было то, что Пекин призывал бороться «в первых рядах» против СССР пролетариат европейских стран. Другим важным стратегическим средством, с помощью которого маоисты рассчитывают расчистить себе дорогу к гегемонии на мировой арене,

является стремление создать новый международный политический порядок, смысл которого заключается в попытках организовать под эгидой Китая некий единый международный фронт, направленный против Советского Союза и социалистического содружества, максимально изолировать Советский Союз и страны социализма на мировой арене и таким образом истощить их и принудить к капитуляции. Говоря иными словами, «маоисты рассчитывают изменить соотношение сил на мировой арене в свою пользу, если им удастся отвлечь и по возможности ослабить другие силы»¹⁶. В выборе такого средства также просматривается влияние Сунь-цзы, призывавшего «разбивать союзы противника», если не удастся сорвать его замыслы, а также личный опыт Мао Цзэ-дуна, охотно использовавшего тактику «единого фронта» в борьбе со своими противниками.

Китайские руководители, разумеется, всячески пытаются скрыть свою внешнеполитическую стратегию, дезориентировать народ Китая и мировую общественность в отношении своих истинных намерений на международной арене. В связи с этим они систематически прикрывают свои действительные внешнеполитические цели заявлениями о том, что Китай якобы ведет борьбу против шовинизма и гегемонизма в международных отношениях, сам никогда «не делается сверхдержавой», выступает против войны и т. п. Демагогия маоистов о «двух сверхдержавках», отмечал Э. Хонеккер, «представляет собой не что иное, как попытку замаскировать свои собственные великодержавные шовинистические цели, которые они стремятся осуществить, идя на союз с империалистами США и другими реакционными силами стран НАТО»¹⁷.

Одновременно маоисты предпринимают шаги, направленные на то, чтобы приписать свои истинные внешнеполитические намерения Советскому Союзу и таким образом отвлечь внимание от своих целей и действий, направленных на их реализацию. Поэтому они обвиняют Советский Союз в стремлении к мировому господству, гегемонизму, агрессивности, превращении в источник мировой войны и т. п., то есть в том, в чем следует обвинить в первую очередь их самих. Последний прием в тактике китайского руководства не нов. Начав в конце 50-х годов пересмотр своей внутренней и внешней политики и вместе с ним ревизуя марксизм-ленинизм, китайское руководство в то же время стало активно обвинять в ревизионизме КПСС и Советский Союз, пустив в широкий оборот ярлык «советский ревизионизм», таким образом прикрывая и маскируя свой отход от марксизма-ленинизма. Всячески обвиняя Советский Союз в конце 60-х — начале 70-х годов «в сговоре с империализмом», особенно с США, китайские руководители одновременно вели активную работу по налаживанию отношений с развитыми капиталистическими странами, и в первую очередь с США, и т. д. и т. п. Эти хитроумные и коварные приемы, заимствованные из арсенала китайских феодальных традиций, в XX в. годны лишь для введения в заблуждение людей невежественных или наивных простаков. С их помощью китайскому руководству не удастся скрыть своей внешнеполитической стратегии и ее великодержавной агрессивной, милитаристской сущности. Разумеется, среди современных политических деятелей и журналистов в капиталистических странах есть и такие, кто по совершенно определенным политическим причинам прикидывается, будто верит подобным заявлениям китайских руководителей и их пропаганде.

¹⁶ Густав Херцфельдт. Маоизм и внешняя политика Пекина. — «Международная жизнь», 1976, № 9, стр. 62.

¹⁷ «Правда», 7.X.1973.

Американский ученый Бойд отмечал тогда: «Китай будет вести борьбу за распространение маоизма на весь мир»¹⁸. В конце 60-х годов были сделаны, в частности, две следующие оценки. «В настоящее время Китай имеет претензии мирового масштаба. Когда Пекин восстановит статус мировой державы, его деятельность никогда не будет ограничена периферией Восточной Азии»¹⁹. «Если Китай действительно без помех, связанных с внутренними конфликтами, будет идти своим путем в будущее, то эта страна через несколько десятилетий поставит перед всеми нами величайшие проблемы»²⁰. Даже Конрад Аденауэр пришел в конце жизни к выводу, что «китайцы готовят ядерную войну» и что удаленность Европы от Китая дает «ужасающе мало гарантий безопасности»²¹.

В 70-е годы западные исследователи внешней политики Пекина делают заключение, что эта политика основана на идее «рах синца» — установление гегемонии Китая на земном шаре. «Внимательное чтение китайских заявлений, — пишет Бр. Ларкин, — наводит на мысль, что наиболее вероятная модель максимального участия Китая в мировых делах, предпринимаемого руководителями китайской политики, ведет к гегемонии Китая»²². Такая гегемония «будет достигнута постепенно, путем оказания влияния на государства, расположенные вдоль границ Китая, а затем и на районы, лежащие поодаль»²³. В связи с этим Бр. Ларкин утверждает, что китайская внешняя политика преследует, с одной стороны, краткосрочные цели «такая политика «прагматична, эволюционна, гибка», а с другой — «долгосрочные цели» и поэтому является «политикой приготовления»²⁴. «Китай готовится к действию в будущем», — делает вывод Бр. Ларкин. Об опасности, угрожающей миру и всему человечеству из Китая, с большой силой и взволнованностью писали французы Клод Арнуль и Жан Шардонне, подчеркивавшие, что эта опасность носит националистический характер, и утверждавшие, что Запад идет на самоубийство, потворствуя маоизму²⁵.

Однако эти обоснованные опасения западных политических деятелей, журналистов и ученых тонут в массе высказываний и заявлений, искажающих истинную цель внешней политики Пекина и представляющих ее как политику, преследующую якобы задачи лишь утверждения международного престижа Китая, обеспечения его национальных интересов, безопасности и т. п. Дело, однако, не ограничивается словесными заявлениями. Наиболее реакционные силы современного империализма, рассчитывая использовать КНР в борьбе против Советского Союза, оказывают китайскому руководству не только моральную и экономическую поддержку, но в последнее время все более склоняются и к военному сотрудничеству с ним. Что же. Кого Зевс хочет погубить, того он лишает разума. Военная помощь маоизму — это путь к самоубийству. Доказательство этого — внешнеполитическая стратегия Пекина.

¹⁸ R. G. Boyd. Communist China's Foreign Policy. New York, 1962.

¹⁹ I. C. Ojha. Chinese Foreign Policy in an Age of Transition: the Diplomacy of Cultural Despair. Boston, 1969, p. 245.

²⁰ Kurt Georg Kiesinger. Reden und Interviews. Bonn, 1968, S. 88.

²¹ K. Adenauer. Erinnerungen 1959—1963. Stuttgart, 1968, S. 234.

²² Br. Larkin. China and Africa 1949—1970. London, 1973, p. 200.

²³ Ibid, p. 201.

²⁴ Ibid, p. 203.

²⁵ Claude Arnould, Jean Chardonnet. La Chine ou le Suicide des Blancs. Paris, 1972.

Некоторые аспекты политики Пекина на морских рубежах

Е. Д. Степанов,
кандидат исторических наук

Восстановление прав Китайской Народной Республики в ООН предоставило ей возможность для широкого участия в действиях этой организации, направленных на углубление и расширение международного сотрудничества, в частности при решении вопросов, связанных с использованием Мирового океана.

Мировой океан играет все более и более значительную роль в жизни народов. Научно-технический прогресс позволил использовать его не только как транспортную артерию и источник продуктов традиционного морского промысла, но и как объект промышленно-экономической деятельности. Это повлекло за собой появление новых правовых проблем, требующих скорейшего урегулирования.

Для их решения с 1973 г. проходят ежегодные сессии III конференции ООН по международному морскому праву. Конференция обсуждает вопросы разработки новых правовых норм, которые касаются ширины территориальных вод, режима экономических зон и международных проливов, разведки и разработки минеральных и живых ресурсов Мирового океана за пределами действия национальной юрисдикции и т. д.

Следует отметить, что некоторые участники конференции под предлогом защиты национальных экономических интересов выступают за полный пересмотр ныне существующих норм международного морского права, отмену их и замену новыми, которые должны быть разработаны на конференции.

Вместо того чтобы содействовать конструктивному и деловому обсуждению стоящих перед конференцией вопросов, китайская делегация, прикрываясь демагогическими рассуждениями о «гегемонии сверхдержав» на море, выступила с грубыми нападками на СССР, пытаясь противопоставить Советский Союз развивающимся странам. По существу, позиция китайской делегации на конференции направлена на то, чтобы подорвать сложившиеся международно-правовые основы использования Мирового океана, обострить отношения между различными государствами и группами государств, осложнить обсуждение возникших проблем, добиться замены издавна установившейся в международном праве концепции открытого моря понятием «международный морской район» и тем самым ликвидировать принцип свободы открытого моря. КНР выступает за подчинение международных морских проливов национальной юрисдикции, за установление такой ширины территориальных вод, которую каждое государство сочтет «разумным», за ограничение свободы судоходства, рыболовства, научных исследований в открытом море и т. д.

Часть этих вопросов уже обсуждалась на I конференции ООН по морскому праву в Женеве (1958), где были приняты четыре конвенции. Перед III конференцией стоит задача решить вновь возникшие вопро-

сы, а не пересматривать уже сложившиеся нормы права. Китайская же делегация пытается навязать конференции обсуждение именно этих вопросов, обвиняет страны, выступающие за сохранение основ сложившегося международно-правового режима Мирового океана, прежде всего Советский Союз и другие социалистические страны, в том, что они якобы «навязывают» развивающимся странам положения Женевских конвенций 1958 г.

Женевская конференция по морскому праву, в работе которой принимало участие 86 стран, из которых более 50 развивающихся, не занималась разработкой каких-то новых конвенционных норм международного права, имеющих обязывающий характер лишь для ее участников. Она обобщила существующую практику, ставшую нормой обычного права, и кодифицировала ее. Это зафиксировано, в частности, в преамбуле конвенции 1958 г. об открытом море¹. Об этом же говорит и ряд отсылок на «другие нормы международного права», содержащихся в тексте других конвенций.

Международное право признает обязательную силу нормы обычного права и для государств, не являющихся участниками подобного договора. Так, например, Венская конвенция 1969 г. о праве международных договоров подтверждает, что содержащиеся в общих международных соглашениях общепризнанные нормы международного права имеют обязывающий характер для государств независимо от их участия в таких соглашениях. В статье 43 конвенции, в частности, указывается, что неучастие в договоре не затрагивает «обязанность государства выполнять записанное в договоре обязательство, которое имеет силу для него в соответствии с международным правом, независимо от договора»².

Таким образом, общепризнанные нормы международного права в силу своей природы обязательны и для тех государств, которые не являются участниками данного договора, в данном конкретном случае — для Китая. И не могут считаться обоснованными и соответствующими международному праву ссылки китайского правительства на то, что для него не могут иметь обязательной силы международные документы (независимо от их содержания), под которыми нет подписи представителя Китая.

Впрочем, в своей практической деятельности китайское правительство всегда мало считалось с нормами международного права, вспоминая о них лишь тогда, когда ссылки на них могли дать ему какие-то преимущества или создать видимость «законности» его действий. Достаточно наглядно свидетельствуют об этом практические шаги, предпринимаемые Пекином в последние годы на морских рубежах.

Притязания Китая на суверенитет над открытым морем

Уже вскоре после создания в Китае народной республики новое правительство заявило о своих притязаниях на все островные группы Южно-Китайского моря. Напомним, что они стали обозначаться на китайских картах принадлежащими Китаю лишь с середины 30-х годов XX в.³.

¹ Международное право в документах. М., 1969, стр. 123.

² Conference des Nations Unies le droit des traités. Premier et deuxième sessions. Documents de la Conférence, p. 316—317.

³ Одной из первых публикаций подобного рода явилась карта к ежегоднику «China Yearbook 1936—1937».

Уже первые карты, изданные в КНР после 1949 г., также включают острова Южно-Китайского моря в состав китайской территории, но уже не так, как это делалось на картах, выпущенных до освобождения. Даже беглый взгляд на новые карты давал возможность убедиться в том, что истинные размеры притязаний Пекина значительно превышают те, о которых говорится в официальных документах правительства⁴.

Дело в том, что на всех картах, издаваемых в КНР, в районе Южно-Китайского моря — вплоть до северо-восточной оконечности Тайваня — были проставлены условные знаки, изображающие государственную границу Китая. И эти знаки относили к территории Китая всю акваторию Южно-Китайского моря⁵.

В соответствии с теорией и практикой международного права государственной границей страны на море является внешний предел ее территориальных вод. Вплоть до сентября 1958 г. Китай имел территориальные воды шириной 3 морских мили. И только после того, как закончившаяся в апреле 1958 г. в Женеве конференция по морскому праву, против документов которой Пекин ведет ныне борьбу, продемонстрировала растущую тенденцию к установлению 12-мильного предела территориальных вод, Китай расширил и свои территориальные воды. Об этом было декларировано в заявлении правительства КНР от 4 сентября 1958 г.⁶

Однако и этот документ не давал китайской стороне никаких оснований для того, чтобы отграничивать Южно-Китайское море, проводя границу в непосредственной близости от берегов Вьетнама, Индонезии, Малайи и Филиппин.

Конечно, островные группы могут иметь единое территориальное море, однако лишь в том случае, если острова этой группы отстоят один от другого на расстояние, не превышающее двойной ширины территориальных вод. Но даже если бы острова Южно-Китайского моря действительно принадлежали Китаю, изображение его границ в Южно-Китайском море, принятое в китайской картографии, все равно противоречит содержанию заявления правительства КНР от 4 сентября 1958 г. Действительно, если этот документ установил 12-мильный предел территориальных вод, то на картах полоса «территориальных вод Китая» вблизи островов составляла от 40 до 180 км, то есть от 22 до 100 морских миль⁷. Что же касается знаков госграницы, проводимых в Южно-Китайском море безотносительно к каким-то островам, то нанесение их на карту вообще не имеет под собой никаких оснований и противозаконно.

Следует констатировать, что такое изображение морских границ Китая, ставшее традиционным, является не чем иным, как актом «картографической агрессии», объект которой в данном случае не только — и даже, видимо, не столько — острова Южно-Китайского моря, но в основном акватория открытого моря. А это уже свидетельствует о прямом воцелении Пекина на основные принципы международного морского права, в частности на принцип свободы открытого моря.

⁴ См. Заявление министра иностранных дел Чжоу Энь-ляя об американо-английском проекте морского договора с Японией в конференции в Сан-Франциско от 15 августа 1951 г. — Сборник документов внешней политики КНР, вып. 2, Пекин, 1958, стр. 32; Заявление представителя МИД КНР о суверенитете Китая над островами Наньша от 29 мая 1956 г. — Там же, вып. 4, стр. 61—62.

⁵ Настенная карта Китая, Шанхай, 1950; Атлас провинций КНР, Шанхай, 1951, карта № 42; Атлас КНР, Пекин, 1957, карта № 66—67.

⁶ Сборник документов внешней политики КНР, вып. 5, стр. 162—163.

⁷ Атлас мира, Пекин, 1972, карта № 6; Атлас Китая, Пекин, 1974, карта № 39—40.

Будучи сформулированными еще Г. Гроцием в начале XVII в.⁸, он давно уже признан всеми странами в качестве одного из основных принципов морского права. Он зафиксирован и в статье 2 Женевской конвенции 1958 г. об открытом море: «Открытое море открыто для всех наций, и никакое государство не вправе претендовать на подчинение какой-либо части его своему суверенитету»⁹.

Можно предположить, что притязания Пекина на суверенитет над акваторией Южно-Китайского моря основаны на его убеждении в том, что все островные группы этого моря, расположенные так, что как бы отграничивают, «замыкают» его, принадлежат Китаю. Иными словами, одна территориальная претензия Пекина возникает на основе другой.

Это построение, будучи противоестественным и аморальным само по себе, противоречит теории и практике международного права, которое считает, что, даже если открытое море окружено территорией одного и того же государства, оно продолжает сохранять характер именно открытого моря. Так, видный английский правовед Л. Оппенгейм в связи с этим писал: «То обстоятельство, что море окружено территорией одного и того же государства, не имеет никакого значения, если между этим морем и основным пространством морских вод существует доступное для судоходства соединение морской воды, хотя бы это соединение составляло часть территории одного или нескольких прибрежных государств. Следовательно, тогда как Аральское море является русской территорией, Мраморное море — часть открытого моря, несмотря на то, что оно окружено турецкой территорией, ибо Босфор и Дарданеллы, хотя и являются турецкими территориальными водами, открыты для торговых судов всех стран»¹⁰.

Касаясь вопроса о том, что относится к самому понятию «открытое море», Л. Оппенгейм включает сюда не только океаны, но также «части этих океанов, которые носят особые названия, и, далее, части этих частей, которые опять-таки носят специальные названия». В подстрочном примечании к этому положению перечислены некоторые «части» и «части частей» океанов, являющихся открытым морем. К ним, в частности, относятся «...Китайское (Южно-Китайское, — Е. С.) море, Сиамакский и Тонкинский заливы, Восточно-Китайское, Желтое... моря»¹¹.

В течение довольно долгого времени, кроме китайских картографических публикаций, не было никаких других свидетельств экспансионистских устремлений Пекина в отношении открытого моря. Это в понятие — уж слишком протекторатными являются претензии на суверенитет над открытым морем. Однако в последнее время появилось ряд официальных документов, подтверждающих, по существу, наличие у правительства КНР таких замыслов.

Впервые речь идет о намерении, с полным выстулом 6 мая 1974 г. на заседании Экспертного и Консультативного совета ООН китайский представитель Ван Чэн-чунь в связи с обсуждением вопроса о международном сотрудничестве в области картографии. В этом заявлении, переданном заместителем Секретаря 8 мая 1974 г. в частности, утверждалось: «В соответствии с резолюцией предыдущей картографической конференции ООН для Азии и Дальнего Востока было рекомендовано создать так называемую «картографическую комиссию по Южно-Китайскому морю» и включить китайские острова Наншань

⁸ Г. Гроций. О праве войны и мира. М., 1957, стр. 128.

⁹ Международное право в документах, стр. 128.

¹⁰ Л. Оппенгейм. Международное право. М., 1958, т. I, кн. I, стр. 128.

¹¹ Там же, стр. 128.

и примыкающие к ним морские акватории в гидрометрический план этой комиссии. Это ошибочный подход. Китайское правительство неоднократно торжественно заявляло, что острова Наньша, равно как острова Сиша, острова Дунша и острова Чжунша (острова Спратли, Парасельские, Пратас и Макклесфилд-бэнк. — Е. С.), искони являются китайской территорией. Китайская Народная Республика имеет неоспоримые права на эти острова и близлежащую морскую зону. Китайская делегация предъявляет соответствующим властям требование принять меры к прекращению выполнения вышеуказанного гидрометрического плана так называемой «гидрографической комиссии по Южно-Китайскому морю» и гарантировать от повторения подобных случаев в будущем».

Обращает на себя внимание последняя фраза из приведенной выдержки. Обычно подобное требование выдвигается лишь в отношении суверенной части государственной территории в случае нарушения ее неприкосновенности. В данном случае выдвигаемое требование как будто увязано лишь с вопросом о суверенитете над островами, на которые претендует Китай и которые, как считают в Пекине, «искони являются частью китайской территории». Но ведь речь идет о работе международного рабочего органа, объектом которой является все Южно-Китайское море. А китайская сторона требует полного прекращения работы этой комиссии — в том числе и в международных водах открытого моря, ибо, по ее мнению, деятельность этой комиссии является нарушением суверенитета Китая в морской зоне, «близлежащей» к островам, являющимся объектом притязаний Пекина. Иными словами, в Пекине считают, что всякие научные исследования в Южно-Китайском море, проводимые без согласия на то китайского правительства, нарушают суверенные права Китая. А это и есть не что иное, как притязание на суверенитет над открытым морем.

Во-вторых, речь идет о документе, отражающем позицию китайской делегации на III конференции ООН по морскому праву. Вкратце эта позиция — в отношении интересующих нас вопросов — сводится к утверждению, что прибрежное государство имеет право само устанавливать ширину своих территориальных вод и что прибрежное государство (или государства) должно распространить свою национальную юрисдикцию на международные проливы¹².

Что же скрывается за этими предложениями китайской стороны?

Они направлены на то, чтобы конвенционным путем закрепить в Южно-Китайском море то положение, которое изображается на китайских картах. Ныне существующие нормы права являются серьезным препятствием на пути осуществления экспансионистских помыслов Пекина в отношении омывающих Китай морей. Китайские предложения и направлены на то, чтобы ликвидировать это препятствие.

По мысли пекинских политиков, территориальные воды островов, якобы принадлежащих Китаю, и Тайваня, расширенные до максимально возможных пределов, как бы «перекроют» все подступы к той части Южно-Китайского моря, которая могла бы рассматриваться как, пользуясь китайской терминологией, «международный морской район». И коль скоро так, то вопреки традиционным нормам права, нашедшим свое отражение в приведенной выше выдержке из работы Л. Опенгейма, Пекин считает себя вправе рассматривать всю акваторию Южно-Китайского моря как действительно «китайского», *Mare Sinica*.

¹² Китай: рабочий документ о морском районе в пределах действия национальной юрисдикции. Док. А/АС. 138.

Равным образом под действие национальной юрисдикции Китая попадает Тайваньский пролив. Тем самым одна из самых напряженных артерий международного судоходства, связывающая Тихий океан с Индийским, окажется на огромном протяжении проходящей по территориальным водам Китая, то есть контролируемой китайскими властями и в конечном итоге зависимой от политического курса Пекина.

Цитировавшееся выше заявление китайского представителя в ЭКОСОС дает представление о тех последствиях, которые могли бы иметь место после утверждения Китаем своего суверенитета над акваторией омывающих его морей. Если сейчас, даже несмотря на существование международного спора относительно принадлежности островов Южно-Китайского моря, китайская сторона, основываясь на своих притязаниях, считает себя вправе «запрещать» в открытом море один из видов деятельности, составляющих содержание понятия «свобода открытого моря», можно с уверенностью говорить, что закрепление китайских предложений в будущих конвенциях самым отрицательным образом сказалось бы на всем развитии обстановки в этом районе.

Как уже упоминалось, Тайваньский пролив и Южно-Китайское море — районы интенсивного судоходства. На III конференции по морскому праву некоторые страны пытаются делить все морские корабли на суда с обычными характеристиками и суда с «особыми характеристиками». К последней категории относятся суда с ядерными энергетическими установками, суда, перевозящие ядерные материалы, нефть и нефтепродукты, исследовательские суда, военные корабли и т. д. Для всех них предлагается установить разрешительный или уведомительный порядок прохода через «морской район в пределах национальной юрисдикции». Таким образом, прибрежное государство может воспрепятствовать мирному проходу таких судов через свои территориальные воды.

Видимо, излишне говорить, что китайская делегация на конференции выступила в поддержку этих предложений. А это означает, что китайские предложения, по своей сущности, означают прямую угрозу свободе судоходства и научных исследований в омывающих Китай морях.

Напомним, кстати, что китайская печать неоднократно выступала уже против этих свобод, именуя их «тривиальной идейкой». «Говоря без обиняков, — писала, например, «Жэньминь жибао» в статье, посвященной сессии конференции по морскому праву, проходившей в Каракасе, — это «обычные правовые нормы» в интересах империалистов-разбойников, позволяющие сверхдержавам произвольно посягать на суверенитет чужих стран и угрожать их безопасности»¹³.

Однако угрозу интересам и безопасности стран этого района создает ныне Китай. Совершенно очевидно, что всякое ограничение судоходства через омывающие Китай моря в первую очередь затронет интересы стран именно этого района, поскольку экономическое развитие большинства из них тесно связано с развитием их внешней торговли, ведущейся в основном по морю. По морю эти страны получают нужные им товары, прежде всего нефть и нефтепродукты, по морю же они вывозят товары своего экспорта.

Кроме того, Южно-Китайское море богато морскими продуктами и является традиционным районом промысла населения не только приморских провинций Китая, но и Вьетнама, Филиппин, Малайзии и Индонезии. Сюда приходят рыбопромысловые суда и из Японии. Но

¹³ «Жэньминь жибао», 31.VIII.1974.

свобода рыболовства — это тоже «тривиальная идея». И вряд ли рыбаки других приморских стран смогут вести обычную деятельность после того, как Южно-Китайское море окажется формально включенным в «морской район в пределах национальной юрисдикции» Китая.

Вне всякого сомнения, притязания Пекина на суверенитет над Южно-Китайским и другими омывающими Китай морями являются еще одним свидетельством экспансионизма политики руководителей Китая, полного пренебрежения интересами других стран этого района и нуждами развития международного морского судоходства, научных исследований и т. д.

Проблема принадлежности континентального шельфа

Вопрос о притязаниях КНР на суверенитет над открытым морем тесно связан с другим вопросом, возникшим в области международного общения и, соответственно, в международном праве сравнительно недавно, — вопросом о принадлежности континентального шельфа.

Достигнутый в последние десятилетия технический прогресс сделал доступными ресурсы морского дна. Развитие науки и техники открыло возможности не только для широкого проведения исследовательских и поисковых работ на морском дне, но и для коммерческой добычи ранее недоступных минеральных ресурсов на значительной глубине. Открывшиеся возможности поставили на повестку дня ряд международно-правовых вопросов. Впервые они были обсуждены на I конференции ООН по морскому праву в Женеве в 1958 г. и нашли свое отражение в подписанной тогда же конвенции о континентальном шельфе. В настоящее время эти вопросы вновь обсуждаются на III конференции по морскому праву с целью привести нормы права в соответствие с возросшими за последние годы техническими возможностями государств.

Термин «континентальный шельф» заимствован юристами из географической и геологической наук. Современная геологическая наука делит дно Мирового океана на четыре составных элемента: континентальный шельф, начинающийся от берега и идущий в направлении открытого моря с уклоном, не превышающим 1—1,5°; континентальный склон, который характеризуется резким увеличением уклона до 6—15° и простирается от внешнего предела континентального шельфа до глубин 2—2,5 тыс. м; океанское дно, или абиссаль, начинающееся на уровне 2—2,5 тыс. м и идущее при небольшом уклоне до глубины в 6 тыс. м; глубоководные впадины — подводные ущелья с глубинами от 6 до 10 тыс. м и более¹⁴.

Женевская конвенция, как это явствует из статьи 1, употребляет термин «континентальный шельф» применительно к «а) поверхности и недрам морского дна подводных районов, примыкающих к берегу, но находящихся вне зоны территориального моря, до глубины 200 м или, за этим пределом, до такого места, до которого глубина покрывающих вод позволяет разработку естественных богатств этих районов; б) поверхности и недрам подобных подводных районов, примыкающих к берегам островов»¹⁵.

¹⁴ Подробнее по этому вопросу см. А. Л. Колодкин. Мировой океан, М., 1973, стр. 110; С. В. Молодцов. Международно-правовой режим открытого моря и континентального шельфа. М., 1960, стр. 226—229.

¹⁵ Международное право в документах, стр. 139.

Из приведенной выдержки видно, что правовая концепция континентального шельфа несколько отличается от того, что понимает под этим термином геологическая наука. Если геология считает началом континентального шельфа край суши (берег), то юристы видят начало континентального шельфа совпадающим лишь с внешним пределом территориальных вод.

Поскольку на практике, видимо, чрезвычайно редки случаи принадлежности континентального шельфа одному государству, участники Женевской конференции при разработке конвенции включили в нее статью, специально посвященную вопросам разграничения. В основу ее положены те же нормы, которые регулируют в соответствии со сложившейся практикой вопросы разграничения территориальных вод.

Статья 6 конвенции, предусматривая возможность различного расположения государств по отношению к шельфу и друг к другу, в вопросе разграничения шельфа отдает предпочтение достижению соглашения между заинтересованными государствами. Однако «при отсутствии соглашения и если иная линия границы не оправдывается особыми обстоятельствами, граница определяется по принципу равного отстояния от ближайших точек тех исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря каждого из этих двух государств»¹⁶. Иными словами, в основу разграничения положен принцип «линии эквидистанции», как и при разграничении территориальных вод.

В первые годы после создания Китайской Народной Республики в вопросах, касающихся морских рубежей, ее правительство уделяло внимание лишь проблеме принадлежности островов Южно-Китайского моря. И только после того, как под эгидой ЭКАДВ развернулись исследовательские работы в омывающих Китай морях, и особенно после того, как эти исследования дали многообещающие результаты, Пекин проявил интерес и к этой проблеме.

Как сообщала западная печать, проведенные исследования показали, что морское дно Восточно-Китайского моря имеет такое строение, которое может служить естественной ловушкой для отложения осадочных пород и органического вещества. Потенциальный нефтеносный район охватывает более 500 тыс. км² морского дна и простирается на север от Тайваня к водам по обе стороны Корейского полуострова¹⁷. Толщина нефтеносного слоя под дном Желтого моря вблизи берегов Китая и Кореи составляет около 1500 м, увеличиваясь в Восточно-Китайском море и достигая в районе островов Сенто 2500 м¹⁸.

Последующие исследования, проводившиеся, в частности, той же самой гидрографической комиссией, о которой упоминалось выше, показали, что запасы нефти имеются и в Южно-Китайском море.

Открытие запасов нефти в шельфе немедленно вызвало споры о принадлежности тех или иных районов шельфа. Обстановка обострилась до такой степени, что английская газета «Гардиан» охарактеризовала ее 18 декабря 1970 г. как «драку из-за нефти в Восточно-Китайском море».

Счел необходимым изложить свою позицию по этому вопросу — пока неофициально — и Пекин. В комментарии, с которым выступила 4 декабря 1970 г. «Жэньминь жибао», вопрос о шельфе, хоть и затронутый вскользь, трактуется так, будто весь шельф расположен в «близ-

¹⁶ Международное право в документах, стр. 141.

¹⁷ «The Guardian», 18.XII.1970.

¹⁸ «Mainichi Daily News», 15.XII.1970.

лежащей» к Китаю зоне и, естественно, должен принадлежать ему¹⁹.

Именно в этом комментарии появилось впервые понятие «близлежащий», которым пекинские политики пытаются подменить принятый в международном праве термин «прилегающий». Это не простая игра слов. «Примыкаемость» района — не просто факт наличия прилегающего к берегу района. Использование термина «прилегающий» показывает, что речь идет о ближайшем к берегу районе. Более того, «прилегающий» район не может простирается бесконечно, хотя бы он и оставался «близлежащим». Китайская дипломатия в последующем широко использовала эту подмену понятий для того, чтобы обходить и нарушать общепринятые нормы международного права.

Анализ этого комментария позволял предположить, что позиция Пекина в вопросе о континентальном шельфе сводится к двум основным моментам. Во-первых, Китай претендует на весь шельф омывающих его морей. Во-вторых, только Китай может решать, кто из других прибрежных стран может быть «допущен» к разработке богатств шельфа. Таким образом, еще только формируя свою позицию по данному вопросу, китайское правительство положило в ее основу экспансионистский и гегемонистский подход.

Последующие события полностью подтвердили справедливость таких предположений. Свидетельство тому можно найти уже в первом официальном документе китайской стороны в связи с вопросом о шельфе — заявлении МИД КНР от 15 марта 1973 г.

Начало буровых работ на шельфе вне сферы китайских интересов, отграниченных «линией эквидистанции», трактовалось в китайском документе как посягательство на то, чтобы «присвоить прибрежные ресурсы нашей страны на дне моря».

Вместе с тем в заявлении говорится, как сообщало агентство Синьхуа 16 марта 1973 г., что «вопрос о разграничении сфер юрисдикции на Желтом море и Восточно-Китайском море между Китаем и соседними странами по сей день остается еще не решенным». Из этого обстоятельства делается вывод о том, что всякие работы на шельфе, даже в зоне, бесспорно принадлежащей другому государству, до достижения соглашения о разграничении его являются незаконным действием и заведомо направлены на то, чтобы ущемить права и интересы Китая. Нельзя не констатировать, что эта позиция находится в полном противоречии с положениями, зафиксированными Женевской конвенцией, в частности статьей 6.

Вопрос о разграничении шельфа, затронутый в заявлении, как будто бы противоречит тезису о принадлежности Китаю всего шельфа. Он, однако, находится в полном соответствии с положением о том, что только Китаю принадлежит право решать, какая из прибрежных стран может быть допущена к разработке богатств шельфа (заметим: принадлежащих ей в соответствии с международным правом). В целом же этот вопрос затронут исключительно для того, чтобы придать китайской позиции видимость соответствия положениям права и «смазать» ее откровенно экспансионистский характер.

Стремление подвести под свою позицию видимость «законной основы» видно и в последующих официальных документах МИД КНР, в частности в его заявлениях от 4 февраля 1974 г. и от 13 июня 1977 г.

В заявлении МИД, опубликованном 4 февраля 1974 г., вводится «в оборот» тезис о том, что «континентальный шельф есть продолже-

¹⁹ «Жэньминь жибао», 4.XII.1970.

ние материка» и, следовательно, должен принадлежать Китаю²⁰. При этом авторы документа не хотят принимать во внимание того обстоятельства, что материк — это не один Китай, что другие прибрежные страны тоже имеют суверенные права на тот шельф, который является «продолжением части материка», занимаемой территорией этих стран.

Вместе с тем следует отметить, что, не находя иной аргументации, Пекин пытается представить геологическую концепцию континентального шельфа в качестве юридического правооснования своих притязаний. Еще более отчетливо это положение выражено в заявлении МИД КНР от 13 июня 1977 г., где прямо говорится: «В соответствии с принципом, согласно которому континентальный шельф есть естественное продолжение материковой части территории, Китайская Народная Республика имеет неприкосновенные суверенные права на континентальный шельф в Восточно-Китайском море»²¹.

В этом же документе расставлены все точки над «i» и в поднятом китайской стороной вопросе о разграничении шельфа. Утверждая право Китая решать, кто может быть «допущен» к разработке шельфа, в заявлении отмечается, что «вопрос разграничения той части континентального шельфа Восточно-Китайского моря, которая касается других стран, должен разрешаться Китаем и другими заинтересованными странами путем консультаций».

В связи с опубликованием этого заявления агентство Синьхуа выступило с комментарием, в котором оно отвергает широко распространенный в практике международных отношений принцип «линии эквидистанции», зафиксированный в Женевских конвенциях о континентальном шельфе и о территориальном море и примыкающей зоне. В комментарии подчеркивается, что ссылки на этот принцип «тщетны и лишены всякого основания. Правительство и народ Китая ни в коем случае не допустят посягательства на суверенитет Китая и произвольно попраiania норм международного права»²².

Нельзя в связи с этим не отметить, что китайская сторона прибегает к своему излюбленному демагогическому приему — попирая на практике элементарные нормы международного права, она пытается обвинить в этом своего партнера.

Выше уже говорилось, что при определении внешнего предела континентального шельфа большое значение имеет понятие «примыкаемости». Заменив его понятием «близлежащий», китайская сторона рассматривает все дно мелководных Желтого и Восточно-Китайского морей как «близлежащее» к Китаю.

Аналогична в целом позиция Китая и в отношении шельфа Южно-Китайского моря. Однако строение дна Южно-Китайского моря имеет существенные отличия от строения дна мелководных Желтого и Восточно-Китайского морей, поэтому в основу этой позиции положены притязания Китая на острова Южно-Китайского моря.

Так, например, МИД КНР выступил 14 июня 1976 г. с заявлением протеста против начала разведывательных работ в районе Рид-бэнк (восточная часть островов Спратли, на которую претендуют Филиппины), ведущихся филиппинскими судами. В заявлении вновь утверждалось, что острова Южно-Китайского моря будто бы «издавна явля-

²⁰ «Жэньминь жибао», 5.II.1974.

²¹ «Жэньминь жибао», 13.VI.1977. В другом месте того же документа этот вопрос трактуется еще более определенно. Там указано, что «континентальный шельф в Восточно-Китайском море есть естественное продолжение материковой части Китая».

²² «Жэньминь жибао», 14.VI.1977.

ются территорией Китая», и подчеркивалось, что «ресурсы в этих районах принадлежат Китаю»²³.

С другой стороны, стремясь одновременно во что бы то ни стало доказать, что острова Южно-Китайского моря просто не могут не принадлежать Китаю, Пекин пытается использовать авторитет науки. С этой целью на Парасельских островах, захваченных Китаем после вооруженного инцидента в январе 1974 г., работала комплексная экспедиция Академии наук Китая. Одним из результатов ее работы явился вывод о том, что острова Южно-Китайского моря — это холмы, или поднятия, континентального шельфа, принадлежащего Китаю²⁴.

Однако, как уже отмечалось, Южно-Китайское море не мелководно. Континентальный шельф — в том виде, как он понимается геологической наукой и как он трактуется статьей I Женевской конвенции — тянется сравнительно узкой полосой вдоль берега, затем глубины моря резко возрастают до 2—3 тыс. м и лишь вблизи островов, действительно, море становится вновь мелководным. Но можно ли считать это мелководье, отделенное от континентального шельфа большими глубинами, его продолжением или его частью? Международное право отвечает на этот вопрос отрицательно.

«Вывод», сделанный экспедицией, показывает, что китайская сторона пытается включить в понятие «континентальный шельф» не только сам шельф, но и континентальный склон — как минимум, а возможно, что и абиссальное дно, то есть практически все морское дно, невзирая на то что юристы достаточно четко зафиксировали в качестве внешнего предела континентального шельфа 200-метровую изобату. Это и нашло свое отражение в Женевской конвенции.

На проходящей в настоящее время III конференции ООН по морскому праву обсуждается вопрос и о континентальном шельфе, в том числе и о его внешних пределах. Китайская делегация в этой связи стоит на той позиции, что граница континентального шельфа должна совпадать или может даже выходить за внешний предел 200-мильной экономической зоны. По своей форме это предложение как будто соответствует концепции «патримониального моря», как оно трактуется, например, в так называемой «декларации Санто-Доминго»²⁵.

Вместе с тем есть и весьма существенные различия.

Упомянутый документ распространяет суверенные права прибрежного государства лишь на живые и минеральные ресурсы этой зоны, не затрагивая поверхности открытого моря. Китайские же предложения не обходят и этот вопрос. Они, правда, предусматривают, что «нельзя препятствовать обычному судоходству» в водах, покрывающих континентальный шельф²⁶. Но если вспомнить, что на конференции появились предложения делить морской флот на суда с обычными характеристиками и суда с «особыми характеристиками», для которых предполагается установить разрешительный порядок прохода, то можно предположить, что последний тип судов, с точки зрения Пекина, не попадает под категорию «обычного судоходства» и, следовательно, свобода их плавания в водах, покрывающих континентальный шельф, оказывается под угрозой.

Если же оценивать китайские предложения на конференции по морскому праву с точки зрения рассмотренных выше притязаний Пе-

²³ «Жэньминь жибао», 14.VI.1976.

²⁴ «Китай», 1975, № 10, стр. 10.

²⁵ New Directions in the Law of Sea. Vol. 1. Dobbs Ferry, 1973, p. 247.

²⁶ Внешнеполитические концепции маоизма. М., 1975, стр. 232.

кина, выдвигаемых на практике, нетрудно убедиться в том, что основная цель китайской дипломатии заключается в стремлении добиться принятия новых конвенционных норм морского права, которые узаконили бы экспансионистские и гегемонистские устремления Пекина.

* * *

Попытки Пекина поставить под свой контроль омывающие Китай моря, являясь откровенным нарушением общепринятых норм международного морского права и проявлением экспансионистской политики китайского руководства, прямо направлены против всех других стран этого района. Поскольку большинство из них относится к развивающимся, практические действия Пекина наглядно демонстрируют несоответствие их заявлениям китайских политиков о том, что Китай якобы всегда выступает в защиту прав и интересов развивающихся стран от посягательств со стороны «сверхдержав». Верхом фарисейства и демагогии является в этой связи позиция китайской дипломатии на III конференции по морскому праву, будто бы исходящая из учета интересов развивающихся стран, а на самом деле направленная на ущемление этих интересов во имя достижения великодержавных целей Пекина.

А цели эти сводятся к тому, чтобы вопреки многократным торжественным заверениям, делавшимся пекинскими лидерами, превратить Китай в «сверхдержаву», создать свой политический центр с собственной сферой влияния, аналогичный классическому китаецентристскому построению «Китай — зависимая периферия». Достижению этих целей подчинена практически политика КНР, к тому же направлены политические концепции, разрабатываемые китайской дипломатией и представленные, в частности, на конференции по морскому праву — по сути дела, они должны способствовать утверждению господства Китая в этой части Мирового океана, а следовательно, и в регионе в целом.

Китайские политики прекрасно понимают, что все страны этого района заинтересованы как в развитии традиционного морского промысла и коммерческого судоходства, так и в получении собственных источников энергетического сырья, то есть в реализации тех возможностей, которые открывает перед ними эксплуатация ресурсов континентального шельфа. Выдвигая притязания на омывающие Китай моря и угрожая тем самым лишить все прочие страны их законных прав и значительно ограничить их морскую торговлю, Пекин пытается поставить урегулирование вопросов, интересующих страны региона, в прямую зависимость от их готовности признать главенствующую роль Китая в регионе и принять его определенные политические требования.

Таким образом, политика Китайской Народной Республики на ее морских рубежах есть политика, основанная на сознательном нарушении существующих правовых норм, политика экспансионистская и гегемонистская, игнорирующая и прямо ущемляющая права и жизненные интересы стран и народов региона, политика, откровенно враждебная интересам мира и развития международного сотрудничества.

Политика КНР в странах Тропической Африки

[60—70-е годы]

В. Н. Софинский,
А. М. Хазанов,
доктор исторических наук

Политика руководства КНР в отношении стран Африки составляет часть глобального внешнеполитического курса Пекина и подчинена общим целям этого курса. Одной из главных задач маоистской политики в отношении национально-освободительного движения является его изоляция от других отрядов мирового революционного движения, прежде всего от Советского Союза и других социалистических стран, и подчинение его политическому и идеологическому контролю Пекина.

Политика КНР в отношении стран Африки базируется на ряде теоретических установок и концепций маоизма. Это внеклассовая теория «богатых и бедных наций», демагогический тезис о необходимости борьбы против «гегемонизма двух сверхдержав», псевдомарксистская концепция о «революционной» борьбе «мировой деревни» (стран Азии, Африки, Латинской Америки) против «мирового города» (экономически развитых стран Европы и Америки), ультрареволюционный тезис «винтовка рождает власть», то есть абсолютизация вооруженного пути революционной борьбы, и лозунг «опора на собственные силы».

Особое место в идеологическом арсенале маоизма занимает антимарксистская «теория трех миров». Она представляет собой слегка модернизированную концепцию «промежуточных зон», выдвинутую в свое время Мао Цзэ-дуном. Согласно «теории трех миров», две сверхдержавы — СССР и США — представляют собой «первый мир»; Япония, Западная Европа и Канада — «второй мир»; все остальные страны, то есть Азия, Африка, Латинская Америка и другие, — «третий мир». Главными врагами Китая объявляются страны «первого мира», причем самым опасным врагом, согласно этой теории, является Советский Союз. Из «теории трех миров» делается вывод о необходимости сколачивания единого фронта всех народов, включая страны «третьего мира», для борьбы против «первого мира», особенно против «социал-империализма», то есть Советского Союза. Что же касается «второго мира», то, согласно этой теории, он занимает двойственную позицию. Некоторые страны поддерживают «первый мир». Это «миюнхенцы», проводящие политику умиротворения в отношении «социал-империалистов». Маоисты призывают не только к борьбе против «первого мира», но и к борьбе против «миюнхенцев второго мира».

Теория «трех миров», широко пропагандируемая маоистами, используется ими для мобилизации всех возможных сил для борьбы против Советского Союза. XI съезд КПК заявил о том, что Китай будет вести решительную борьбу против «социал-империализма» и доведет ее до конца. Речь идет о создании широкого фронта борьбы против

СССР, включая развивающиеся страны, капиталистические страны и некоторые социалистические страны.

Стремясь вбить клин между народами «третьего мира», с одной стороны, и социалистическим содружеством — с другой, маоисты широко пропагандируют теорию об особой общности интересов народов Азии, Африки и Латинской Америки. Афро-азиатская солидарность в интерпретации китайских руководителей превратилась из орудия борьбы против империализма в средство изоляции Советского Союза и социалистических стран Европы. В основе геополитической доктрины Пекина лежат его гегемонистические претензии на руководство мировым революционным движением.

В Африке китайские руководители широко используют в своих целях африканский национализм в различных его формах и проявлениях. При этом они не гнушаются никакими средствами, пользуются чисто расистской идеологией вплоть до пропаганды панафриканского лозунга «Африка для африканцев»¹. Маоисты пытаются использовать и эксплуатировать в своих интересах отрицательные аспекты африканского национализма с его противопоставлением народов черной расы народам белой расы, подогревают расистские шовинистические настроения в Африке, выдвигают всякого рода антимарксистские теории, чтобы доказать, что законы общественного развития стран Европы неприемлемы для стран Африки, где якобы действуют специфические законы общественного развития, в том числе и строительства социализма. Разжигаемый маоистами африканский расизм с его требованием обособления от европейских, и прежде всего от социалистических, стран крайне опасен в первую очередь для самих африканских народов.

Маоистские концепции представляют собой, в сущности, не что иное, как попытку навязать национально-освободительному движению идеологическое и политическое руководство Пекина, распространить на весь мир исторический и политический опыт Китая, то есть в основе своей содержат идею избранности, особой роли и места Китая в мировой истории.

На практике это означает стремление выделить национально-освободительное движение из единого антиимпериалистического фронта, разорвать связи молодых развивающихся государств со странами социалистического содружества и подчинить «третий мир» маоистскому руководству. Именно этими целями определялась политика КНР в отношении стран Тропической Африки в 60—70-е годы. Эта политика не оставалась неизменной и претерпела определенную эволюцию, что позволяет выделить в ней три основных этапа: 1) 1963—1965 гг.; 2) 1965—1969 гг.; 3) 1969—1978 гг. Эти этапы отличаются друг от друга главным образом степенью активности и тактикой маоистов, используемой для проникновения в страны Тропической Африки.

На первом этапе КНР стремилась заручиться поддержкой африканских государств для достижения трех целей: восстановления прав КНР в ООН и исключения из этой организации Тайваня; борьбы против США и других капиталистических стран; борьбы против Советского Союза и подрыва позиций Советского Союза в «третьем мире», отрыва от него национально-освободительного движения.

Следует отметить, что в «третьем мире», и в частности в Тропической Африке, существуют определенные объективные социально-классовые предпосылки, способствующие распространению маоистского влияния, сравнительно быстрому и легкому восприятию определенными социаль-

¹ «Жэньминь жибао», 18.11.1964.

Политика КНР в странах Тропической Африки

[60—70-е годы]

В. Н. Софинский,
А. М. Хазанов,
доктор исторических наук

Политика руководства КНР в отношении стран Африки составляет часть глобального внешнеполитического курса Пекина и подчинена общим целям этого курса. Одной из главных задач маоистской политики в отношении национально-освободительного движения является его изоляция от других отрядов мирового революционного движения, прежде всего от Советского Союза и других социалистических стран, и подчинение его политическому и идеологическому контролю Пекина.

Политика КНР в отношении стран Африки базируется на ряде теоретических установок и концепций маоизма. Это внеклассовая теория «богатых и бедных наций», демагогический тезис о необходимости борьбы против «гегемонизма двух сверхдержав», псевдомарксистская концепция о «революционной» борьбе «мировой деревни» (стран Азии, Африки, Латинской Америки) против «мирового города» (экономически развитых стран Европы и Америки), ультрареволюционный тезис «винтовка рождает власть», то есть абсолютизация вооруженного пути революционной борьбы, и лозунг «опора на собственные силы».

Особое место в идеологическом арсенале маоизма занимает антимарксистская «теория трех миров». Она представляет собой слегка модернизированную концепцию «промежуточных зон», выдвинутую в свое время Мао Цзэ-дуном. Согласно «теории трех миров», две сверхдержавы — СССР и США — представляют собой «первый мир»; Япония, Западная Европа и Канада — «второй мир»; все остальные страны, то есть Азия, Африка, Латинская Америка и другие, — «третий мир». Главными врагами Китая объявляются страны «первого мира», причем самым опасным врагом, согласно этой теории, является Советский Союз. Из «теории трех миров» делается вывод о необходимости сколачивания единого фронта всех народов, включая страны «третьего мира», для борьбы против «первого мира», особенно против «социал-империализма», то есть Советского Союза. Что же касается «второго мира», то, согласно этой теории, он занимает двойственную позицию. Некоторые страны поддерживают «первый мир». Это «миюнхенцы», проводящие политику умиротворения в отношении «социал-империалистов». Маоисты призывают не только к борьбе против «первого мира», но и к борьбе против «миюнхенцев второго мира».

Теория «трех миров», широко пропагандируемая маоистами, используется ими для мобилизации всех возможных сил для борьбы против Советского Союза. XI съезд КПК заявил о том, что Китай будет вести решительную борьбу против «социал-империализма» и доведет ее до конца. Речь идет о создании широкого фронта борьбы против

СССР, включая развивающиеся страны, капиталистические страны и некоторые социалистические страны.

Стремясь вбить клин между народами «третьего мира», с одной стороны, и социалистическим содружеством — с другой, маоисты широко пропагандируют теорию об особой общности интересов народов Азии, Африки и Латинской Америки. Афро-азиатская солидарность в интерпретации китайских руководителей превратилась из орудия борьбы против империализма в средство изоляции Советского Союза и социалистических стран Европы. В основе геополитической доктрины Пекина лежат его гегемонистические претензии на руководство мировым революционным движением.

В Африке китайские руководители широко используют в своих целях африканский национализм в различных его формах и проявлениях. При этом они не гнушаются никакими средствами, пользуются чисто расистской идеологией вплоть до пропаганды панафриканского лозунга «Африка для африканцев»¹. Маоисты пытаются использовать и эксплуатировать в своих интересах отрицательные аспекты африканского национализма с его противопоставлением народов черной расы народам белой расы, подогревают расистские шовинистические настроения в Африке, выдвигают всякого рода антимарксистские теории, чтобы доказать, что законы общественного развития стран Европы неприемлемы для стран Африки, где якобы действуют специфические законы общественного развития, в том числе и строительства социализма. Разжигаемый маоистами африканский расизм с его требованием обособления от европейских, и прежде всего от социалистических, стран крайне опасен в первую очередь для самих африканских народов.

Маоистские концепции представляют собой, в сущности, не что иное, как попытку навязать национально-освободительному движению идеологическое и политическое руководство Пекина, распространить на весь мир исторический и политический опыт Китая, то есть в основе своей содержат идею избранности, особой роли и места Китая в мировой истории.

На практике это означает стремление выделить национально-освободительное движение из единого антиимпериалистического фронта, разорвать связи молодых развивающихся государств со странами социалистического содружества и подчинить «третий мир» маоистскому руководству. Именно этими целями определялась политика КНР в отношении стран Тропической Африки в 60—70-е годы. Эта политика не оставалась неизменной и претерпела определенную эволюцию, что позволяет выделить в ней три основных этапа: 1) 1963—1965 гг.; 2) 1965—1969 гг.; 3) 1969—1978 гг. Эти этапы отличаются друг от друга главным образом степенью активности и тактикой маоистов, используемой для проникновения в страны Тропической Африки.

На первом этапе КНР стремилась заручиться поддержкой африканских государств для достижения трех целей: восстановления прав КНР в ООН и исключения из этой организации Тайваня; борьбы против США и других капиталистических стран; борьбы против Советского Союза и подрыва позиций Советского Союза в «третьем мире», отрыва от него национально-освободительного движения.

Следует отметить, что в «третьем мире», и в частности в Тропической Африке, существуют определенные объективные социально-классовые предпосылки, способствующие распространению маоистского влияния, сравнительно быстрому и легкому восприятию определенными социаль-

¹ «Жэньминь жибао», 18.11.1964.

ными слоями населения маоистских установок. Эти предпосылки связаны с исторически обусловленными особенностями Востока, на которые в свое время указывали К. Маркс и В. И. Ленин, а также с социально-классовой структурой населения отсталых стран Азии и Африки. Рабочий класс, который является потенциальным носителем мировоззрения научного социализма, не играет пока еще значительной роли в политической и экономической жизни большинства азиатских и особенно африканских стран. В то же время там весьма велик политический и экономический удельный вес средних промежуточных слоев населения, являющихся потенциальными носителями реакционной националистической идеологии. Как показывает опыт последних десятилетий, к маоистской идеологии, имеющей, по существу, мелкобуржуазный националистический характер, наиболее восприимчивы те слои населения афро-азиатских стран, которые связаны с мелким земледельческим хозяйством, с мелкой торговлей, с другими наиболее отсталыми формами хозяйства и которые являются носителями всякого рода националистических предрассудков. В. И. Ленин отмечал, что, «чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, а именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности»². Процесс вымирания этих предрассудков, подчеркивал В. И. Ленин, «не может не быть очень медленным»³.

В Африке в связи с исключительной социально-экономической отсталостью в результате длительного колониального господства эти националистические предрассудки особенно сильны⁴.

Фактором, объективно способствовавшим распространению маоистского влияния в Азии и Африке, следует считать то обстоятельство, что период после завоевания независимости странами этих континентов характеризуется бурным ростом национализма, шовинистических и сепаратистских тенденций. Рост национализма представляет собой, с одной стороны, реакцию освободившихся народов на многолетнее угнетение и подавление национальных прав метрополиями, а с другой стороны — результат развития капиталистических тенденций.

Прямым следствием роста националистических, шовинистических и сепаратистских настроений в независимых странах Африки и Азии являются обострение межгосударственных противоречий, конфликты и даже военные столкновения, возникающие из-за споров вокруг границ и взаимных территориальных претензий. В Африке эти конфликты особенно часты, так как африканские государства получили в наследство от колониальной эпохи сложную проблему границ.

Все это объективно играет на руку маоистам, которые стремятся использовать широко распространенные в «третьем мире» националистические предрассудки, рост национализма, шовинизма и сепаратизма, атмосферу взаимного недоверия и взаимной подозрительности для навязывания афро-азиатским странам своего идеологического и политического руководства, для разжигания антисоветизма, который они стремятся навязать этим странам в качестве главного принципа их внешней политики, для сколачивания широкого фронта стран для борьбы против Советского Союза.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 168.

³ Там же.

⁴ См. М. В. Фомичева, А. С. Красильников. Китай и Африка. М., 1976, стр. 51.

Пекинское руководство начало борьбу за осуществление своих целей в двух направлениях: во-первых, путем установления официальных отношений с правительствами африканских стран, завоевав расположение некоторых из этих стран путем дипломатической активности и укрепляя экономическое и культурное сотрудничество с ними, и, во-вторых, путем распространения маоистской идеологии.

Дипломатические отношения КНР со странами Северной Африки были установлены еще в 50-е годы. В 1960 г. КНР посетили 113 делегаций из африканских стран⁵. Но начало широкому дипломатическому наступлению КНР на Тропическую Африку положил известный вояж Чжоу Энь-лай, посетившего в 1963—1964 гг. десять африканских государств. «Этот широкий дипломатический поход преследует троякую цель, — писала тогда французская «Фигаро». — Прежде всего Чжоу Энь-лай... явно стремится заручиться поддержкой африканских стран ввиду возможного допуска народного Китая в ООН. Вслед за тем, обещая помощь и открывая свой рынок, он пытается внедрить и упрочить китайское влияние, соперничающее с советским, уже имеющимся на Африканском континенте... Наконец, коммунистический Китай своим присутствием в Африке подтверждает решимость играть роль лидера внутри афро-азиатской группы, могущей по воле обстоятельств стать «третьей силой» рядом с Западом и советским блоком»⁶.

Судя по высказываниям самих африканцев, самая главная цель китайской делегации состояла в том, чтобы убедить новые африканские государства, что они имеют гораздо больше общего с аграрным Китаем, чем с индустриально развитым Советским Союзом. «КНР уже давно заявляет, — писала английская «Майнити дейли ньюс», — что африканские страны в отношении социалистического строительства могут научиться у Китая большему, чем у Москвы»⁷.

В течение всего визита Чжоу Энь-лай осторожно, но настойчиво вел дело на разрыв связей африканских государств с Советским Союзом. В основном политическом документе этого визита — «пяти принципах китайской политики в Африке», — опубликованном в китайско-ганском коммюнике, а также в алжиро-китайском коммюнике, в интервью корреспонденту агентства МЕН подчеркивались «особые интересы» и «общность судеб и целей» народов Африки и Китая, «исключительность» стран трех континентов⁸.

При этом для достижения своей главной стратегической цели — подчинения национально-освободительного движения в Африке руководству Пекина — маоисты не брезговали никакими средствами, включая тенденциозную пропаганду, обман, шантаж и подкуп, применявшиеся в широких масштабах. При этом они пытались применять прямой подкуп в отношении не только второстепенных государственных служащих, но также и в отношении министров и даже премьер-министров. Вот характерный фрагмент из интервью премьер-министра Малави Х. Банда газете «Берлинер цайтунг», показывающий методы китайской «дипломатии»: «Вопрос: Почему вы не захотели установить дипотношения с Пекином? Ответ: Потому что я не продаюсь. Я не принимаю взятки. Китайские коммунисты приехали к нам и предложили мне 200 млн. марок (18 млн. фунтов стерлингов), если я буду готов выполнять их приказа-

⁵ A. Hutchison. China's African Revolution. London, 1975, p. 48.

⁶ «Le Figaro», 30.XII.1963.

⁷ «The Mainiti Daily News», 29.XII.1963.

⁸ «Жэньминь жибао», 26.XII.1963; 29.XII.1963; 17.I.1964; 20.I.1964.

ния. Они хотели задобрить меня своими деньгами, но меня нельзя купить»⁹.

В первой половине 60-х годов усилия китайской дипломатии были направлены на укрепление дипломатических, экономических и культурных отношений с африканскими странами. «Эта деятельность Пекина, — пишут советские исследователи М. В. Фомичева и А. С. Красильников, — развивалась на базе использования не только антиимпериалистических, но и националистских, религиозных настроений, разжигания общинно-племенной розни, противоречий между африканскими лидерами и странами и внешне часто прикрывалась марксистско-ленинскими формулами о «борьбе за мир», «мирном сосуществовании» и пр. ...Но, приспособляясь к политической обстановке на континенте, маонисты часто маневрировали, варьировали методы, приглушали тот или иной аспект своей пропаганды в отдельные годы в зависимости от конкретных целей»¹⁰.

Эта тактика принесла Пекину определенные политические дивиденды. В Восточной Африке в числе первых стран, установивших дипотношения с КНР, были Судан и Сомали (соответственно в феврале 1959 г. и в декабре 1960 г.). В августе 1963 г. тогдашний премьер-министр Сомали Шермарк был приглашен в Пекин, где ему был обещан беспроцентный заем в 90 млн. франков, рассчитанный на 17 лет. Китайцы открыли в Могадишо одно из крупнейших посольств с многочисленным штатом, подобранным из китайских мусульман¹¹.

Активное проникновение Китая в Восточную Африку имело самые отрицательные последствия для обстановки в этом районе, и в частности привело к ухудшению отношений восточноафриканских стран друг с другом. Касаясь этого вопроса, индийская газета «Хинду» писала: «...остается фактом, что лишь со времени занзибарской революции (12 января 1964 г. — Авт.) и руководимого Кристофором Гбенне восстания в Восточном Конго восточноафриканские страны стали испытывать странную политическую напряженность. До занзибарской революции китайское влияние в Африке считали интеллектуальным курьезом; однако сейчас оно стало реальностью, и особенно сильно его можно ощущать в Танзании. Кения и Уганда, естественно, выражают опасения относительно такого развития событий, что привело к некоторой напряженности в отношениях между этими тремя странами»¹².

Основные районы концентрации китайской активности включали в себя, как правило, страны, где шла вооруженная борьба или где существовала сильная антиправительственная оппозиция, лидеры которой отличались ультралевыми или крайне националистическими взглядами. Американский исследователь Лоуентал писал: «Китайская активность концентрируется на сравнительно малом числе африканских стран, которые можно назвать либо «полями битвы», либо ареной антиимпериалистических войн за освобождение. Такими полями битвы были Алжир, Камерун и позже Конго; и когда Египет, бывшее поле битвы, оказался неудовлетворительным, его место заняли Марокко и Гвинея»¹³.

Политика Пекина имела откровенно подстрекательский и подрывной характер и была направлена на поддержку всякого рода оппозици-

⁹ «This is Malawi», Blantyre, vol. 1, № 9, Sept. 1965, p. 4.

¹⁰ М. В. Фомичева, А. С. Красильников. Китай и Африка, стр. 87.

¹¹ «Le Monde», 29—30.XII.1963.

¹² «Hindu», 19.VII.1965.

¹³ Africa and the Communist World. Stanford, 1963, p. 162.

онных, раскольнических, сепаратистских и подрывных сил в странах Африки.

Так, в Эфиопии маоисты поддерживали сепаратистское движение в Эритрее. КНР помогала «Фронту освобождения Эритреи» — сепаратистской организации, ведущей вооруженную борьбу за отделение и независимость этой прибрежной провинции. Пекин предоставлял сепаратистам оружие, вел в Эритрее маоистскую пропаганду. Многие сепаратисты прошли обучение в КНР. Помощь ряда арабских стран, Сомали и КНР дала возможность ФОЭ усилить военные операции и установить в 1969—1970 гг. контроль над большей частью западной и северной Эритреи.

Вмешательство КНР во внутренние дела Эфиопии приняло столь внушительные размеры, что императорское правительство издало 17 декабря 1970 г. специальный декрет, в котором осуждались «иностранные правительства», которые «организовали и обучили на своей территории бандитов, снабдили их современным оружием, деньгами и полувоенным персоналом и помогают им проникать на территорию Эфиопии, чтобы подорвать ее территориальную целостность и суверенитет». Эфиопское правительство неоднократно заявляло, что «иностранные государства и группы пытаются расчлнить наше королевство... Они знают, о ком идет речь»¹⁴. В КНР были опубликованы карты, показывавшие Эритрею как независимое государство¹⁵. Поддержка Пекином сепаратистского движения в Эритрее была существенным фактором, ухудшавшим в 60-е годы китайско-эфиопские отношения.

В Сомали Пекин, следуя своей обычной авантюристической тактике, делал ставку на ультралевые экстремистские силы, и в частности на основанную в конце 50-х годов партию Лига Великого Сомали. Лидер этой партии Хаджи Мухаммед Хуссейн посетил Пекин и получил там значительные денежные суммы.

Всюду, где только возможно, маоисты стремились расколоть национально-освободительное движение, устранить таких лидеров и такие организации, которые не желали подчиняться их контролю, противопоставив им своих ставленников. Так, например, маоисты пытались расколоть революционную организацию МПЛА в Анголе, ФРЕЛИМО в Мозамбике и т. д.

В Камеруне им удалось в конце 1964 г. расколоть Союз народов Камеруна, поддержав контрреволюционную раскольническую группу Афина Осеиди, имевшую базу в Гане. В сентябре 1964 г. Революционный комитет СНК заявил в Аккре, что Китай вмешивается во внутренние дела движения, поддерживая «оппортунистические элементы», которые выступают против руководства. Маоисты предоставляли камерунским экстремистам денежные средства, обучали их в Китае тактике партизанской войны. Правительство Камеруна знало об этом. В июле 1963 г. президент Ахиджо заявил, что Китай поддерживает антиправительственные группировки в стране. «Мы имеем доказательства, — сказал он, — что камерунские террористы находятся в коммунистическом Китае. До тех пор пока это положение будет сохраняться, мы будем голосовать против приема коммунистического Китая в ООН»¹⁶.

Типичным примером тактики Пекина в «горячих точках» Африки в этот период может служить китайское вмешательство в дела Конго (Заира).

¹⁴ Цит. по «Thought» (Delhi), 17.IV.1971, p. 7—8.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ A. Ogunsanwo. China's Policy in Africa. 1958—1971. Cambridge, 1974, p. 173.

Когда в Конго вспыхнуло вооруженное восстание, китайские руководители предприняли энергичные усилия, чтобы подчинить его своему контролю. Китайское посольство в Бужумбуру (Бурунди) развернуло бурную деятельность с целью оказать нажим на находившийся в этой стране Комитет национального освобождения Конго — организацию левого крыла конголезских эмигрантов. Этот комитет, связанный с лидером повстанцев в Киву М. Марандура, в значительной степени финансировался из китайских источников. Зная это, конголезские власти в Киву в передачах по радио призывали население «взять оружие против коммунистического Китая»¹⁷. В то же время КНР признала правительство Гизенги в Стэнливиле и установила с ним дипотношения. Но КНР не откликнулась на просьбу правительства Гизенги о предоставлении оружия, ограничившись лишь пропагандистской поддержкой¹⁸.

Деятельность пекинских руководителей осложнила отношения Конго (Киншаса) с Конго (Браззавиль) и Бурунди, на территории которого действовала агентура КНР, связанная с ультралевыми элементами в Конго (Киншаса). Намерение пекинского руководства подчинить своему контролю восстание в Конго стало известно после того, как культурный атташе посольства КНР, прибыв в США, попросил политическое убежище и раскрыл тайные замыслы Пекина¹⁹. Его заявление было опубликовано комиссией по вопросам безопасности при американском сенате 31 октября 1964 г.²⁰

В начале 60-х годов маоистам удалось создать в Африке целую сеть прокитайских организаций и групп, на которые они впоследствии стали опираться и которые использовали для внесения раскола в освободительные движения и ведения промаоистской и антисоветской пропаганды. В качестве главного условия для оказания помощи тем или иным партиям или организациям Пекин выдвигал требование отказа от сотрудничества с СССР. Такие организации, как УНИТА в Анголе, КОРЕМО и МАНУ в Мозамбике и ряд других, приняв условия маоистов, начали борьбу против подлинно патриотических революционных организаций и занялись безудержным восхвалением «идей Мао Цзэдуна».

Ведя широкое дипломатическое наступление в Африке с конца 50-х годов, Пекин главное внимание уделял странам социалистической ориентации, которым он стремился навязать свое руководство и которые он пытался отдалить от СССР и других стран социалистического содружества.

Особенно активный китайский дипломатический нажим на Африку отмечался в 1963—1965 гг. В этот период с целью улучшить отношения с африканскими странами Пекин увеличил число направляемых в Африку китайских делегаций и число приглашений африканским делегациям посетить КНР. Число африканских делегаций, посетивших Китай в 1963 г., составило 113 по сравнению с 34 в 1962 г.²¹ В 1964 г. КНР посетили 104 африканские политические, экономические и военные делегации, в том числе малийская делегация во главе с тогдашним президентом Модибой Кейта и конголезская делегация во главе с тог-

¹⁷ «New York Times», 6—7.VI.1964.

¹⁸ «Ассияя аттаулийя», Каир, январь 1972, № 27 (на арабск. яз.); J. Cooley. East Wind over Africa. London, 1962, p. 103.

¹⁹ «Le Mois en Afrique», Dakar—Paris, 1966, № 4, p. 49.

²⁰ L. Suzanne. Les colonialistes chinois en Afrique. Paris, s. d., p. 16.

²¹ A. Ogunsonwo, op. cit., p. 121.

дашним президентом Массамба-Деба. Оба они подписали договоры о дружбе с КНР²². По возвращении из Пекина, где он получил китайский беспроцентный заем в 7 млн. фунтов стерлингов, Массамба-Деба заявил, что его «принимали как короля»²³.

Однако в период с 1965 по 1969 г. наблюдался спад активности китайской дипломатии и ослабление влияния КНР в Африке. Это было связано с несколькими факторами. Во-первых, происходившая в Китае в эти годы «культурная революция» требовала от пекинского руководства максимальной концентрации сил и средств внутри страны, в связи с чем оно снизило свою внешнеполитическую активность в странах «третьего мира». Во-вторых, эксцессы «культурной революции» отнюдь не способствовали росту в странах Африки популярности маоизма, китайского руководства и китайского опыта строительства социализма. В-третьих, отношения КНР с рядом африканских государств осложнились вследствие того, что, поддерживая с этими государствами дипотношения, Пекин в то же время оказывал помощь оппозиционным движениям и организациям, что особенно проявилось начиная с 1964 г.

«Заявление Чжоу Энь-лая в Дар-эс-Саламе в июне 1965 г., что Африка созрела для революции, стоило китайцам дорого... Революция против кого? Этот вопрос задавала элита, которую вряд ли радовала перспектива быть свергнутой²⁴, — писал нигерийский исследователь А. Огансэнво.

Кроме того, вторая половина 60-х годов характеризовалась обострением советско-китайских отношений. КНР стремилась в этой связи привлечь на свою сторону африканские страны, придать их политике антисоветский характер. Но эти попытки Пекина потерпели провал, так как африканские лидеры не хотели ухудшения отношений с СССР, а также возобновления холодной войны и всякого рода международных трений. Позицию дружественных Китаю африканских стран хорошо выразил президент Танзании Ньерере, который заявил: «Мы никогда не позволим нашим друзьям выбирать для нас врагов»²⁵.

Самым же важным фактором, обусловившим дипломатическое поражение КНР в Африке во второй половине 60-х годов, была китайская «культурная революция». В период с 1965 по 1970 г. КНР смогла установить дипотношения лишь с двумя государствами Африки — Мавританией и ЦАР, в то время как пять африканских государств разорвали с ней дипломатические отношения. Таким образом, к началу 70-х годов в Африке насчитывалось 13 государств, имевших дипотношения с КНР²⁶.

Ослабление китайского влияния в Тропической Африке началось в 1965 г. с изгнания посла КНР из Бурунди и закрытия там китайского посольства. Как известно, КНР старалась извлечь выгоду из племенной розни в Бурунди и Руанде и вмешивалась во внутренние дела этих государств. После убийства премьер-министра Бурунди Нгегдандумбе в январе 1965 г. были обнаружены склады оружия и документы, подтверждавшие прямое участие китайцев к подготовке государственного переворота. В результате правительство Бурунди разорвало дипотношения с КНР²⁷.

²² Ibid., p. 122.

²³ A. Hutchison, op. cit., p. 94, 102.

²⁴ A. Ogunsanwo, op. cit., p. 164.

²⁵ «France eurafrica», Paris, Juillet—Aout 1969, № 208, p. 24.

²⁶ «Ассияса аттаулийя», январь 1972, № 27.

²⁷ L. Suzanne. Les colonialistes chinois en Afrique, p. 16.

В 1968 г. число стран, выступавших за прием КНР в ООН, равнялось 44. Это самая низкая цифра после 1963 г. По выражению журнала «Этюд», «эксцессы» хунвэйбинов испугали Африку. Инциденты вспыхивали всюду (Марокко, Тунис, Замбия, Нигерия и т. д.). Китай обвиняют в «фанатизме» и «расизме». Его влияние в «третьем мире» подорвано²⁸.

В конце 60-х — начале 70-х годов в политике Китая в отношении стран «третьего мира» произошли значительные изменения. Маоисты не могли не учитывать огромных сдвигов, которые произошли в международных отношениях. Необходимость перемен в проведении внешнеполитического курса была обусловлена и внутренними потребностями — «наступлением в стране относительной стабилизации, стремлением китайского руководства «выиграть время» для упрочения своей военно-бюрократической диктатуры и создания мощного военного и промышленного комплекса»²⁹.

Поворот в политике Пекина выразился в том, что КНР начала борьбу за утверждение своего лидерства на международной арене.

После окончания «культурной революции» начался новый этап во взаимоотношениях КНР со странами Африки. Главной целью этого этапа китайские руководители считали ослабление позиций и влияния Советского Союза в африканских странах, отрыв национально-освободительного движения от социалистического содружества, что в свою очередь должно было проложить им дорогу к захвату гегемонии над африканским и мировым революционным движением.

Если в 60-е годы в политике и пропаганде маоистов в Африке антисоветизм сопровождался еще антиимпериалистическими лозунгами, то в 70-е годы, и особенно после IX съезда КПК, острота пекинской политики было направлено в основном против Советского Союза.

Антисоветизм стал ведущей темой китайской пропаганды в Африке, оттеснив на второй план традиционные для маоистской пропаганды словесные нападки на американский империализм. В то же время изменились ее характер и тон. Вместо теоретических вопросов стратегии и тактики мирового революционного движения в ней стали преобладать грубые нападки на все аспекты внешней и внутренней политики Советского Союза. В этот период маоисты выдвинули концепции «двух сверхдержав», «промежуточных зон» и «трех миров», служащие им для сколачивания широкого международного фронта борьбы против Советского Союза и для сближения с силами империализма и реакции.

Внешняя политика КНР в 70-е годы становится все более проимпериалистической, и прежде всего проамериканской. «Если внимательно проследить за внешней политикой Китая, то нетрудно установить следующую закономерность, — писал журнал «Жён Африк», — ...Мао силится наладить тесное сотрудничество с такими режимами, чей антикоммунизм, а следовательно, антисоветизм, не вызывает у Пекина никаких сомнений».

Одной из основных арен антисоветской деятельности были для китайских руководителей международные организации, их конгрессы, конференции и т. п. Везде, где они принимали участие, китайские представители резко выступали против Советского Союза, клеветнически обвиняли его в «предательстве» интересов афро-азиатских народов, в попытках установить свою гегемонию, «создать великую колониальную империю» и т. д.

²⁸ «Etudes», Paris, 1971, avril, p. 517—518.

²⁹ В. Рыбаков. Что скрывается за «мирной стратегией» Пекина. — Опасный курс. О политике и тактических маневрах маоистов. Вып. IV. М., 1973, стр. 199—200.

В первой половине 70-х годов Китай активизировал свои отношения с африканскими странами. Пекин посетили главы государств и правительств многих африканских государств. В Китай приглашались также министры, военные руководители, а также те, кто могли в будущем занять высокие посты, особенно лица, считавшиеся «друзьями Китая».

Только с января по сентябрь 1972 г. Китай посетили более 500 делегаций из более 90 стран. К сентябрю 1972 г. Китай имел торговые отношения с более чем 130 странами. В 1972 г. были подписаны торговые соглашения почти с 30 странами³⁰.

В этот период дипломатическая активность КНР в Африке характеризуется новой, более гибкой тактикой. Она состояла в том, что главную роль в политике маонистов стали играть официальные контакты, а не контакты с оппозиционными группировками, приведшие к ослаблению китайского влияния в Африке. Число африканских государств, имевших дипломатические отношения с КНР в 1971 г., достигло своего максимума, то есть 21, тогда как число государств Африки, поддерживавших отношения с Тайванем, сократилось до 15.

Одной из задач китайской дипломатии в тот период было стремление приобрести как можно большее количество голосов африканских государств, составляющих около трети членов ООН, для восстановления прав КНР в ООН.

В 1971 г. была принята резолюция о приеме КНР в ООН и об исключении Тайваня. За резолюцию голосовали 76 государств, в том числе 26 африканских. Против голосовали 25 государств, 15 из которых представляли Африку. Воздержалось от голосования одно африканское государство — Маврикий.

Характерной чертой политики КНР с начала 70-х годов стала опора на официальную дипломатию, а не на ультрареволюционную пропаганду и поддержку оппозиционных антиправительственных групп. В ряде случаев африканские правительства выдвигали в качестве условия для нормализации отношений отказ Пекина от поддержки оппозиционных групп внутри и вне страны. Так, в соглашение об установлении дипотношений КНР и Эфиопии (ноябрь 1970 г.) был вписан секретный пункт о том, что КНР прекратит поставку материалов Фронту освобождения Эритреи. В ноябре 1971 г. один из руководителей Фронта заявил, что «Пекин, «который раньше поддерживал нас как часть международной революции», теперь не делает этого из-за своей политики расширения международных связей»³¹.

К 1973 г. КНР уже не поддерживала ни одной оппозиционной группировки внутри какой-либо африканской страны, с которой она сохраняла нормальные отношения. Как пишет Хатчисон, «она готова была иметь дело с любым правительством де-факто, независимо от того, кто его возглавлял: солдат, император или революционер»³².

Наряду с использованием более гибких и мягких дипломатических методов Пекин для привлечения африканских стран на свою сторону в качестве потенциальных политических союзников активно использовал и экономическое сотрудничество.

Экономическая помощь, предоставляемая правительством КНР африканским государствам, противопоставляется советской помощи и рассматривается им прежде всего как средство дискредитации Советского Союза.

³⁰ «Peking Review», 27.X.1972, № 43, p. 14.

³¹ A. Hutchison, *op cit.*, p. 166.

³² *Ibid.*, p. 167.

Важное место в арсенале методов, используемых КНР в Африке, отводится пропаганде. Пекин наводняет африканские страны своей пропагандистской литературой, сбывая ее по ценам намного ниже себестоимости. В ее распространении принимают активное участие китайские посольства. О подобной деятельности китайского посольства в Кении рассказал в августе 1969 г. вице-президент и министр внутренних дел этой страны Д. А. Мой. Посольство КНР в Браззавиле несколько лет назад спровоцировало в ячейках и федерациях партдискуссию, главной темой которой был вопрос о помощи Советского Союза борющемуся народу Вьетнама. Китайцы навязывали взгляд, что СССР «сговорится» с США за счет Вьетнама, так как «белый» СССР не хочет помогать «цветным народам».

Особенно активизировалась пропагандистская антисоветская деятельность китайских посольств в последние годы. Йоганнесбургская газета «Санди таймс» писала в апреле 1976 г.: «Явно раздраженные дипломатическими и стратегическими успехами русских в Африке, китайцы засыпают правительства, посольства, верховные комиссариаты и органы информации африканских стран злобной антисоветской пропагандой... Один обозреватель в Найроби сказал об этом так: «Это похоже на преднамеренную попытку ЦРУ дискредитировать Россию в Африке». Однако в разведывательных кругах говорят, что составляет и выпускает эти пропагандистские материалы, несомненно, китайское посольство в Дар-эс-Саламе»³³.

Радио Пекина регулярно ведет на Африку радиопередачи на многих африканских языках. Для антисоветской пропаганды используются различные китайские выставки, гастроли артистов и т. д.

С помощью маоистской пропаганды китайцам удавалось в ряде случаев вносить раскол в национально-освободительное движение, привлекать на свою сторону не только рядовых членов, но и руководителей политических, профсоюзных, молодежных и женских организаций. Особенно подвержена маоистской пропаганде политически незрелая и падкая на ультралевые лозунги часть учащейся молодежи. По свидетельству очевидцев, в конце 60-х годов в ряде африканских стран (например, в Гвинее) среди молодежи происходили ожесточенные дискуссии между сторонниками Советского Союза и научного социализма и приверженцами КНР и маоизма.

Несмотря на изменение тактики и больший упор на развитие официальных политических и экономических контактов, внешняя политика КНР в Африке в 70-е годы сохраняет свой великодержавный националистический характер. Главное ее отличие от китайской внешней политики 60-х годов состоит в полной утрате какого-либо антиимпериалистического характера, в сближении и блокировании с силами империализма и международной реакции для совместной борьбы против СССР и других стран социалистического содружества. Маоисты стали играть активную роль в Африке в качестве составного и динамичного элемента того союза международной реакции, который строит козни против независимой Анголы, Бенина (попытка свергнуть законное правительство Кереку), Нигерии (попытка отделить Восточную провинцию в качестве независимой «республики Биафры»), спешит на помощь Мобуту, чтобы подавить народное восстание в Шабе, пытается использовать в своих интересах сепаратистское движение в Эритрее и агрессию Сомали против Эфиопии.

Особенно ярко реакционный антинародный характер политики мао-

³³ «Sundy Times», 4.IV.1976.

истов проявился во время империалистической агрессии против Народной Республики Анголы в конце 1975 — начале 1976 г. Против народа Анголы объединились тогда в позорном союзе империализм, расистский режим ЮАР и маоизм.

Поражение империалистов, расистов и маоистов в Анголе нанесло сильный удар по престижу Пекина в Африке.

В период ангольских событий и после их окончания маоисты использовали трибуну ООН для раздувания антисоветизма и торпедирования разрядки. Позиция маоистов в ООН по ангольской проблеме, по существу, сомкнулась с позицией империалистических держав. Решительно осуждая эту позицию, кубинская газета «Гранма» писала 5 апреля 1976 г. в передовой статье «Самая позорная страница маоизма»: «Представитель маоистов первым начал в Совете Безопасности ООН оправдывать и защищать империалистов и расистов, прибегая к избитым положениям антисоветской и антикубинской клеветы... Представитель маоистского режима сохранил абсолютное молчание по поводу угроз южноафриканского режима в адрес независимых стран Африки. Однако он до хрипоты кричал о вымышленных «гегемонистских» устремлениях Советского Союза. При этом он, как заявил представитель Кубы при ООН Р. Аларкон, полностью встал на позиции империалистов, которые заинтересованы в сохранении расистских режимов на Юге Африки в качестве форпостов для обеспечения наступления неокolonизма»³⁴.

После того, как возник эфиопо-сомалийский вооруженный конфликт и Сомали в июле 1977 г. начала агрессию в Эфиопии, стремясь военным путем отторгнуть провинцию Огаден, КНР немедленно встала на сторону агрессора. Эта позиция КНР была обусловлена внешнеполитической ориентацией Сомали на империалистические и реакционные арабские режимы, стремлением противодействовать СССР, поддержавшему жертву агрессии, а также тем, что КНР, как и Сомали, имеет территориальные претензии к своим соседям. Исходя из этого, Пекин еще в конце мая 1977 г. предложил Сомали танки и другую военную технику, а в конце июля, когда разгорелись бои в Огадене, повторил свои предложения. В конце 1977 — начале 1978 г. сомалийская армия оснащалась китайским оружием. Как сообщала в январе 1978 г. кенийская газета «Найроби таймс», в аэропорту Могадишо время от времени разгружаются пакистанские самолеты с военным снаряжением из Китая³⁵.

Еще в июне 1977 г. в Китай ездил сомалийская делегация во главе с вице-президентом. В сентябре того же года по приглашению Сомалийского общества дружбы с народами Африки и Азии в Сомали побывала китайская делегация во главе с членом Китайского народного общества дружбы с заграницей Ван Бин-нанем. Во время этого визита Ван Бин-нань неоднократно заявлял, что КНР поддерживает Сомали в конфликте с Эфиопией, и не упускал случая осудить «вмешательство сверхдержав». В сообщениях сомалийской печати подчеркивалось, что переговоры проходили в «обстановке взаимопонимания» и что визит «завершился успехом».

Касаясь позиции, занятой КНР в эфиопо-сомалийском конфликте, кувейтская газета «Ас-Сняса» писала со ссылкой на дипломатические источники: «Китай перешел от этапа наблюдения за событиями, происходящими на берегах Красного моря, к этапу непосредственного ознакомления с мнением некоторых сторон. Китай имел прямые политиче-

³⁴ «Гранма», 5.IV.1976.

³⁵ «И Правда», 6.I.1978.

ские контакты с Ираном, Сомали и НДРЙ, заявив при этом следующее: «Красное море имеет огромное значение для КНР. Китай выступает против превращения Красного моря в район, подвергающийся влиянию США или СССР». Безопасность Красного моря, как и безопасность Персидского залива, имеет для КНР особое значение, как нефтяные районы и как основные пути китайской торговли»³⁶.

Вскоре после разрыва сомалийским правительством договора о дружбе с СССР министр иностранных дел КНР Хуан Хуа принял посла Сомали в Пекине 15 ноября 1977 г. Хуан Хуа с похвалой отозвался о решении правительства Сомали³⁷. Газета «Жэньминь жибао» писала 16 ноября, что это решение было «справедливой акцией». «Китайский народ, — отмечала газета, — решительно поддерживает эту справедливую акцию правительства Сомали»³⁸. Вслед за этим китайская пресса развернула шумную кампанию, призывая африканские народы к «решительной борьбе» против «социал-империализма».

В ООН китайские представители ведут клеветническую кампанию, обвиняя СССР в «колониализме», «порабощении малых и средних стран» и т. п. Эти клеветнические измышления имеют своей целью отвлечь внимание мировой общественности от справедливой борьбы народов против империализма, колониализма и расизма и от той поддержки, которую оказывают этой борьбе страны социалистического содружества. На XXXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в конце 1977 г. китайские представители сосредоточили все свои усилия на том, чтобы сорвать позитивные инициативы Советского Союза и других социалистических стран, продемонстрировав полную общность позиций с силами империализма и реакции. В то же время у представителей КНР не нашлось слов для осуждения расистских колониальных режимов на Юге Африки. Китайские представители не приняли участия в голосовании за резолюции, осуждающие расизм и апартеид.

Сотрудничество КНР с африканскими странами имеет совершенно иной характер, чем сотрудничество с ними стран социалистического содружества. Как отмечает М. В. Фомичева и А. С. Красильников, «характерно, что если сотрудничество независимых стран Африки со странами социалистического содружества совпадает с интересами освободившихся государств, ибо сдерживает наступление неоколониализма на Африку, способствует стабилизации обстановки, сплочению прогрессивных сил, то политика китайского руководства, напротив, противоречит интересам развивающихся стран. Линия маоистов на нагнетание напряженности в Африке ослабляет прогрессивные режимы, переключает их внимание с социально-экономических проблем на военные, все больше совпадает и взаимодействует с происками и целями империализма, приводит к частичным поражениям революционных сил, к отливу революции и усилению прозападной ориентации в этих странах»³⁹.

Политика КНР в Тропической Африке в 60—70-е годы нанесла серьезный ущерб африканским народам.

Проимпериалистическая, националистическая и антисоветская политика маоистов в Африке не может не вызывать законного осуждения всей прогрессивной мировой общественности.

³⁶ «Ас-Сияса», 19.X.1977.

³⁷ «Peking Review», 1977, № 48, p. 23.

³⁸ Ibid.

³⁹ М. В. Фомичева, А. С. Красильников. Указ. соч., стр. 191.

Внешнеэкономические связи Японии

Ю. С. Столяров,

кандидат экономических наук

На XXIV съезде КПСС было констатировано, что наряду с США и странами Западной Европы (прежде всего ЕЭС) Япония ныне превратилась в самостоятельный центр империалистического соперничества. В этой оценке нашли свое обобщающее выражение особенности экономического, политического и социального развития Японии в послевоенный период, в том числе ее внешнеэкономических связей. Как известно, именно в области этих связей реализуется усиление экономического потенциала той или иной страны в мировом капиталистическом хозяйстве.

Развитие и усложнение внешнеэкономических связей Японии происходят в условиях резкого обострения конкуренции с другими странами капитализма. Последним примером такого рода явилось новое внешнеэкономическое наступление Японии в 1976—1977 гг., которое приобрело вызывающий для других капиталистических государств характер. На последних встречах глав правительств стран — членов ЕЭС, сессии МВФ в Маниле, на других многосторонних и двусторонних экономических совещаниях Япония подвергалась постоянной критике и давлению со стороны США, ЕЭС и других партнеров относительно темпов расширения ее экспорта, торгового режима, курса иены и т. д. Произошло резкое обострение экономических противоречий Японии с другими капиталистическими странами, фактически возникла «торговая война» с ЕЭС, то есть обострился весь комплекс внешнеэкономических проблем Японии. Какова же роль этих проблем в экономическом развитии страны, где их истоки?

Возрастание значения внешнеэкономических связей

Экономическое развитие Японии после второй мировой войны происходит при тесной взаимосвязи внутри- и внешнеэкономических факторов роста, действие которых имеет как специфические, так и общие черты с другими высокоразвитыми капиталистическими государствами. При этом внутриэкономические факторы были и остаются решающими для развития японского капитализма в целом, его позиций в конкурентной борьбе с другими центрами империалистического соперничества.

В различные периоды после второй мировой войны соотношение между двумя группами факторов в смысле их воздействия на экономическое развитие страны изменялось. В частности, с начала 70-х годов появились известные основания говорить об относительном возрастании значения внешних факторов для экономического развития Японии. Прежде всего к этому времени четко обозначилась тенденция более

быстрого развития внешнеэкономической сферы по сравнению с внутренним производством в стране. Так, если с 1950 по 1976 г. промышленное производство в Японии возросло почти в 20 раз, а ВВП — в 17,5 раза, то за тот же период оборот внешней торговли увеличился в 73,6, золотовалютные резервы — в 29,4 раза и многократно возросли ее заграничные инвестиции.

Этот процесс определяется активным выходом производительных сил японского капитализма за пределы национального хозяйства в связи с потребностями углубления международного разделения труда в условиях НТР, интернационализации хозяйственной жизни капитализма, которая проявляется прежде всего во внешней торговле, заграничном инвестировании и валютно-финансовой сфере. Для Японии этот процесс был ускорен особенностями ее участия в международном разделении труда, ростом зависимости от внешних рынков.

Во внешней торговле обращает на себя внимание увеличение ее доли в формировании ВВП страны, а именно: экспорта с 9,0% в 1965 г. до 12,0% в 1976 г., импорта — с 9,0% до 11,6%. Экспортная квота для материальных отраслей производства в 1977 г. поднялась примерно до 23%.

Несмотря на меньшую по сравнению с западноевропейскими странами долю экспорта и импорта в ВВП, фактическая зависимость Японии от внешних рынков, и особенно отдельных и важных отраслей ее промышленности, значительно выше и имеет тенденцию к дальнейшему росту. Это прежде всего относится к судо- и автомобилестроению, производству химических удобрений, стали и стальных труб, синтетических волокон, фото- и киноаппаратуры, которые поставляют на экспорт соответственно 65%, 30—35, 35—40, 35, 50, 80% общего объема своей продукции. Если принять во внимание, что указанные отрасли являются одними из ключевых в экономике страны, то станет очевидным, что ни ее дальнейшее развитие в целом, ни развитие указанных отраслей в частности не возможны без расширения экспорта — неотъемлемого и важного фактора экономического роста Японии.

Не менее важен для нее и импорт, который не просто восполняет дефицит тех или иных товаров, а играет, по существу, роль поставщика средств труда и энергосырья для экономики, если принять во внимание, что импорт примерно на 80% удовлетворяет потребности страны в топливно-сырьевых товарах. Прекращение или серьезные затруднения в поставках в страну практически любого из важнейших видов сырья могут ввергнуть экономику Японии в крайне трудное положение.

Исключительная зависимость японской экономики от конъюнктуры на внешних рынках закрепляется и усиливается тем обстоятельством, что по целому ряду товаров экспорта и импорта Япония заняла на мировых рынках преобладающие позиции. Так, в середине 70-х годов на ее долю приходилось около 40% мирового экспорта радио- и телеаппаратуры и магнитофонов, более 30% экспорта судов, 27% стальных труб и проката, 13—14% мирового экспорта железнодорожного транспортного оборудования, около 20% тканей, 20% автомобилей и т. д.¹ Подобные позиции Япония занимает и по импорту ряда товаров, прежде всего топливно-сырьевой номенклатуры. Так, на Японию в 1975 г. приходилось 15,6% мирового импорта нефти, 28,7 — угля, 21,0 — олова, 38,7 — железной руды, 33,1 — леса, 21,4% — шерсти и т. д.²

¹ По данным «U. N. Yearbook of International Trade Statistics, 1975». N. Y., 1976.

² «Цусё хакусё, 1976». Токио, 1977, стр. 350.

Возрастание роли внешней торговли, приводящее в конечном итоге к экономии общественного труда и ускорению темпов НТР, имеет для Японии и отрицательные аспекты, связанные с усилением воздействия на страну экономических неурядиц капиталистического мира, ее уязвимостью от действий других стран и их конъюнктуры. Поскольку к 1985 г. в Японии прогнозируется увеличение доли экспорта в ВНП до 13,6%, а импорта — до 13,5%³, то это еще более усилит воздействие состояния мирового капиталистического хозяйства на экономику страны через каналы ее внешней торговли.

С конца 60-х годов происходит резкое возрастание роли и такого элемента внешнеэкономических связей Японии, как заграничное инвестирование, превратившееся в важнейший инструмент экономической экспансии японских монополий. В условиях обострения внутри- и внешнеэкономических проблем Японии оно превратилось в неотъемлемую часть экономической стратегии японских монополий, достигнув в середине 70-х годов 3—4% от валовых инвестиций в стране, а по абсолютным размерам — более 3,0 млрд. долл. в год.

К этому времени многие сотни японских компаний вышли со своей производственной деятельностью в другие страны, устремляясь к их сырьевым и трудовым ресурсам, налаживая отношения кооперации и специализации производства с зарубежными партнерами. Сформировались японские международные компании с глобальными экономическими интересами, целый ряд компаний находится на пути превращения в международные. О масштабах зарубежной деятельности отдельных японских монополий в сфере капиталовложений, говорят, в частности, такие данные: заграничные инвестиции «Мицуи буссан» в апреле 1975 г. превысили 620 млн. долл., «Мицубиси сёдзи» — 470 млн. долл., «Мацусита дэнки» — 117 млн. долл.⁴, а японского капитала в целом (апрель 1977) — более 19,4 млрд. долл. Своеобразие структуры заграничных инвестиций Японии в целом и отдельных компаний, особенности форм и методов их зарубежной деятельности позволили ряду известных японских экономистов говорить о формировании «японского типа заграничных инвестиций»⁵.

Еще бóльшую роль в экономической стратегии японских монополий будут играть заграничные инвестиции в предстоящий период. Их объем к 1985 г. прогнозируется на уровне 80—100 млрд. долл.⁶. На основе этих инвестиций дальнейшее развитие получит обнаружившаяся с начала 70-х годов тенденция выхода на внешние рынки не только отдельных компаний, а целых отраслей японской экономики, которая была подхлестнута топливно-сырьевым кризисом капитализма. Это относится прежде всего к отраслям, потребляющим много энергии, сырья и трудовых ресурсов, а также загрязняющим окружающую среду. В связи с этим крупнейшими японскими монополиями разработаны амбициозные планы наращивания зарубежного производства в этих отраслях на основе резкого увеличения экспорта капитала.

Существенное усиление в послевоенный период претерпели валютные позиции Японии, что сняло барьеры для экономического роста страны в виде регулярных дефицитов платежного баланса, в которые на протя-

³ Х. Кана мори. Нихон кэйдзай-но сёрай. Токио, 1975, стр. 214, 216.

⁴ «Тоё кэйдзай», 20.III.1976, стр. 33.

⁵ См. К. Кодзима. Сэкай кэйдзай синтэудзё-то нихон. Токио, 1976, стр. 188—192; Е. Мнядзакки. Гэндай-но нихон кигё-о кангаэру. Токио, 1973, стр. 103—111.

⁶ См. Х. Кана мори. Нихон кэйдзай-но сёрай, стр. 230; И. В. Казаков. Прогнозы развития торгово-экономических связей Японии до 1985 г. — БИКИ, 26.II.1976.

женни 50-х и начала 60-х годов «упиралась» ее экономика. Вместе с тем либерализация валютной сферы, начавшаяся с 1960 г. введением частичной обратимости иены, привела к усилению воздействия кризисного состояния валютно-финансовой системы капитализма на валютно-финансовые позиции Японии, а через них — на экономику страны.

Особенно ярко это проявилось со времени принятия Соединенными Штатами в августе 1971 г. мер к защите доллара, буквально свергнувших экономику Японии в состояние «шока». Не успев оправиться от этого «шока», Япония в декабре 1971 г. испытала новый удар вследствие девальвации доллара, сократившей одним актом на 7,4% стоимость долларовых счетов страны. Тогда же Япония была вынуждена на 16,88% ревальвировать стоимость своей денежной единицы — иены, что, несомненно, в той или иной степени снизило конкурентоспособность ее экспортной продукции. В феврале 1973 г., получив очередной удар в результате 10-процентной девальвации доллара, Япония под нажимом США провела новую ревальвацию иены на 16,5%, и с этого времени стало очевидным, что валютное соотношение «доллар — иена» стало одним из важнейших в капиталистической системе после валютной связки «доллар — марка ФРГ» и «доллар — фунт стерлингов».

Несмотря на ряд неудачных усилий, предпринимавшихся в целях укрепления международного статуса иены в первой половине 70-х годов, Япония по-прежнему не отказывается от достижения этой цели⁷. Об этом говорится в так называемом «Новом плане экономического развития Японии на 1976—1980 гг.», в котором выделен специальный раздел «5 интернационализации иены». Под таковой подразумевается расширение использования иены в международных расчетах страны, в зарубежном финансировании, использование иены третьими странами и включение ее в их золотовалютные резервы⁸.

Давая обобщающую оценку позиций Японии в мировом капиталистическом хозяйстве, необходимо отметить, что в середине 70-х годов (1976) на нее приходилось 9,6% промышленного производства капиталистического мира, 7,7% экспорта и 7,2% импорта, 6,9% ликвидных ресурсов, до 15% мирового импорта сырья, 7,6% (1975) общего объема прямых заграничных инвестиций стран — членов ОЭСР. По этим показателям Япония занимает 2—4-е место в мире. Следствием этого является, с одной стороны, немалое влияние, оказываемое Японией на экономику современного мирового капитализма, а с другой — возросшее влияние мирового капиталистического хозяйства на ее экономику. Так, чрезвычайные мероприятия США по защите доллара, предпринятые 15 августа 1971 г., отразились на и без того неблагоприятной экономической ситуации в самой Японии столь сильно, что это вызвало буквально панику среди японских бизнесменов, многие из которых немедленно стали свертывать производственную и инвестиционную деятельность. В частности, в результате этого спад деловой активности 1970—1971 гг. оказался самым продолжительным и глубоким за всю предшествовавшую историю Японии после войны.

Топливо-сырьевой кризис, разразившийся в конце 1973 г., явился настоящим бедствием для Японии и настолько сильно отразился на развитии ее экономики, что превратил циклический кризис 1974—1975 гг. в кризис структурного порядка. Его острота была намного больше, чем в 1970—1971 гг., что выразилось в падении промышленного производства на 3,1% в 1974 г. и на 10,6% в 1975 г. Уязвимой оказалась и внеш-

⁷ См. Япония в системе мировых хозяйственных связей. М., 1977, гл. V.

⁸ См. «Экономисутто», 3.VIII.1976, стр. 75—79.

няя торговля, объем которой впервые после второй мировой войны показал сокращение на 3,4% в 1975 г. Указанный кризис вызвал небывалые последствия долговременного порядка, приведя экономику страны к необходимости перестройки ее промышленной и внешнеэкономической структуры.

Картину возросшей неустойчивости положения Японии в мировом капиталистическом хозяйстве дополняют участвовавшие, хотя и менее чувствительные для ее экономики острые конфликты с другими странами во внешней торговле («текстильная война» и «соевый» конфликт с США в 1971—1973 гг., «автомобильная война» с ЕЭС в 1976 г., «текстильный» конфликт с Южной Кореей в 1974—1976 гг. и т. д.), в валютно-финансовой сфере (долларовый «шок» и ревальвация иены в 1971 и 1973 гг., борьба с «импортируемой инфляцией» в 1972—1974 гг., обострение проблем, связанных с курсом иены и состоянием платежного баланса Японии в 1977 г.), в области заграничного инвестирования (вспышка антияпонских настроений в ЮВА в 1974 г., вызванная внедрением японского капитала, случаи национализации японской собственности) и т. д.

Таким образом, на экономическое развитие Японии усилилось воздействие ее внешнеэкономических связей. Добившись статуса второй по экономической мощи державы современного капитализма, Япония вместе с тем весьма далека от обеспечения стабильности своих позиций в мировом капиталистическом хозяйстве, что обуславливается не только сдвигами в ее внутриэкономическом развитии и кризисом механизма экономических отношений капиталистического мира, но и некоторыми особенностями участия страны в международном разделении труда.

Япония в международном разделении труда

Характер участия Японии в международном разделении труда определяется такой отличительной чертой японской экономики, как отсутствие у нее сколько-нибудь значительных сырьевых ресурсов, в связи с чем она вынуждена во все возрастающих количествах ввозить сырье, оплачивая его поставки за счет увеличения экспорта готовой продукции. Особенностью страны является также небольшая доля в ее импорте продукции машиностроения.

Об этом говорят, например, такие данные. Только выручка от экспорта автомобилей в 1976 г. в размере 8,9 млрд. долл. позволила Японии оплатить общий импорт в том же году машин и оборудования, а также весь импорт сырья для металлургической промышленности.

Особенностью участия Японии в международном разделении труда является также довольно слабое развитие отношений специализации и особенно кооперации производства с другими странами, что резко отличает ее в этом отношении прежде всего от стран ЕЭС. На практике это означает, что, во-первых, Япония не может ограничивать потребление сырья в той мере, как это удается странам ЕЭС, которые значительно равномернее распределяют сырье среди многих отраслей промышленности в нескольких странах. Во-вторых, это означает, что в случае кризисного состояния какой-либо одной отрасли японской промышленности (например, судостроения), отрицательные последствия этого многократно проецируются на другие отрасли собственной промышленности, а не на зарубежных контрагентов.

Эти особенности участия Японии в международном разделении труда усиливаются спецификой ее промышленной структуры, в которой

большой удельный вес заняли материалоемкие и энергоемкие производства, имеющие очень большие экспортные квоты. Кроме того, для японской промышленности характерно производство почти полного ассортимента продукции, при котором переработка сырья осуществляется в самой Японии. Фактически это приводит к абсолютному, а в ряде случаев и к относительному росту потребления в стране импортируемых сырья и первичных источников энергии.

На протяжении 50-х и 60-х годов, когда сырьё по относительно низким ценам было сравнительно достаточно, а внутриэкономические трудности не оказывали губительного воздействия на повышающуюся международную конкурентоспособность японской экономики, последняя сумела резко усилить свои позиции в системе мировых хозяйственных связей.

Однако энергетический кризис фактически положил этому конец. Это было констатировано, в частности, в одной из «Белых книг по внешней торговле Японии»: «Быстро растущие цены на первичные товары, включая нефть, означают, что преимущества структуры японской торговли... постепенно и явно исчезли»⁹. В результате повышения цен на сырьё Япония была вынуждена в 1974—1976 гг. дополнительно заплатить за импорт нефти более 43,0 млрд. долл., а за весь сырьевой импорт — примерно 65 млрд. долл., что легло тяжелым бременем на японскую экономику. При сохранении нормы накопления в ней на прежнем уровне (примерно 30%) снижение средних темпов экономического роста страны с более 10% в 60-х годах до 5% в 1970—1975 гг. и до 6,5—7,0% (по прогнозным оценкам) в 1976—1980 гг. означает существенное снижение эффективности экономики в условиях ее современной структуры.

Сырьевая проблема приобрела для Японии такую остроту, что, по существу, превратилась в одну из главных национальных проблем вообще. Говоря об этом, премьер-министр Т. Фукуда был вынужден подчеркнуть на XXXII съезде правящей ЛДП «угрозу сырьевого голода для страны... В недалеком будущем, — продолжал Т. Фукуда, — Япония может столкнуться не только с острой нехваткой нефти, но и с сокращением ввоза в страну многих других сырьевых товаров»¹⁰. Президент Федерации экономических организаций (Кэйданрэн) Т. Доко также был вынужден признать: «Если наша главная цель заключается в том, чтобы гарантировать стабильное снабжение сырьем, мы должны платить за эту стабильность более высокими ценами и меньшей эффективностью экономики»¹¹.

Кроме того, эти высказывания отражают конкретное положение в области диверсификации поставок сырья в Японию, несмотря на высокую степень которой (она получает сырьё из более 90 стран мира), у ее правящих кругов имеются тем не менее основания для беспокойства. Как показывают соответствующие расчеты, происходит процесс сужения диверсификации сырьевых поставок Японии в целом и по таким важнейшим для нее отдельным товарам, как нефть, каменный уголь, железная руда и т. д. В связи с этим казавшееся ранее безусловным положение о максимальной диверсификации сырьевых поставок стало приобретать для Японии новое звучание.

Дело в том, что широкая диверсификация постепенно стала выявлять и ряд своих отрицательных аспектов. К ним относятся возросшая возможность более частых, хотя и не менее тяжелых ударов по сырьевым поставкам со стороны прежде всего развивающихся стран, для

⁹ «White Paper on International Trade, Japan, 1974». Tokyo, 1975, p. 49.

¹⁰ «Асахи», 28.XI.1976.

¹¹ «Far Eastern Economic Review», 24.XII.1976, p. 34.

многих из которых характерна политическая и экономическая неустойчивость, а также рост так называемого «сырьевого национализма». Большое количество источников сырья суживает для Японии в условиях обострения сырьевой проблемы возможности одновременного налаживания особо тесных отношений с поставщиками, распыляет ее усилия в соответствующей области и т. д. Вероятно, поэтому в рассматриваемой области у Японии происходит сужение диверсификации и четко определились основные страны (США, Австралия, Саудовская Аравия, Иран, Канада), без сырьевого импорта из которых японская экономика функционировать не может.

Следует отметить, что в Японии хорошо понимают недостатки промышленной структуры страны и характера участия в международном разделении труда. Поэтому, чтобы смягчить сырьевые проблемы развития экономики, ослабить воздействие на нее внешних факторов и эффективнее использовать участие в международном разделении труда, правительством принята долгосрочная программа (имеющая уже несколько редакций) перестройки структуры экономики страны и ее внешнеэкономических связей. Существование этой программы заключается в развитии материало- и энергосберегающей структуры экономики, переходе к развитию технологически интенсивных и наукоемких отраслей.

Соответствующие структурные сдвиги должна претерпеть и внешняя торговля. Предусматривается, в частности, что в экспорте удельный вес машин и оборудования повысится (в текущих ценах) с 50% в 1974 г. до 65% в 1985 г., химической продукции — соответственно с 7% до 12%. Однако понизится доля такой энерго- и трудоемкой продукции, как черные металлы (с 19% до 8%), текстильные товары (с 7% до 4%), а в импорте страны — нефти с 30% до 28%, железной руды и лома — с 9% до 6% и т. д.¹²

Кроме того, на основе наращивания экспорта капитала прежде всего в обрабатывающую промышленность других стран предусматривается ускоренное развитие отношений кооперации и специализации с другими странами. Япония намерена постепенно отойти от «японского типа» участия в международном разделении труда и перейти к более сбалансированному и эффективному типу. В этом процессе, который рассчитан на многие годы, кроются важные резервы развития японской экономики.

Экономические противоречия с другими центрами империалистического соперничества

Послевоенное развитие внешнеэкономических связей Японии характеризуется постоянными вспышками противоречий с другими капиталистическими странами или их группировками. Во внешней торговле эти противоречия возникают в первую очередь в связи с безудержной экспортной экспансией японских монополий; в области заграничного инвестирования — с наступлением японского капитала на местных предпринимателей и медленной и неполной «либерализацией» их деятельности на своем рынке; в валютно-финансовой области — вокруг проблемы состояния платежного баланса и курса японской пены и т. д. Следует отметить, что усиление внешнеэкономических позиций Японии вызывает во многих странах весьма острое недовольство и критику.

Высокий уровень международной конкурентоспособности японской экономики, и особенно ее отдельных отраслей, имеет своим результатом,

¹² Japan's Industrial Structure — A Long Range Vision. Tokyo, 1976, p. 5.

что японские монополии подавляют своих конкурентов и ценами, и качеством, и новизной своих товаров. Однако, лишь конкурентоспособностью нельзя объяснить всей остроты рассматриваемых противоречий, поскольку другие ведущие империалистические страны, в частности США и ФРГ, а по отдельным товарам — Франция, Англия, Канада и Италия, вряд ли уступают Японии, если не превосходят ее. Острота противоречий во многом определяется прежде всего характером промышленной структуры и особенностями участия Японии в международном разделении труда.

Ключевые отрасли японской экономики являются крупнейшими или одними из крупнейших в капиталистическом мире и обладают высокой или наивысшей конкурентоспособностью. Это прежде всего относится к черной металлургии, судостроению, автомобилестроению, производству бытовой электротехники. Поскольку эти отрасли, как отмечалось, имеют большие экспортные квоты, постольку особенности промышленной структуры Японии приобрели международное значение.

Указанные отрасли в условиях современной НТР рассматриваются как отрасли «второго» эшелона и средней технологии. В связи с этим экспорт Японии, в основном базирующийся на этих отраслях, в подавляющем большинстве случаев не восполняет дефициты тех или иных товаров в других странах, не способствует улучшению их промышленной структуры, ускорению НТР и созданию дополнительных рабочих мест. Как правило, Япония теснит своих конкурентов не в области экспорта самолетов, ЭВМ, станков с программным управлением, атомного энергетического оборудования, фармацевтической и прочей продукции «тонкой» химии, экспорта патентов и лицензий и т. д., то есть в области наукоемкой и технологически интенсивной продукции, импорт которой приветствуется во многих странах. Напротив, экспорт Японии оказывает разрушающее влияние на промышленную структуру этих стран, ведет к сокращению здесь количества рабочих мест, к росту экономических трудностей капиталистических партнеров Японии как в их странах, так и на внешних рынках.

Кроме того, многие ключевые товары японского экспорта рассчитаны на массового потребителя в капиталистических странах, обладают достаточно высокой эластичностью потребления и в связи с этим менее подвержены колебаниям экономической конъюнктуры. Эта продукция требует постоянного обновления в целях максимально быстрого приспособления к вкусам потребителей. Высокая мобильность и конкурентоспособность отраслей, производящих указанную продукцию в Японии, тщательное изучение зарубежных рынков и умелое ведение бизнеса позволяют японским монополиям достаточно успешно приспосабливаться к структуре мирового спроса.

Это видно на примере такой высокоразвитой отрасли промышленности Японии, как автомобилестроение. В 1976 г. страна, произведя 7,8 млн. автомобилей, занимала по этому показателю второе место в мире, а по экспорту — первое: всего было вывезено более 3,7 млн. автомобилей, в том числе в США 1,4 млн. и в Западную Европу 630 тыс.

Как известно, США, ФРГ, Англия, Италия и Франция обладают собственным развитым автомобилестроением, в котором заняты миллионы рабочих. Экспорт в эти страны огромного количества японских автомобилей (только в Англии японские монополии захватили в 1976 г. 9—10% рынка внутренних продаж¹³) ведет к потенциальному свертыванию

¹³ «Экономисуту», 7.XII.1976, стр. 11.

производства в данной отрасли в США и западноевропейских странах, которая так же, как и в Японии, является одной из стержневых в их промышленной структуре.

Экспорт японских автомобилей в эти страны ведет и к сокращению рабочих мест в данной отрасли, что в условиях высокой безработицы вызывает обострение социальных противоречий в США и западноевропейских странах. Если уровень производительности труда в автомобилестроении Японии приравнять к соответствующему уровню в западноевропейских странах (а на самом деле он выше), то, исходя из числа занятых в этой отрасли в Японии и количества производимых в ней автомобилей, можно подсчитать, что экспорт 630 тыс. японских автомобилей в западноевропейские страны лишил их в 1976 г. примерно 210 тыс. рабочих мест¹⁴. Не случайно поэтому именно экспорт японских автомобилей наталкивается с 1976 г. на особо сильное сопротивление в этих странах.

Экспорт японской текстильной продукции, стали и цветных телевизоров в США, стали в страны ЕЭС и т. д. также не просто восполняет нехватку данной продукции в этих странах, а ставит под угрозу само существование в них соответствующих отраслей, в результате чего и эта японская продукция подвергается импортным ограничениям. О роли японского экспорта свидетельствует также то, что в результате японского вывоза автомобилей и оптической продукции были серьезно подорваны и отодвинуты на второй план на мировых рынках соответствующие отрасли в ФРГ, не выдержавшие конкуренции японских монополий. В Италии подобным образом было свернуто производство магнитофонов, лишившееся в начале 70-х годов из-за наплыва японской продукции более двух тысяч рабочих мест.

Так, ключевые отрасли промышленности Японии, пользующиеся особым покровительством монополий и государства и обладающие высокой или наивысшей конкурентоспособностью в капиталистическом мире, выходят на мировые рынки и подавляют соответствующие отрасли в странах — импортерах японской продукции.

Как отмечалось, государственно-монополистический капитализм Японии намерен постепенно совершенствовать промышленную и внешнеторговую структуру. То же самое намерен сделать и государственно-монополистический капитализм в других ведущих капиталистических странах¹⁵. Это создает новую технико-экономическую базу для очередной волны противоречий с другими центрами империалистического соперничества. В ходе этой борьбы, как можно полагать, японские монополии, опираясь на ряд преимуществ, намерены двигаться быстрее, чем их конкуренты, и прочно занять второе место в капиталистическом мире не только по объему, но и по качеству структуры и технологии своего экономического, а также внешнеторгового потенциала.

Совершенствование указанной структуры предполагает изыскание покупателей устаревающей техники и технологии. В такой роли японские монополии, как и монополии других ведущих капиталистических стран, намерены закрепить развивающиеся страны, которые объективно, в силу своей технико-экономической отсталости не в состоянии сразу приступить к созданию у себя самой совершенной промышленной структуры и технологии. В борьбе за рынки развивающихся стран, более тесное привязывание их к своему экономическому развитию, создание в

¹⁴ По данным «Кэйдаирэн гэппо», 1976, № 10, стр. 64.

¹⁵ См., в частности: Структурные сдвиги в экономике развитых капиталистических стран. — «МЭМО», 1977, № 2, стр. 148—155; № 4, стр. 151—155.

«третьем мире» регионов своего преимущественного влияния также кроются источники острых противоречий Японии с другими центрами империалистического соперничества.

Новая роль развивающихся стран

С начала 70-х годов происходит заметное возрастание значения стран «третьего мира» во внешнеэкономических связях Японии, что видно из увеличения доли этих стран в ее внешней торговле, прямых зарубежных инвестициях и в поставках топливно-сырьевых товаров.

Таблица

Доля развивающихся стран во внешнеэкономических связях Японии (в %)*

	1965 г.	1970 г.	1976 г.
Экспорт**	44,7	41,4	47,0
Импорт	42,9	40,5	56,1
Прямые инвестиции**	72,9	48,7	54,7
Сырьевые поставки	50,3	49,5	63,6

- * Рассчитано по данным японской статистики.
- ** На 31 марта соответствующего года.

В основе этого процесса лежат рассмотренные выше особенности участия Японии в международном разделении труда, в силу которых развивающиеся государства играют для ее экономики как бы роль «нижнего этажа». Обострение топливно-сырьевой ситуации, социально-экономические сдвиги в «третьем мире» и его стремление добиться более равноправного участия в системе мировых хозяйственных связей на основе установления нового экономического порядка еще более подняли для Японии важность экономических связей с развивающимися государствами. «Япония весьма уязвима в сырьевом отношении, поэтому естественно, что для получения сырья из-за границы в целях экономического развития нашей стране крайне необходимо развивать дружественные отношения со странами, добывающими сырье», — подчеркивал представитель Японии в ЮНКТАД Т. Кимура¹⁶.

Различные регионы и страны «третьего мира» играют во внешнеэкономических связях Японии далеко не одинаковую роль. К середине 70-х годов обозначилось резкое возрастание роли стран Ближнего и Среднего Востока, от импорта нефти из которых Япония зависит в наибольшей мере среди регионов «третьего мира».

Сохраняется высокий уровень развития двусторонних отношений с ЮВА, причем экономическое развитие последней, наиболее полно подключенное к японскому типу участия в международном разделении труда, во все большей степени начинает зависеть от Японии. Это проявляется прежде всего во внешней торговле, в области притока капитальных ресурсов, в формировании целых отраслей промышленности региона. Во внешней торговле зависимость стран ЮВА от Японии особенно высока и составляет в целом по экспорту и импорту около 30%.

Не меньшую роль в привязывании ЮВА к Японии играют прямые инвестиции последней в регионе, оценивавшиеся на конец марта 1977 г.

¹⁶ «Экономисутто», 18.V.1976, стр. 36.

в 5464 млн. долл., или 28,2% от их общего объема. Прямые инвестиции способствуют устойчивому и длительному проникновению японских монополий в экономическую и социальную структуру стран ЮВА, закреплению ориентации экономики региона на Японию путем установления все более глубоких отношений кооперации и специализации производства. Хотя у Японии в рассматриваемой области имеется такой мощный конкурент, как США, однако длительные тенденции и перспективы говорят о занятии Японией и здесь лидирующих позиций.

На основе японских инвестиций в некоторых азиатских странах сформировались целые отрасли промышленности: в Южной Корее — сборка автомобилей, производство бытовой и промышленной электротехники, кабелей, искусственных волокон, пасты для авторучек; в Таиланде — то же, что и в Южной Корее, плюс производство пищевых приправ; в Сингапуре — производство электрооборудования, бульдозеров, судов, паровых котлов, кабелей и т. д.; на Филиппинах — производство глютаминовой кислоты, соды, электрооборудования и т. д. В целом деятельность японских монополий стала важным конъюнктурообразующим фактором экономики региона.

Вместе с тем и Япония в существенной степени зависит от ЮВА. Регион составляет ей 20,6% (по стоимости в 1976 г.) всех сырьевых товаров, в том числе более 24,7% продовольствия, 19,9 — сырья для металлургической промышленности, 17,7 — минерального топлива, 31,6 — натурального сырья (каучук, технические масла и т. п.), 7,5% — текстильного сырья¹⁷. Через некоторые страны ЮВА проходят важнейшие морские коммуникации Японии.

Принимая во внимание вышеизложенное, не случайным представляется то, что именно в отношении ЮВА правящие круги Японии выдвигают после второй мировой войны широковещательные политико-экономические программы. Таковыми были в 50—60-х годах «План Киси», идея «общего азиатского рынка», «азиатско-тихоокеанского века» и т. д. В 70-х годах с наиболее разработанной программой подобного рода выступило нынешнее японское правительство Т. Фукуда; она получила название «доктрина Фукуда».

Выдвижение доктрины было приурочено к 10-летию основания АСЕАН, объединяющей Индонезию, Малайзию, Сингапур, Филиппины и Таиланд. В августе 1977 г. по этим странам совершил поездку премьер-министр Японии Т. Фукуда, который, выступая в Маниле, сформулировал принципы своей доктрины. Если отбросить присутствующие в подобных случаях фразы о «сердечном согласии», «плодотворном партнерстве» и т. п., то основные положения выступления можно свести к следующему.

Япония, как никогда ранее, подчеркнула готовность к самому широкому сотрудничеству с АСЕАН в области промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения, науки и других направлениях. В ближайшие пять лет Япония обещала удвоить размеры своей официальной правительственной помощи АСЕАН и значительно увеличить приток ресурсов по частным каналам, доведя их общий объем до 400 млрд. иен (примерно 1,6 млрд. долл.).

Чтобы нейтрализовать опасения стран — членов АСЕАН в отношении целей проникновения Японии в регион, Т. Фукуда неоднократно подчеркивал, что страна «решила не становиться великой военной державой», что «Япония будет равноправным партнером АСЕАН» и «всегда будет идти рука об руку вместе» с ними. Более того, японский премьер-

¹⁷ По данным «Цусё хакусе», 1976, Токно, 1977.

министр фактически призвал указанные страны изменить отношение к его стране и заявил, что в этом случае «в ответ на искренние чувства народов стран — членов АСЕАН... Япония ускорит осуществление промышленных проектов»¹⁸.

В «доктрине Фукуда» содержатся не только принципы отношений Японии с государствами АСЕАН, но и ее азиатской политики в целом.

Выдвижение доктрины, как представляется, не является просто данью традиционной политике Японии в странах ЮВА. Ее выдвижение в условиях небывалых трудностей во внутри- и внешнеэкономическом развитии страны, а также обострения экономических противоречий с другими центрами империалистического соперничества означает, по-видимому, наступление нового этапа в борьбе японских монополий за экономический передел мира. Концепции «глобализма» во внешнеэкономических связях Японии с особой силой начинают сочетаться с дальнейшим укреплением плацдарма собственного влияния в странах ЮВА.

Анализ внешнеэкономической деятельности Японии показывает, что она стремится укрепить отношения и с другими регионами «третьего мира». Ввиду возрастания их роли во внешнеэкономических связях и невозможности развивать отношения с ними старыми методами и формами, Япония была вынуждена с 70-х годов приступить к разработке и осуществлению так называемого «нового подхода» к указанным странам.

Во внешней торговле Япония пошла на введение с 1 августа 1971 г. преференциальных тарифов на импорт товаров из 96 развивающихся стран. Были отменены ввозные пошлины на 776 видов сырья, минерального топлива и промышленных товаров и снижены тарифы на 59 видов сельскохозяйственной продукции¹⁹, что несколько уменьшило несбалансированность этой торговли. Однако через 5 лет, давая характеристику этим преференциальным тарифам, Т. Доко был вынужден признать: «Мы отменили таможенные пошлины на импорт из развивающихся стран необработанной древесины, однако мы ввели пошлины на импорт досок и клееной фанеры и ограничиваем становление в «третьем мире» обрабатывающих отраслей»²⁰. Это означает, что принципиальный характер торговой политики Японии в отношении развивающихся стран остается прежним и указанные льготные тарифы в значительной мере обесценены этой политикой.

В области прямых капиталовложений, столкнувшись с резким недовольством развивающихся стран, проявившимся, в частности, во время визита К. Танака в ЮВА в 1974 г., с фактами национализации японской собственности в Заире, Перу, Эфиопии, Индонезии и Кувейте, государственно-монополистические круги Японии были вынуждены разработать «Кодекс поведения» для японских инвесторов. Он должен создать большую видимость «равноправного» партнерства с местным капиталом с учетом его интересов. Министерство внешней торговли и промышленности Японии в этом «кодексе» рекомендует японским инвесторам производить капиталовложения в форме создания смешанных предприятий с долей японской стороны не более 75%; отношение японского персонала к местным в совместных компаниях должно поддерживаться на уровне 1:30, а руководящие должности рекомендуется делить поровну; сами инвестиции должны производиться с учетом долгосрочных интересов местного и японского капитала и т. д.²¹. Правительство предпринимает

¹⁸ «The Japan Times», 18.VIII.1977.

¹⁹ «Japan Economic Review», 15.VIII.1971, p. 16.

²⁰ «Far Eastern Economic Review», 24.XII.1976, p. 34.

²¹ «Нихон кэйдай симбун», 23.II.1973.

меры к расширению практики заключения межгосударственных двусторонних соглашений о гарантиях безопасности японских инвестиций, которые уже заключены с Индонезией, Малайзией, Филиппинами и Пакистаном.

Определяя курс японских монополий в отношениях с развивающимися странами, Т. Доко подчеркивал: «В то время как меняется Япония, должен меняться и «третий мир». Мы должны определить свое отношение к торговле и инвестициям (в развивающихся странах. — Ю.С.), так как одна помощь не в состоянии решить все проблемы экономических отношений с «третьим миром»²².

В перспективе предусматривается сохранение важного значения развивающихся государств для экономики Японии. Их доля в экспорте страны составит в 1985 г., по различным оценкам, 43,6%, а в импорте — 46,6%, в прямых заграничных капиталовложениях — до 56%.

Сформулированы и цели Японии в отношении размещения в указанных странах некоторых отраслей японской экономики и дальнейшего привязывания развивающихся государств к японскому типу участия в международном разделении труда. Развивающиеся страны, как предполагается, должны играть более активную роль в формировании промышленной структуры в самой Японии. Так, в упоминавшемся прогнозе структуры экономики Совета по промышленной структуре Японии отмечается, что «отрасли, зависящие от простого труда, очевидно, потеряют (в Японии. — Ю.С.) свою конкурентоспособность в результате развития отраслей интенсивного труда в развивающихся странах»²³.

Поскольку прогнозом намечается развитие в самой Японии наукоемких и технологически сложных производств, поощрение начальной индустриализации в развивающихся странах означает, что Япония намерена сделать в своем экономическом развитии более важный в качественном отношении шаг, чем развивающиеся страны. А это будет фактически означать сохранение вертикального разделения труда между Японией и «третьим миром» на более «высоком» уровне. Правда, трудно предполагать, что развивающиеся государства без борьбы согласятся играть для Японии и в перспективе роль карьера по добыче разнообразного сырья и места по размещению устаревающих и «грязных» отраслей промышленности.

* * *

На рубеже 60-х и 70-х годов механизм мирового капиталистического хозяйства вступил в новый этап своего развития, характеризующийся болезненной ломкой его прежних устоев. Рухнула Бреттон-Вудская валютная система капитализма, расстроилась мировая система ценообразования, инфляция ломает структуру цен мирового рынка, а вместе с тем и структуру международного разделения труда. Обострились противоречия между странами «третьего мира» и империалистическими державами. Разваливается старый мировой экономический порядок, а рождение нового сопровождается кризисными ситуациями на мировых рынках сырья и топлива.

Япония, занимающая видное место в мировом капиталистическом хозяйстве, все острее испытывает его кризисное состояние, все ожесточеннее борется за сохранение и усиление своих внешнеэкономических позиций, играющих возрастающую роль в ее экономическом развитии в целом.

²² «Far Eastern Economic Review», 24.XII.1976, p. 34.

²³ Сангэ кодзо-но теки бидзэн. Токио, 1975, стр. 17.

Курс Пекина на использование зарубежной китайской буржуазии

*Т. М. Котова,
кандидат исторических наук*

Проблема зарубежных китайцев всегда присутствовала в политике маоистского руководства, и ей отводилось важное место в решении стратегических задач великоханьского курса. События последних месяцев свидетельствуют о намерении современного руководства активнее вовлечь зарубежных китайцев в глобальную гегемонистскую политику Китая.

Для этого использовались устраиваемые в посольствах КНР кинопросмотры, приемы, выставки. Китайские дипломаты активно посещали местные китайские организации во время разного рода торжеств и празднеств. Высокопоставленные пекинские лидеры проводили приемы и беседы с приезжавшими в Китай туристами китайского происхождения, представителями различных экономических, спортивных и культурных делегаций, а также частными лицами, прибывавшими для встреч с родственниками. За рубеж выезжали видные руководители Китая, которые на местах проводили встречи с лидерами китайских общин.

Пресса КНР старалась создать впечатление, что зарубежные китайцы полностью поддерживают современное руководство и готовы «всеми силами претворять в жизнь революционную внешнеполитическую линию» Китая¹. Для пропаганды использовалась также и пресса на китайском языке, издающаяся в ЮВА и США.

Как бы сигналом для дальнейшей активизации работы явилась встреча 29 сентября 1977 г. заместителя премьер-министра Госсовета Дэн Сяо-пина с видными деятелями зарубежных китайцев. Дэн заверил их, что отныне работа, связанная с зарубежными китайцами, будет постоянно находиться в «повестке дня» правительства КНР.

В декабре прошлого года было проведено совещание с участием представителей 18 центральных ведомств и ряда провинциальных организаций (Гуандун, Фуцзянь, Юньнань, Гуанси-Чжуанский автономный район, Пекин, Тяньцзинь, Шанхай), занимающихся делами зарубежных китайцев. На совещании обсуждались мероприятия по подготовке к созыву всекитайской конференции по делам зарубежных китайцев. 18 декабря участники совещания были приняты заместителем премьер-министра Госсовета Ли Сянь-нянем, выступившим перед ними с «важной речью». В конце декабря 1977 г. впервые после «культурной революции» состоялось заседание Всекитайского комитета НПКСК, на котором выступил Е Цзянь-ин.

¹ «Жэньминь жибао», 9.III.1977.

Еще более активно начался 1978 г. В январе состоялось собеседование возобновившей свою работу Всекитайской Ассоциации реэмигрантов, на которой присутствовало более 200 человек во главе с председателем Ассоциации Чжуан Си-цюанем. Перед собравшимися выступил Ляо Чэн-чжи.

Одновременно в прессе КНР развернулась широкая кампания по подогреванию патриотизма среди зарубежных китайцев с призывами выполнить их «патриотический» долг перед родиной. 4 января 1978 г. на эту тему была опубликована передовая статья газеты «Жэньминь жибао» под заголовком «Необходимо уделять серьезное внимание работе по делам китайцев, проживающих за рубежом». В тот же день «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» поместили программную статью Ляо Чэн-чжи «Критика реакционной теории «банды четырех» в вопросе о „заморских связях“». 16 февраля 1978 г. «Жэньминь жибао» перепечатала статью «Наньфан жибао» от 24 января, призывающую усилить сплочение с зарубежными китайцами, иностранцами китайского происхождения для проведения курса «четырёх модернизаций» и внешнеполитического курса, направленного на создание так называемого «антигегемонистского единого фронта».

Большое внимание работе с китайцами, проживающими за рубежом, было уделено во время проходившей в феврале 1978 г. сессии ВСНП пятого созыва. Хуа Го-фэн дважды возвращался к этому вопросу, как в части, посвященной внутривластным проблемам Китая, так и во внешнеполитической части своего доклада. Им были подтверждены все ранее изложенные в публикациях газеты «Жэньминь жибао» политические установки о работе с китайцами, проживающими за рубежом, а также с членами их семей, живущими в КНР².

Призывы пекинского руководства сопровождались конкретными практическими мероприятиями. 29 января 1978 г. Хуа Го-фэн, Е Цзянь-ин, Ли Сянь-нянь встретились с «патриотическими деятелями печати и кино» Гонконга и Макао и ответственными работниками отделения агентства Синьхуа в Гонконге. Вероятно, все они получили совершенно определенные установки по пропаганде принятых решений. В то же время Дэн Сяо-пин, находившийся с визитом в Бирме, принял в посольстве КНР 70 руководителей зарубежных китайцев. После завершения работы сессии ВСНП Ли Сянь-нянь, член Политбюро ЦК КПК Гэн Бяо, кандидат в члены политбюро Чэнь Му-хуа приняли «соотечественников», возвратившихся из-за границы, и «соотечественников» из Гонконга и Макао — депутатов ВСНП и членов Всекитайского комитета НПКСК. Информация агентства Синьхуа об этой встрече подчеркивает, что делегатов принимали именно партийные деятели и Ли Сянь-нянь представлялся только как заместитель председателя ЦК КПК.

Анализ опубликованных материалов показывает, что современное пекинское руководство стремится использовать зарубежных китайцев в двух направлениях: во-первых, вовлечь их в «самый широкий единый фронт борьбы» для поддержки великоханьского курса на международной арене под флагом борьбы с «гегемонизмом». «Нам следует вести работу даже среди тех, кто еще питает недоверие к родине и выступает против нас, с тем чтобы по мере возможности превратить пассивные факторы в активные... и в максимальной степени изолировать и нанести удар по главным врагам», — призывает Ляо Чэн-чжи в вышеупомянутой статье. Во-вторых, оно стремится привлечь зарубежную китайскую

² См. «Жэньминь жибао», 7.III.1978.

буржуазию для оказания помощи народному хозяйству КНР путем объединения ее в «патриотический фронт». Следуя «идеям Мао» о том, что в «нашем государстве противоречия между рабочим классом и национальной буржуазией относятся к противоречиям внутри народа»³, Ляо Чэн-чжи призвал проводить политику союза с зарубежной китайской буржуазией, которая, с «одной стороны, занимается эксплуатацией, но вместе с тем в политическом и экономическом отношениях подвергается угнетению и третированию со стороны империализма, колониализма и монополистического капитала».

Для современных китайских лидеров основным критерием при союзе с буржуазией является «любовь к родине», желание помочь ей экономически.

«Важность» для Пекина зарубежной китайской буржуазии была сразу отмечена в зарубежной прессе. 27 февраля 1978 г. японская газета «Санкей симбун» писала, что «из внешнеполитических проблем обращает на себя внимание подчеркивание Китаем важного значения китайцев, проживающих за рубежом». Это, наряду с проведением заседания Всекитайского комитета НПКСК, означает, «что для осуществления «четырёх модернизаций» весьма важное значение приобретают капиталовложения со стороны китайцев, проживающих за рубежом».

Работа с зарубежными китайцами объявлена одним из видов партийной работы, ведущейся в широком масштабе, связанной с работой многих ведомств, которой вся партия должна уделять «особое внимание» и оказывать «всестороннее содействие».

Подобное «внимание» к китайцам, проживающим за границей, не могло не вызвать тревогу и озабоченность в странах Юго-Восточной Азии. Сингапурская газета «Стрейтс таймс» писала, что воплощение в жизнь новой программы Пекина явится «вызовом в отношении деликатного национализма в странах ЮВА, где китайцы составляют значительную часть населения»⁴.

В настоящее время китайцы живут в большинстве стран мира. Их количество в разных странах неодинаково и колеблется от нескольких семей, например в странах Ближнего и Среднего Востока, до миллионных колоний в ЮВА. География расселения китайцев по миру представляет довольно любопытную картину. Их можно пайти во всех стратегически важных точках земного шара, по берегам важнейших каналов и проливов (Суэц, Гибралтар, Панамский канал, Малаккский пролив и т. п.), во всех странах Карибского моря. Китайцы живут в Японии и на Мадагаскаре, Маврикии, в Австралии и Новой Зеландии, на небольших островах Океании. В странах Азии китайские поселения имеются практически во всех портах и крупных городах. Их можно встретить в ЮАР, на западном и восточном побережьях Африки, на побережьях Северной и Южной Америки, в крупнейших городах США, Канады, они составляют большую общину на Гавайских островах. В Западной Европе китайцы живут небольшими группами (самая большая их колония — в Англии). Во всех крупнейших городах Западной Европы, в местах, где проводятся международные форумы, как грибы после дождя появляются китайские рестораны. В Голландии, например, ежегодно открывается 50 ресторанов и оседает около 250 из 500 нелегально прибывающих китайцев.

* Трудно с точностью определить численность китайского населения за рубежом. В КНР с 1953 г. прекращена публикация подобных данных.

³ «Народный Китай», 1956, № 13, приложение, стр. 3.

⁴ «The Straits Times», 6.II.1978.

Исследования же западных ученых не дают точной картины из-за различного подхода к определению национальной принадлежности. Согласно тайваньским источникам, за пределами КНР и Тайваня проживает около 22 млн. китайцев⁵ (Азия — 94,62%, Южная и Северная Америка — 3,82, Европа — 0,9, Океания — 0,34, Африка — 0,32%). Можно полагать, что данные, приведенные в тайваньском ежегоднике, явно занижены, так как ни Пекину, ни Тайбэю не выгодно давать точные сведения о своих «потенциальных гражданах». В этом источнике говорится, например, что во всех странах Южной и Северной Америки проживает 839 тыс. китайцев. в то время как, согласно американской газете «Ляньхэ жибао», только в США числится более 600 тыс. китайцев⁶ (в 1967 г. — 300 тыс.). Американский журнал «Тайм» отмечает, что с 1967 по 1972 г. в Канаду въехало около 91 тыс. китайцев⁷. С большими расхождениями различные источники определяют численность китайского населения в Океании. Еще более противоречивы данные о количестве китайцев, проживающих в Юго-Восточной Азии⁸. Если принять во внимание расчеты венгерского автора Ф. Фабиана о наличии в ЮВА 15 млн. «более или менее ассимилированных китайцев»⁹, то тогда общая численность китайцев, проживающих за рубежом, по крайней мере увеличивается в два раза, то есть до 40 млн. человек.

Китайское население мира отличается довольно высокой мобильностью. Наиболее заметная миграция в настоящее время наблюдается во время «кризисных ситуаций» (Индонезия в 1960—1961 гг. и после 1965 г., бегство зажиточной части китайских общин Южного Вьетнама, Лаоса, Камбоджи) и в связи с «воссоединением семей» (США, Канада). Наблюдается также эмиграция в особо рекламируемые районы. В 1963 г. гонконгская газета «Саут Чайна морнинг пост» соблазнила китайцев таким объявлением: «Новая Зеландия: привлекательная земля, где свежий воздух, здоровый климат и большие возможности для предпринимательской деятельности молодых женатых китайцев»¹⁰. В последнее время столь же настоятельно рекомендуют переезжать в страны Латинской Америки. Обращает на себя внимание, что с 1965 г. китайская община США выросла более чем в два раза, причем соотношение легальных и нелегальных иммигрантов составляет 2,5:1. К 1970 г. в США каждый пятый китаец старше 16 лет прибыл после 1965 г. К началу 70-х годов китайские общины таких крупных городов, как Нью-Йорк, Чикаго, Вашингтон, увеличились на 109—111%¹¹.

По законам старого Китая все китайцы независимо от места рождения и наличия гражданства другой страны считались подданными Поднебесной империи. Чанкайшистское правительство в определении гражданства также исходило из «принципа крови». Правительство КНР, на словах отказавшись от законов националистического Китая, на деле никогда не разъяснило своего подхода к определению гражданства китайцев, проживающих за рубежом. Объявив себя защитницей всех зарубежных китайцев, КНР заявила, что «будет делать все, чтобы защитить соответствующие права и интересы китайцев, прожи-

⁵ China Yearbook 1976. Taipei, 1976, p. 383.

⁶ «Ляньхэ жибао», Нью-Йорк, 23.III.1977.

⁷ «Time», 12.XII.1977.

⁸ В Таиланде в 1973 г. китайское население составляло 9 млн. человек (Современный Таиланд. М., 1976, стр. 29).

⁹ «Мадьярорсаг», 28.VIII.1976.

¹⁰ «South China Morning Post», 29.IV.1963.

¹¹ Betty Zee Sung. Chinese American Manpower and Employment. New York, 1975, p. 25, 48, 72.

вающих за рубежом»¹². В публичных заявлениях китайских лидеров в 1950 г. политика империалистических государств в отношении Китая и зарубежных китайцев связывалась воедино. «Мы хорошо знаем, — писала шанхайская газета «Дагунбао», — что бомбардировки Шанхая, так же как и расправы с китайцами в Таиланде, Индокитае и Малайе, — все это части империалистического плана для прямого и косвенного нападения на китайский народ»¹³. Зарубежные китайцы являются «составной частью китайской нации», «судьба китайцев, проживающих за рубежом, неразрывно связана с родиной», «лишь после рождения нового Китая эти «заморские сироты» обрели родную мать». Эти заявления, повторенные и современным руководством КНР в передовой статье газеты «Жэньминь жибао» от 4 января 1978 г., являются подтверждением прежней позиции.

В первые годы существования КНР правительство неоднократно говорило о готовности решить проблему зарубежных китайцев путем переселения их в Китай. В конце 50-х годов было официально заявлено, что 40% зарубежных китайцев вернутся на родину. По программе репатриации в течение 7—8 лет число выехавших на родину должно было составить 4 млн. человек, хотя принято было лишь 5% названного количества¹⁴. Наиболее охотно Пекин встречал лишь зажиточных репатриантов, возвращавшихся в Китай с деньгами. В дальнейшей политике появилось открытое нежелание принимать китайцев, возвращавшихся на родину. Более того, Пекин явно стремился к увеличению китайских колоний за рубежом. С этой целью в начале 70-х годов был предпринят ряд мер по вливанию в них «новой крови». В 1973 г. были сняты ограничения на выезд из страны родственников китайцев, проживающих за границей, а также репатриантов. Через Гонконг хлынул поток китайских переселенцев, составивший в 1971 г. 13,5 тыс. человек и увеличившийся в 1974 г. до 74 тыс. (количество беженцев в Гонконг за этот же период увеличилось с 10 тыс. до 18 тыс. ежегодно). Так как страны ЮВА ввели запреты на возвращение китайских репатриантов, то многие китайцы оседали в Гонконге, создавая серьезные социально-экономические проблемы для английских властей. Несмотря на препятствия, значительной части репатриантов все же удавалось проникнуть в страны ЮВА нелегально, по фальшивым документам, изготовлявшимся в Гонконге и Бангкоке. Так, например, в Индонезии в настоящее время только в провинции Южный Калимантан насчитывается более 15 тыс. нелегально вернувшихся китайцев¹⁵. Среди них, по свидетельству зарубежной печати, немало лиц, специально подготовленных для ведения антиправительственной и шпионской деятельности в Юго-Восточной Азии. Как отмечалось, значительный поток переселенцев направился и в страны Нового Света.

Как свидетельствуют факты, пекинское руководство намеревается и дальше вести политику увеличения китайских зарубежных общин путем дальнейшего упрощения выезда из страны китайцев, имеющих родственников за границей.

Нельзя не заметить, что такое «поощрение» Пекином эмиграции вызывает тревогу во многих странах, особенно в Юго-Восточной Азии, откуда выезд в Китай, даже для посещения родственников, не разреша-

¹² Общая программа центрального народного правительства, стр. 58. В 1954 г. это положение было включено в конституцию КНР.

¹³ «Дагунбао», 28.I.1950.

¹⁴ The Fookien Times 1970, Yearbook, Manila. 1971, p. 334—335.

¹⁵ «Merdeka», 30.VIII.1977.

ется лицам моложе 45 лет. Во время визитов различных китайских спортивных и культурных делегаций в другие страны местные власти принимают меры по ограничению их контактов с местными китайцами.

Китайские общины за рубежом в основном состоят из представителей мелкобуржуазных слоев — торговцев, лавочников, владельцев прачечных и ресторанов. Однако последние годы среди них увеличивается количество представителей технической и научной интеллигенции, врачей, учителей. Прослойка рабочего класса остается довольно малочисленной. Отказываясь от классового подхода, современное руководство КНР объявляет 90% всех китайцев, проживающих за рубежом, «трудящимися», преднамеренно относя к этой категории мелкую и среднюю буржуазию. Это делается с целью скрыть за туманными формулировками вполне определенные планы, направленные на союз с представителями крупной буржуазии, составляющей, по словам Пекина, остальные 10% зарубежных китайцев. Такой вывод подтверждается и всей политикой маоистского руководства в отношении зарубежных китайцев.

В сообщении агентства Синьхуа, опубликованном в «Жэньминь жибао» 4 января 1978 г., отмечалось, что «банда четырех» называла «ревизионистской» работу по делам зарубежных китайцев, проводившуюся в течение 17 лет после образования КНР. Таким образом, «Жэньминь жибао» высказывается против всякой недооценки проблемы зарубежных китайцев, которая допускалась хунвэйбинами, выступавшими с нападками на Комитет по делам зарубежных китайцев, обвиняя его в том, что главной целью его работы было накопление иностранной валюты, ввиду чего вся работа велась в основном с 10% китайцев, проживающих за рубежом, то есть с крупной буржуазией.

В критике «банды четырех» и заочно «хунвэйбинов» явно прослеживается политика нынешнего руководства КНР на привлечение к сотрудничеству в первую очередь представителей крупного китайского капитала.

Этот курс наглядно подтверждается выступлениями Ляо Чэн-чжи. В его статье в качестве «характерного примера» сотрудничества с зарубежной буржуазией приводится имя Чэнь Цзя-гэна (Тан Ка Ки), известного среди зарубежных китайцев под прозвищем «великая стена за океаном». Он был владельцем многих каучуковых плантаций, шести океанских судов и ряда промышленных предприятий в Малайе. В 1949—1954 гг. он был членом центрального народного правительства, в 1954 г. — депутатом ВСНП, членом Постоянного комитета ВСНП от зарубежных китайцев. Сам Тан Ка Ки с момента создания КНР и до своей смерти в 1961 г. жил в Китае, но в ЮВА оставались его предприятия, многочисленные родственники и помощники. Для «разъяснения» политики Пекина он неоднократно выезжал в ЮВА (в частности, он сопровождал Чжоу Энь-лая в его поездке на конференцию в Бандунг). У его гроба «скорбели» все лидеры нового Китая, ему сооружена богатая гробница в провинции Фуцзянь. Его зять Ли Гуан-цян (Ли Ко Шэн) — «двойной король» каучука и ананасов, миллионер, один из лидеров зарубежной китайской буржуазии в Малайзии и Сингапуре, член совета директоров крупнейшего китайского банка «Оверсиз чай-низ бэнкинг корпорейши». Его предпринимательская деятельность распространялась также на Индонезию и Таиланд. Его клан и сейчас участвует капиталами в банковском, страховом и газетном деле. В настоящее время семейство Ли является крупнейшей финансовой группой Сингапура.

Не менее «характерна» и фигура Хэ Сяня (Хо Ин) — депутата ВСНП пятого созыва и члена Постоянного комитета НПКСК, миллионера, председателя китайской торговой палаты Макао, банкира, судовладельца, владельца большой недвижимостью. В прессе КНР появляются имена и других «известных деятелей» зарубежных китайцев, а на деле крупнейших капиталистов Гонконга — Тан Бин-да, Лян Хуэй-цаня, Ли Мин-цзе, Гао Чжо-сюна, Ван Куань-чэна и др.¹⁶

В состав созданного в 1976 г. Общества тайландско-китайской дружбы вошли также отнюдь не представители трудящихся, а известнейшие торговцы и банкиры, занимающие руководящие посты в Бангкокском и Военном банках, паровой компании «Нань Жун», генеральной торговой палате, а также лидеры ряда землячеств¹⁷.

В Таиланде до сих пор процветает крупнейший торговец рисом И Мэй-хоу, который долгое время был секретарем Бангкокского объединения рисопромышленников и одновременно принимал участие в работе Комитета по делам зарубежных китайцев.

С целью «успокоить» зарубежную китайскую буржуазию современным руководством предпринят ряд мер, направленных на исправление ошибок в работе с родственниками китайцев, проживающих за рубежом. Статья 54 главы III новой Конституции «гарантирует» охрану соответствующих прав и интересов семей китайцев, проживающих за границей.

Союз с китайской буржуазией был predetermined в выступлении Мао Цзэ-дуна еще на VII съезде КПК в 1945 г. Практические действия, базировавшиеся на основных положениях доклада, предусматривали включение в состав будущего государственного строя — «новой демократии» — национальной буржуазии и характеризовали будущий политический строй как буржуазно-демократическое государство и общество нового типа¹⁸.

В основе подобного союза лежали совершенно определенные экономические интересы Китая, направленные на привлечение в страну капиталов зарубежной буржуазии в виде денежных переводов и инвестиций.

После создания КНР в 1949 г. представители буржуазии были приглашены для участия в разработке Общей программы НПКСК. Статья 37 программы предусматривала «создание всех возможностей и удобств для денежных переводов»¹⁹. Об этом было заявлено и в новогодней речи председателя Комитета по делам зарубежных китайцев Хэ Сянина в 1950 г. Одним из важнейших программных документов стал опубликованный в 1955 г. Госсоветом «Указ о проведении в жизнь курса на охрану денежных переводов зарубежных китайцев». Пунктом первым определялось, что «охрана переводов является долгосрочной, а не однодневной политикой» Пекина²⁰.

Направляя в Китай довольно значительные суммы, зарубежная китайская буржуазия получает возможность определенного воздействия на внутрисоциальные мероприятия маоистского руководства. Под их нажимом в 1955 г. было объявлено о досрочном изменении классовой принадлежности большей части помещиков из числа зарубежных китайцев²¹. Они стали относиться к категории «трудящихся». «Дружеский

¹⁶ «Жэньминь жибао», 19.IX.1976; «Вэньхуэй бао», 24.IV.1974.

¹⁷ «Дагуинбао», 11.III.1976.

¹⁸ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Харбин, 1948, стр. 312, 314 (на кит. яз.).

¹⁹ См. Законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1952.

²⁰ «Жэньминь жибао», 3.III.1955.

²¹ Об изменении статуса почти 95% зарубежных помещиков см.: «Дагуинбао», 10.III.1956; 15.XII.1956.

жест» Пекина вызвал немедленную реакцию — увеличение денежных переводов из Гонконга и Макао.

В годы «культурной революции», когда «хунвэйбины» развернули широкую критику связей с зарубежными китайцами, денежные переводы резко сократились. Однако вскоре власти КНР прекратили преследование родственников.

Таким образом, даже бури «культурной революции» оставили в неприкосновенности как социальные, так и экономические позиции зарубежной китайской буржуазии в Китае. В дальнейшем, пытаясь ликвидировать негативное влияние событий 1967 г., пекинское руководство неоднократно выступало с заявлениями, доказывая, что курс на союз с буржуазией и отношение к денежным переводам остаются прежними.

Денежные переводы зарубежных китайцев всегда были своего рода барометром, определяющим позицию китайского правительства. Наибольшего количества они достигли в 1952 г. — 150 млн. долл., самыми низкими были в 1959 г. — 36 млн. долл. В настоящее время, по данным зарубежной печати, денежные переводы ежегодно составляют около 200 млн. долл. Однако точную цифру назвать трудно, так как сведения об этих переводах никогда не публиковались в Китае, а данные тайваньской прессы имеют вполне объяснимую тенденцию к снижению действительных цифр. Это делается, чтобы не афишировать связи с зарубежными китайцами, не предавать гласности действительное экономическое положение китайской буржуазии и не показывать истинных размеров «утекаемой» валюты.

Традиционными для Китая являются также денежные пожертвования на строительство школ, университетов, больниц, гостиниц, а также инвестиции в промышленное строительство. По некоторым данным, инвестиции в экономику КНР составляли 100—200 млн. долл. Кроме того, около 1 млрд. долл. Пекин ежегодно получает из Гонконга в виде дохода от внутренней торговли, транспорта, различного сервиса, осуществляемого при содействии зарубежных китайцев. Американский журнал «Тайм» сообщает, что, помимо всего прочего, зарубежные китайцы ежегодно посылают подарки своим друзьям и родственникам на сумму 1 млрд. долл.²² Значительные валютные доходы КНР получает также от торговли со странами ЮВА, где основными торговыми партнерами в 60—70-х годах были китайские фирмы.

Новая инициатива современного руководства рассчитана на дальнейшее использование экономической мощи зарубежной китайской буржуазии. Причем если раньше зарубежным китайцам разрешалось вкладывать капиталы в основном в предприятия коммунального хозяйства, некоторые области легкой промышленности, то сейчас, с принятием программы на модернизацию промышленности, ситуация коренным образом меняется. Зарубежная китайская буржуазия приглашается к равному участию во всех сферах национальной экономики. Ей подготавливается место в политической жизни китайского общества. Недаром в последнее время пекинские лидеры так много говорят и предпринимают практические меры для активизации деятельности формально сохранившихся буржуазно-демократических партий.

По самым скромным подсчетам, капиталы китайской буржуазии за границей составляют 50—60 млрд. долл.²³ При этом в статистику не попадают вложения вне региона и разного рода «секретные инвестиции». В середине 50-х годов инвестиции китайской буржуазии в эконо-

²² «Time», 12.XII.1977.

²³ Ibid.

мику ЮВА составляли около 3 млрд. долл. К середине 60-х годов они поднялись до 6 млрд. долл., а в настоящее время в экономику только стран АСЕАН вложено 16,3 млрд. долл. Сюда можно добавить капиталовложения Тайваня, составившие к концу 1977 г. в странах АСЕАН более 25 млн. долл. При этом 10 млн. долл. — на Филиппинах, 3,6 млн. — в Сингапуре, около 2 млн. — в Малайзии были вложены только в 1977 г.

Сингапур. Наиболее сильными являются позиции китайской буржуазии в Сингапуре, государстве, где 76% населения составляют китайцы и где политическая власть также находится в руках лиц китайской национальности. К началу 70-х годов китайским капиталом фактически целиком контролировалась внутренняя торговля и 60—70% внешней торговли страны. В банковском деле и промышленности местный китайский капитал уступает крупным монополистическим объединениям Запада и Японии, с помощью которых за последние 13 лет Сингапур превратился в современный промышленный комплекс, важнейший туристский объект и центр по переработке нефти. В настоящее время остров является третьим в капиталистическом мире (после Роттердама и Хьюстона) центром снабжения горючим. В эту отрасль иностранными инвесторами вложено 1,5 млрд. долл. При этом 90% всех американских и японских компаний, созданных в Сингапуре, действуют с участием местного китайского капитала.

В республике действует 10 китайских банков, и хотя в их руках находится меньшая часть банковских активов, они играют важную роль в экономике страны, обслуживая большую часть розничного оборота, региональную торговлю, имеют крупные промышленные инвестиции. Самые крупные банки — «Оверсиз чайниз бэнкинг корпорейшн» и «Чун Цяо бэнк», принадлежащие богатейшим семьям Сингапура — Тан (Чэнь), Ли и Ао (Ху), — успешно конкурируют с иностранными банками. Из других можно отметить «Юнайтед оверсиз бэнк» («Дахуа»). Председатель правления Ви Чо Яо (Хуан Цзо-яо), поддерживающий промышленную программу и являющийся сторонником привлечения иностранного капитала, бывший председатель китайской торговой палаты, президент «Юнайтед раббер». Основное направление деятельности «Оверсиз юнион бэнк» («Хуалянь»), во главе которого стоит Лэн Ин Чу (Лянь Ин-Чжоу), наряду с внешней торговлей, финансирование программы промышленного строительства. Банку принадлежат акции различных предприятий в судостроительной, цементной, текстильной промышленности, он имеет 40 отделений за границей. «Фар истери бэнк» («Юань-дун»), контролируется семейством каучуковых промышленников Нг (Хуан), связанных с каучуковыми плантациями и промышленностью в Малайзии. Для объединения своих усилий в мае 1975 г. четыре сингапурских банка — Банк развития, «Оверсиз чайниз бэнкинг корпорейшн», «Оверсиз юнион бэнк», «Юнайтед оверсиз бэнк» — создали международный банк Сингапура для финансирования торговли в основном в регионе ЮВА²⁴. Для финансового мира Сингапура в настоящее время характерно также тесное сотрудничество с западным капиталом, что превращает республику в «регионального посредника и кредитора». В качестве подобных примеров можно привести деятельность «Интернэшнл дискаунт компани», в которой компаньонами являются «Оверсиз чайниз буэнкинг корпорейшн», «Чэйз Манхэттен бэнк» и «Клив холдинг»; в 1973 г. создана «Юнайтед чэйз мерчант бэнкерс» с равным партнерством «Юнайтед оверсиз бэнк» и «Чэйз Манхэттен

²⁴ Asia Research Bulletin, Singapore, vol 5, № 11, 1975, Report 2, p. 97.

бэнк». Сингапурские банки уже второй раз выступают в союзе с крупнейшими империалистическими банками в качестве ключевого координирующего звена при предоставлении Индонезии займов со стороны банка Моргана и Международного банковского консорциума.

Таиланд. В финансах этой страны очень сильны позиции китайской буржуазии, включая не только денежное обращение, но и кредитование. Некоторые зарубежные авторы считают, что китайцы контролируют 99% экономики страны. Видимо, эти оценки преувеличены и могут включать все посреднические операции с участием иностранного, в основном американского и японского, капитала.

К началу 70-х годов в Таиланде действовало 29 коммерческих банков. Из них местных, в основном китайских, было 16 и 13 иностранных. Во многих крупных банках акционерами являлись китайцы, но контрольный пакет акций принадлежал китайской буржуазии. Особенно яркий пример подобного сотрудничества — Бангкокский банк, самый крупный в Юго-Восточной Азии. Во главе его стоит семья Софонфончей. В прошлом в совет управляющих входил Прапат Чарусатьен и четыре видных армейских генерала. Вице-президентом банка в настоящее время является китаец Сирифонг, сменивший свою фамилию с китайской Вонг, а главным распорядителем — Чэнь Би-цзюй. В Таиланде часто можно услышать фразу о том, что «хорошо для Бангкокского банка, то хорошо и для Таиланда». Сейчас это единственный банк, установивший корреспондентские связи с «Банком Китая» для ведения расчетов по внешней торговле. Второй по величине банк, «Аютния», также контролируется китайской семьей Буасованов. Китайцы из семьи Ламсам держат в своих руках третий по величине Таиландский фермерский банк, генеральным директором которого в настоящее время является Банча Ламсам (У Бань-чао). То же самое можно сказать о других банках (Военный банк, «Юнайтед Бангкок бэнк», «Бангкок метрополитен бэнк», промышленный и коммерческий банк «Азия»). «Юнайтед Бангкок бэнк» контролировался богатыми китайцами Сахатом Юахакуном и Ао Бун Као. Его наследник Ао Цин Цай (Ху Цин-цай) был тесно связан с финансовым миром Сингапура и Гонконга, а также являлся владельцем газетных синдикатов в Бангкоке, Сингапуре, Гонконге и Малайзии.

В Таиланде, спецификой которого до настоящего времени является зависимость экономики от сельского хозяйства, скупка, очистка, распределение и экспорт риса — одной из основных экспортных культур страны — находятся в руках китайцев.

Индонезия. Около 90% финансов страны контролируются до сих пор китайцами, несмотря на политику ограничения для китайского капитала в экономике страны. Наиболее значительны китайские «интересы» в «Бэнк Винду Кенсана», «Бэнк Варингин Кенсана», «Бэнк сентрал эйша», «Бэнк Умум наснанал», «Рамайяна», «Бэнк Мэлбор», «Коммерческий банк», «Бэнк Умум Банту», «Памин бэнк». Китайская буржуазия контролирует 70% экономики и 60% торговли.

Филиппины. По крайней мере 4—5 крупных банков Филиппин находятся в руках китайского капитала. Среди них «Чайна бэнкинг корпорейшн», находящаяся в руках китайской семьи Цусипов. «Пасифик бэнкинг корпорейшн», владельцем которой является Антонио Роксас Чуа (Цай Вэнь-хуа), «Филиппин бэнк оф коммерс» и «Ферст юнайтед бэнк», контролирующиеся семьей китайцев Кохуанго, а также «Филиппин бэнк оф коммьюникейшн» («Цзяо тун»).

К 1970 г. в руках китайцев, не имеющих филиппинского гражданства, находилось 3,5% вновь созданных предприятий. Из 10 крупнейших

корпораций страны им принадлежала одна, а из 100 ведущих компаний в их руках было 18. В период осуществления 4-летнего плана экономического развития (1974—1977) инвестиции китайцев-иностранцев были вторыми после американских (правда, с очень большим разрывом) и составляли 167 млн. песо.

Малайзия. Организационные формы капитала в Малайзии более консервативны, чем в других странах ЮВА. Среди китайцев в этой стране можно найти больше крупных торговцев и промышленников, чем финансистов. Это не означает, что китайцы не имеют своих банков в стране, но они большей частью носят локальный характер и финансируют в основном местную торговлю. Одним из самых старых банков является «Сюэлань эгуан», созданный в 1913 г. для финансирования торговли, горнодобывающей и каучуковой промышленности. Другие крупные банки в основном появились в 1960-х годах. Среди них строительный банк «Синье», «Малайян бэнкинг», «Хэчжуи», «Наньфан», кредитные общества «Футай» и «Фухуа» (Сабах и Саравак).

Значительны позиции китайской буржуазии в экономике страны. Они владеют 70% обрабатывающей промышленности, 22% строительства. В их руках находится 22,5% акций во вновь созданных компаниях. Они уступают только иностранному капиталу, среди которого много капитала, принадлежащего китайцам других стран. Например, Сингапур к 1977 г. вышел на второе место по объему капиталовложений в Малайзии.

Свои банки китайская буржуазия имеет в таких странах, как, например, Гаити и Панама. В Папуа—Новой Гвинее местный китайский предприниматель, глава Прогрессивной партии народа Джулиус Чан является министром финансов.

Китайская буржуазия — это организационно самая сильная часть китайских общин за рубежом. Помимо организаций внутри каждой страны (типа китайских торговых палат или Ассоциаций производителей какого-либо вида продукции), они объединены в организации по месту происхождения, например организация, объединяющая торговцев из Чаочжоу, в региональные организации. Имеются также организации, объединяющие китайскую буржуазию в масштабе всех стран. Это Всемирная организация китайских торговцев и Всемирный банк зарубежных китайцев.

Целый ряд существенных ограничений для функционирования зарубежного китайского капитала, видимо, может возрасти, поскольку национальные правительства, особенно в развивающихся странах, заинтересованы в развитии прежде всего своего национального капитала. Тем не менее, в силу того что китайская буржуазия, торговцы, промышленники, банкиры во многих странах получили гражданство стран пребывания, их могут не коснуться вводимые ограничения и их роль в экономике развивающихся стран, остро нуждающихся в привлечении капитала, может даже возрасти. Нельзя также не учитывать и «идеальные посреднические качества» китайской буржуазии в инвестициях западных стран.

Таким образом, для правительства КНР в случае дальнейшего укрепления отношений с зарубежной китайской буржуазией могут открыться благоприятные перспективы по использованию капиталов этой буржуазии и их экономических и политических связей для проведения своего великоханьского курса в развивающихся странах.

Пекинские руководители, видимо, понимают, что для привлечения на свою сторону зарубежной буржуазии недостаточно одних лишь мно-

гообещающих деклараций, тем более что политическая борьба в руководстве КНР не затихает.

Большую роль в судьбе зарубежной китайской буржуазии играют Тайвань, Гонконг и Макао.

Шанхайское коммюнике, подписанное Чжоу Энь-лаем и Никсоном, породило определенные иллюзии в китайских буржуазных кругах, а поиски Пекином путей дальнейшего сближения с США, которое во многом зависит от «проблемы Тайваня», продолжают поддерживать надежды на мирное объединение Тайваня с КНР. Решение этого вопроса может быть возможным лишь при сближении социально-экономического строя КНР и Тайваня, то есть при создании в Китае условий для нормального функционирования национальной буржуазии. Одной из ролей, отведенных зарубежной китайской буржуазии, может быть посредничество в этом вопросе, «разъяснение» тайваньским деятелям точки зрения Пекина, с тем чтобы повернуть последних на путь «патриотизма». В зарубежной печати нередко появляются сообщения о том, что некоторые видные представители зарубежных китайцев выполняют подобные функции. Одним из свидетельств существования какой-то «договоренности» служат китайские капиталовложения на Тайване. В общей сложности зарубежные китайцы инвестировали в экономику острова за период с 1952 по 1975 г. 410,3 млн. долл. В 1971 г. они составляли 37,9 млн. долл., а в 1972 г., после принятия КНР в ООН, упали до 26,4 млн. долл. Одновременно появились сообщения, что тайваньцы стали переводить свои капиталы в Сингапур, считая это более безопасным. Однако уже с 1973 г. зарубежные китайские капиталовложения на Тайване вновь стали возрастать и составили 55,1 млн. долл., а в 1974 г. — 80,6 млн. После нормализации отношений КНР с Малайзией, Филиппинами и Таиландом инвестиции снова сократились и составили в 1975 г. 47,2 млн. долл. Примерно на таком же уровне они были в 1976 г.

Нельзя не обратить также внимания и на высказывание министра иностранных дел КНР Хуан Хуа по вопросу о будущем Гонконга и Макао от 30 июня 1977 г., вызвавшее широкие отклики во многих странах мира. Успокаивая «соотечественников» из Гонконга и Макао, а также зарубежную китайскую буржуазию, он сказал, что «председатель Хуа Го-фэн и заместитель председателя Дэн Сяо-пин поручают нам сохранять ныне существующее статус-кво. Вопрос о возвращении Гонконга и Макао не будет ставиться в течение одного или двух десятилетий».

* * *

Обращение ко всем зарубежным китайцам независимо от гражданства и социального положения показывает, что пекинские лидеры руководствуются националистическими соображениями и что для них не имеет принципиального значения гражданство китайцев, проживающих за рубежом.

Призывы Пекина не имеют в виду многочисленные массы простых китайских тружеников за рубежом. Они не направлены к заключенным китайцам на острове Буру, томящимся там после событий в Индонезии в 1965 г., или к многочисленным беженцам, живущим в ожидании «кораблей с родиной» в лагерях для переселенцев на Калимантане и Северной Суматре.

Сингапурская журналистка китайской национальности Пан Чэн Лян еще в 1971 г. писала, что трагедия большинства зарубежных ки-

тайцев состоит в неспособности понять, что «Китай всегда больше брал, чем помогал... делал только то, что в его интересах»²⁵. Она предостерегала зарубежных китайцев от излишнего доверия маоистскому Китаю.

Призывы нынешних пекинских руководителей к зарубежным китайцам «объединиться в единый патриотический фронт» могут найти отклик лишь в той части китайской буржуазии, которая связана с реакционными империалистическими кругами и будет служить посредником в сближении КНР с ними против социалистического содружества, и прежде всего против Советского Союза. Такие призывы Пекина не могут найти сочувствия у китайских трудящихся независимо от места проживания.

Курс нынешнего китайского руководства на использование капиталов зарубежной китайской буржуазии в великоханьских, гегемонистских целях нарушает интересы тех стран, где проживают эти китайцы. Такой курс подрывает миролюбивую политику народов развивающихся стран, поэтому он не найдет поддержки и сочувствия у всех миролюбивых народов.

²⁵ «Наньян сянбао», 7.IX.1971.

Японские варианты концепции «среднего пути» и их адепты

А. И. Иванов

В Японии ведется оживленная дискуссия по поводу перспектив эволюции расстановки политических сил страны, в которой за последние годы произошли существенные изменения.

Японскую общественность интересует, пойдет ли дальше четко выявившийся процесс ослабления позиций правящей Либерально-демократической партии (ЛДП), будет ли укрепляться и какую политику станет проводить отколовшаяся в 1976 г. от ЛДП группа консерваторов, которая объединилась в Новый либеральный клуб (НЛК). С другой стороны, очень много разговоров идет в связи с неудачными выступлениями коммунистов и социалистов на парламентских выборах 1976—1977 гг., в связи с обострением идеологических разногласий внутри Социалистической партии Японии (СПЯ), особенно после 40-го съезда партии (февраль 1977 г.), и выходом из СПЯ ряда деятелей ее правого крыла, создавших самостоятельную организацию — Союз социалистических граждан (ССГ). Наконец, обращается внимание на некоторое упрочение в японском парламенте позиций так называемых партий «среднего пути» — Партии чистой политики (Комэйто) и Партии демократического социализма (ПДС).

Буржуазные политологи и средства массовой информации стремятся навязать общественности вывод о том, что вместо прежнего противоборства между ЛДП, отступающей интересы монополистического капитала, с одной стороны, и КПЯ и СПЯ, наиболее последовательно ведущими борьбу за интересы рабочего класса и трудящихся масс, — с другой, в дальнейшем определяющим моментом политической жизни страны станут различные комбинации партийных коалиций, «диалоги» и «сотрудничество» между ними. Провозглашая наступление «эры многопартийности и плюрализма», буржуазные теоретики нередко говорят о том, что в нынешнем японском обществе есть место для любой политической партии. Вместе с тем одно из важных направлений буржуазной пропаганды состоит в попытках представить ориентацию КПЯ и СПЯ на рабочий класс как явление недопустимое, ведущее к «отрыву от масс» и превращению этих партий в «закрытые идеологические организации, угрожающие обществу».

В то время как буржуазные пресса, телевидение и радио ведут массированные атаки против политики КПЯ и СПЯ, они все больше места отводят пропаганде концепции «среднего пути» и поощрению партий, разделяющих эту концепцию, отмечая в их деятельности «реалистичность», «конструктивность» и «гибкость».

Обращение буржуазной пропаганды к восхвалению «среднего пути» имеет прямую связь с падением популярности правящей партии и отвечает замыслу монополистического капитала, правящих кругов соз-

дать для себя резервную опору в лице «умеренных» оппозиционных партий.

Сделаем краткий обзор японских вариантов концепций «среднего пути», имея в виду выявить их действительную сущность.

Ныне в Японии возможность найти некий «средний» между капитализмом и социализмом путь общественного развития проповедают несколько политических партий и групп. Выразителями различных японских вариантов концепции «среднего пути» являются сейчас Партия демократического социализма, Комэйто и Союз социалистических граждан. Следует заметить, что все варианты «среднего пути» в Японии непременно включают в себя слово «социализм», соответственно: «демократический социализм», «гуманный социализм», «гражданский социализм». В этом находят проявление кризис капиталистического общества и, напротив, притягательность идей социализма — общества, отрицающего капиталистическую эксплуатацию. Вместе с тем, вводя такие эпитеты, как «демократический», «гуманный», «гражданский», авторы концепций стремятся отмежеваться от социализма реального, построенного на основе марксистско-ленинского учения, и претендуют на изобретение собственной модели общества социализма, а также и особого, столь же иллюзорного, пути его построения без классовой борьбы.

Начнем с «демократического социализма». Сама по себе идея «демократического социализма» не нова как на международной арене, так и в самой Японии. Разделяя оппортунизм западноевропейской социал-демократии, нечто близкое к идеям «демократического социализма» проповедовала в своем большинстве японская социал-демократия довоенного периода. В послевоенный период, когда в обстановке демократического подъема, обусловленного поражением военно-полицейского режима Японии, в стране на базе различных направлений и групп социал-демократов образовалась Социалистическая партия Японии, внутри нее с самого начала развернулась острая борьба. Левое крыло японских социалистов, опиравшееся на рабочий класс, не могло не видеть того, что уклонение от последовательной классовой борьбы не только не дает возможности разрешить те экономические и политические проблемы, в решении которых остро нуждаются трудящиеся массы, но и, как следствие, ведет к утере влияния СПЯ среди населения страны, прежде всего среди рабочего класса. Левые социалисты все более остро ощущали необходимость изучения опыта реального социализма, усвоения теории научного социализма, отказа от антикоммунизма. Борьба между правым и левым крылом шла с переменным успехом. Она привела к расколу СПЯ в 1951 г. на две партии — «левую» и «правую». Успехи «левой СПЯ» на парламентских выборах побудили «правую» партию вновь пойти на объединение, которое и произошло в 1955 г. К концу 50-х годов, особенно в связи с вопросом об отношении партии к японо-американскому военно-политическому союзу, противоречия внутри СПЯ вновь резко обострились. Правое крыло во главе с Суэхиро Нисио, которое отказалось вести борьбу против пересмотра и ратификации «договора безопасности», делавшего Японию частью системы осуществления агрессивных планов американского империализма на Дальнем Востоке, покинуло ряды СПЯ, а в 1960 г. оформило собственную политическую организацию — Партию демократического социализма.

Принятие программы четко определило лицо новой партии. В отличие от СПЯ, считающей себя партией рабочего класса, в программе ПДС подчеркивается отказ от классовых позиций. ПДС провозгла-

шается «народной партией», которая отражает в своей политике «коллективные интересы всех трудящихся»¹. К самому понятию «трудящиеся» в программном документе партии относятся различные классы и слои, в том числе средняя буржуазия и менеджеры, за исключением лишь крупных капиталистов.

Лидеры ПДС объявляют непригодной «ни теоретически, ни практически» марксистскую теорию классов и классового общества, поскольку «содержание капиталистического строя претерпело изменение, а также изменилось существо функций государства»². Теоретики «демократического социализма» заклеили классовую борьбу в целом как дело безнадежное и вредное. Так, профессор университета Кэйо К. Накамура безапелляционно утверждает: «Тот, кто выступает с позиций классовой борьбы, будь это отдельная личность или целая политическая партия, не может считаться защитником свободы и демократии»³. При этом японский профессор ссылается на авторитет известного английского общественного деятеля Сиднея Уэбба, высказывавшего аналогичную мысль 60 лет тому назад. Он также пугает своих читателей возможностью прихода в Японию диктатуры типа нацизма.

Разве, однако, приверженцы концепции «демократического социализма» не знают, что свобода трудящихся России и других стран, построивших ныне общество без эксплуатации, завоевана в ходе острейшей классовой борьбы, а тот же Уэбб, посетив страну Советов в 1932 г., сумел отказаться от антикоммунистических предубеждений и вместе со своей супругой опубликовал книгу, в которой с восторгом освещал исторические успехи советского народа в построении социализма. Разве не сторонники теории классовой борьбы стояли в первых рядах борьбы против фашизма, в то время как японские и другие предшественники ПДС, как правило, молчаливо подчинялись ему, а то и становились на службу фашистскому государству, ратовали, например, за создание «Великой сферы сопроцветания в Азии».

Отрицание вопреки всем и всяческим фактам классовой борьбы в обществе, раздираемом непримиримыми классовыми противоречиями, среди которых главным является противоречие между трудом и капиталом, предопределило цели и задачи, которые поставила перед собой ПДС, способы, которыми она собирается достичь поставленных ею целей.

«Демократический социализм», в понимании авторов программы ПДС, — это сочетание демократии, под которой подразумеваются политическая свобода и равенство, и социализма, который рассматривается как социальная свобода и равенство. Фактически отождествляя демократию с капитализмом, ПДС в то же время не может не признать ограниченность буржуазной демократии, поскольку капитализм не подкрепляет ее социальным равенством людей, без чего «гражданские права не могут не стать пустым звуком»⁴. С другой стороны, будучи не в силах отрицать, что «марксизм или коммунизм создает социальное равенство», «демократические социалисты» выражают недовольство методами его завоевания, называя их «тоталитарными», они не хотят стать на позицию защиты интересов рабочего класса. При этом полно-

¹ См. Сато Хиroyuki. Нихон-но сэйто корё (Программы японских партий). Токио, 1977, стр. 261.

² Касуга Икко. Нихон-но сэйдзи кики-то минсято-но нимму (Политический кризис в Японии и долг ПДС). — «Кайкакуся», 1976, № 11 (200), стр. 16.

³ Накамура Кацунори. Минсю сякайсюги-но хинсидзу сёмэй (Свидетельство качества демократического социализма). — «Кайкакуся», 1976, № 11 (200), стр. 6.

⁴ Сато Хиroyuki. Программы японских партий, стр. 260.

стью игнорируется то обстоятельство, что по своему положению рабочий класс является самым передовым классом общества, а его интересы совпадают в конечном счете с интересами развития всего общества.

Попытка примирить интересы различных классов современного капиталистического общества проявилась в отрицании Партией демократического социализма необходимости революционных, то есть коренных, качественных преобразований. Единственным приемлемым путем для ПДС называется «обеспечение социального прогресса путем реформ». Более того, «демократические социалисты» добиваются полного разоружения рабочего класса, они хотят лишить его такого оружия, как забастовочная борьба, даже в том случае, если эта борьба ограничивается требованиями обеспечить скромные материальные условия существования трудящихся. Лидеры ПДС остро критикуют КПЯ и СПЯ за то, что они «поощряют незаконные забастовки Сохё», которые якобы приносят ущерб народу, порождают «недоверие народа»⁵.

Все надежды «демократических социалистов» возлагаются на «возрождение духа парламентской демократии», «полное возрождение ее традиционных функций и обеспечение регулярной смены политической власти»⁶. Критика лидеров ПДС обращается не столько в сторону правящей партии, проводящей в парламенте один за другим законы с отнюдь не прогрессивным содержанием, а в сторону КПЯ, СПЯ, а иногда даже Комэйто, которые своими бойкотами парламентских дискуссий, по словам бывшего председателя ПДС И. Касуга, «подрывают парламентскую демократию». Сама же ПДС нередко сотрудничает с правящей партией, объявляя свое соглашательство «заботой об интересах народа». Она не только часто берет под защиту те или иные реакционные действия ЛДП, оправдывая их перед общественностью, но и, противопоставляя себя другим партиям оппозиции, в первую очередь КПЯ и СПЯ, выступает в одном лагере с либеральными демократами при обсуждении острых проблем в парламенте, чем обеспечивает им недостающее большинство при голосовании. Обычным является и блокирование ПДС с ЛДП на различных выборах в местные органы власти, что препятствует упрочению позиций прогрессивных сил в муниципалитетах.

Совершенно иное отношение у ПДС к проблеме сотрудничества с партиями оппозиции. Учитывая популярность в Японии лозунга единства прогрессивных сил, лидеры ПДС от этого лозунга не отказываются, но вкладывают в него собственное содержание. Исходным пунктом «единства», за которое выступает ПДС, является требование «четко отмежеваться от тех сил, которые игнорируют законодательство, отрицают парламентские порядки и на этой основе собираются построить социалистическую власть»⁷.

Само существо нынешнего политического кризиса японского общества руководящие деятели ПДС видят в решении вопроса, к кому должна перейти власть от консерваторов: к силам, ориентирующимся на реформы, или к силам, ставящим целью осуществление революции. Усилия ПДС направлены на то, чтобы опорочить Компартию Японии, представить ее в глазах рядовых избирателей противником демократии, партией «насилия». Именно с этой целью в тот момент, когда внимание

⁵ Цукамото Сабуро. Дзицу-но какусин-о мэдзасу кокумин сэйкэн косо (Концепция народной власти, имеющей целью подлинное обновление). — «Родо мондай», 1976, № 6 (223), стр. 41.

⁶ Касуга Икко. Политический кризис в Японии и долг ПДС, стр. 13.

⁷ Цукамото Сабуро. Концепция народной власти, имеющей целью подлинное обновление, стр. 39.

японской общественности было привлечено к скандальным разоблачениям политиков ЛПД по делу «Локхид», бывший председатель ЦИК ПДС И. Касуга потребовал, чтобы парламент занялся расследованием провокационного дела, состряпанного японской тайной полицией еще в 1933 г., в условиях военно-полицейского режима, с целью опорочить коммунистов и оправдать массовые репрессии против них. Антикommунизм — неотъемлемая часть идеологической деятельности «демократических социалистов».

Отвергая сотрудничество с коммунистами, ПДС стремится помешать также налаживанию совместных действий между КПЯ и СПЯ. Резким нападкам со стороны «демократических социалистов» подверглись, например, решения 40-го съезда СПЯ, в которых подтверждалась линия на единые действия этой партии со всеми оппозиционными партиями, в том числе и с КПЯ.

Активный антикоммунизм и соглашательство ПДС широко известны в Японии, ее даже называют «второй консервативной партией» или «второй ЛПД».

Своеобразным путем на политическую арену Японии вышла партия Комэйто, пропагандирующая ныне собственный вариант «среднего пути» — «гуманный социализм». Прямых родственных связей с правой социал-демократией Комэйто не имеет. Эта партия возникла в процессе активизации политической деятельности религиозной организации Сока гаккай. Ее предшественником была Лига чистой политики (Комэй сэй-дзи рэммэй), действовавшая в составе Сока гаккай.

Взгляды Сока гаккай — общества адептов одной из буддийских сект — оказали решающее воздействие на формирование идеологической и политической платформы Комэйто, они находят отражение в деятельности этой партии с момента ее создания в 1964 г. вплоть до настоящего времени.

Первоначальные идейные установки Комэйто были сформулированы непосредственно лидерами Сока гаккай, в первую очередь президентом общества Д. Икэда, а потому отражают и прямую связь с догмами буддийской секты Нитирэн-Сёсю⁸ в их современной интерпретации. В декларации учредительного съезда Комэйто цитировались взгляды Нитирэна на «справедливое стабильное государство», содержался призыв к образованию «всемирной нации» на основе принципа «обуцу мёго» и «буддийской демократии». Принцип «обуцу мёго» толкуется как «построение идеального общества» на основе соединения политики и буддийской идеологии, что должно якобы привести к «гармонии всеобщего и единичного, слиянию процветания общества со счастьем личности»⁹. В другом документе учредительного съезда, в программе Комэйто, также употребляются такие религиозные, буддийские термины, как «обуцу мёго», «философия жизни» (буддизм), «буддийская демократия», «всемирная нация». Но здесь говорится и о том, что Комэйто стремится обеспечить «благополучие масс» на основе «гуманного социализма».

Первые официальные издания Комэйто содержат подробное разъяснение всех вышеназванных терминов буддийского происхождения. Комэйто в первые годы своего существования не скрывала тесной связи с буддийской организацией, а, напротив, гордилась ею, подчеркивала своеобразие и даже исключительность партии, опирающейся на буд-

⁸ Нитирэн — один из японских проповедников буддизма в XIII в.

⁹ Тайсю фукусю-о мэдзаситэ. Комэйто-но сэйсаку. I. (За благополучие масс. Политика Комэйто, Вып. I.) Токно, 1967, стр. 32.

дизм. В свою очередь президент Сока гаккай Д. Икэда публично заявлял о нерушимости таких связей. Так, на собрании руководящего состава молодежного отдела Сока гаккай в июле 1965 г. он говорил, что Сока гаккай как религиозная, а Комэйто как политическая организация совместно служат учению Нитирэна, а, следовательно, «не может быть Комэйто, отдельной от Сока гаккай»¹⁰.

Однако поскольку Комэйто в соответствии с замыслами самих руководителей Сока гаккай поставила своей целью выход на большую политическую арену и активно включилась в борьбу за расширение своего влияния в парламенте и муниципальных органах, то вскоре выяснилась невозможность достижения поставленной цели лишь при опоре на ограниченный контингент сторонников религиозных взглядов Сока гаккай, одной из буддийских сект. Поэтому руководители Комэйто, стремясь сделать установки своей партии привлекательными для более широкого круга избирателей, стали постепенно освобождаться от терминов религиозного содержания, придавать партийным документам все более светский характер.

Этот процесс ускорило так называемое «Дело об ущемлении свободы слова и публикаций», относящееся к 1969 г. Иначе говоря, речь идет о вскрытии и придании широкой огласке фактов угроз и шантажа, к которым Сока гаккай и Комэйто прибегли, чтобы не допустить опубликования книг об этих организациях, авторы которых пытались показать действительную сущность буддийского общества Сока гаккай и его партии, делали акцент на их тесной связи. С этого времени Комэйто начинает менять свой внешний облик.

В июне 1970 г. на VIII съезде Комэйто была принята новая Программа партии, очищенная от терминов буддийского происхождения. В ней уже не говорится ни о принципе «обуцу мёго», ни о «буддийской демократии», ни о «философии жизни». Вместе с тем само содержание программы, по существу, не изменилось. В ней подчеркивается, что Комэйто следует по «среднему пути», сохранено выражение «гуманный социализм», возлагаются надежды на парламентскую демократию¹¹.

Как же конкретно Комэйто понимает «средний путь», что она подразумевает под «гуманным социализмом»?

Претендуя на роль «народной партии, которая идет вместе с масса-ми, разделяя стремления и практику обновления»¹², Комэйто не может полностью игнорировать массового недовольства существующим строем и не замечать того тупика, в который ведет капиталистическая система с ее главенствующим принципом погони за прибылью. Документы Комэйто полны резких обличений капиталистического общества.

Но анализ обостряющихся противоречий в японском обществе у теоретиков Комэйто носит поверхностный характер. Так, разоблачение факторов массовой коррупции чиновников государственного аппарата Японии, их подкупа монополистическим капиталом, сопровождается выводом о том, что именно правительственные чиновники, бюрократия, а не сам монополистический капитал, на службу которому поставлено государство, стали в настоящее время «реально господствовать в политике»¹³. Столь же поверхностен вывод о главных противоречиях капиталистического общества. В стороне остается основное противоречие, заключающееся в несовместимости интересов труда и капитала. На

¹⁰ Сато Хироюки. Программы политических партий Японии, стр. 64.

¹¹ Там же, стр. 293.

¹² Там же.

¹³ За благосостояние масс. Политика Комэйто. Вып. 1, стр. 22.

первый план выдвигается «противоречие, несогласованность между процветанием общества и счастьем личности»¹⁴.

Поверхностный характер анализа современного капиталистического общества, при котором признаются его пороки, но в то же время замазываются главные противоречия, вполне естествен для деятелей Комэйто, поскольку при рассмотрении явлений общественной жизни они опираются на идеалистическое мировоззрение. Ничего не меняет то обстоятельство, что разделяемая ими «философия жизни» претендует на «преодоление односторонности» как материализма, так и идеализма.

В первых теоретических документах Комэйто подчеркивалось, что буддизм, или «философия жизни», представляя собой «восточную философию», в отличие от материализма и идеализма рассматривает дух и материю, «душу и тело» в неразрывной связи. В этих работах утверждалось, что «именно философия буддизма с ее умением глубоко проникать в суть жизни ...открывает путь из тупика материалистического и идеалистического мировоззрения, явится идеологией, ведущей к новому миру»¹⁵.

Отсюда делался вывод, что «противопоставлением капитализма и социализма, постановкой альтернативы между ними нельзя найти выход из тупика современного общества» и путь к преобразованию мира следует видеть не в переустройстве структуры общества, а прежде всего в «революции» внутри самого человека, которая переходит в «революцию семьи», а затем на основе «утверждения самостоятельности каждого человека», достижения «гармонии» можно осуществить и «наиболее демократическую, разумную социальную революцию»¹⁶.

Таким образом, отталкиваясь от положений буддийской «философии жизни», Комэйто предлагала путь создания идеального общества на основе отказа от классовой борьбы, путем простого усвоения каждым предписаний буддизма и достижения тем самым «гармонии» в обществе.

В новейших документах Комэйто мировоззрение партии, не меняя своего существа, трактуется уже без ссылок на «философию жизни». Вводится новое понятие — «холизм» как «метод самопознания и познания общества в целом»¹⁷. «Холизм» также противопоставляется марксистской философии. В духе известных буржуазных фальсификаций теоретики Комэйто обвиняют Маркса в «ограниченности». Забывая о том, что Маркс обратился к анализу классовых отношений именно с целью выявить действительно реальный путь полного освобождения человека от эксплуатации, они пытаются представить дело таким образом, будто Маркс рассматривал личность просто как экономическую категорию, «достойную анализа лишь постольку, поскольку она участвует в определенных классовых отношениях»¹⁸.

Теоретикам Комэйто не нравится применение при анализе общественных явлений таких «пар терминов, как базис и надстройка, эксплуататоры и эксплуатируемые», их «холизм» заключается в отказе от «двухполюсных категорий и рассмотрении общества как многополярной, объемной системы»¹⁹.

¹⁴ За благосостояние масс. Политика Комэйто. Вып. 1, стр. 29.

¹⁵ Там же, стр. 30.

¹⁶ Там же, стр. 30, 33—36.

¹⁷ «Комэйто». Токуо, 1975, стр. 12.

¹⁸ Там же, стр. 13.

¹⁹ Там же.

Какой же практический вывод делается на основе «холизма»? Он, по существу, не отличается от того, который основывался на «философии жизни». На место унаследованной от Сока гаккай идеи «революции в самом человеке» теоретики Комэйто ныне ставят «градуализм» как «стратегию перестройки общества», поясняя далее, что «слово градуализм обычно противопоставляют марксистскому радикализму, имея при этом в виду реформизм и социальную демократию»²⁰. Вместе с тем они стараются сохранить видимость отличия взглядов Комэйто от обычного реформизма правой социал-демократии. В публикациях Комэйто настойчиво подчеркивается, что концепция «реформизма среднего пути» у Комэйто имеет содержание, «совершенно отличное» от тех взглядов на «средний путь», которые имеются в «европейской цивилизации». Это «отличие», согласно разъяснению Комэйто, состоит в том, что партия стремится внедрить «сдержанность, постоянство и гармонию» в постоянную практическую деятельность и в «борьбу за преобразования». Иначе говоря, все отличие сводится к терминологии, к введению буддийских понятий о добродетельных чертах жизни в практику умеренной, «благопристойной» оппозиционной партии.

Проповедуя идею достижения социальной «гармонии», теоретики Комэйто стремятся доказать, что японское общество уже превратилось «во вполне законченное массовое общество». «Классическая доктрина классового общества, — утверждают они, — больше неприменима к Японии... Сегодня рабочий является также и потребителем, членом общества, а иногда и хозяином, меняя свою роль в зависимости от обстоятельств. Таким образом, в результате слияния средней буржуазии и рабочего класса основа для традиционного социализма подорвана, а классовая теория больше не жизнеспособна»²¹.

Заявления подобного рода находятся в абсолютном несоответствии с действительностью японского общества, в котором повседневно сталкиваются непримиримые противоречия между интересами труда и капитала, происходят непрерывные схватки между рабочим классом и буржуазией, отражением чего являются, например, ежегодные весенние наступления японских профсоюзов. Однако это несоответствие, по всей видимости, мало беспокоит идеологов Комэйто, они озабочены другим. Им нужно подвести теоретическую базу для пропаганды своей партии как партии «всего японского народа» и тем самым добиться расширения социальной опоры партии, являющейся до сих пор довольно ограниченной. Считается, что три четверти голосов, отдаваемых Комэйто на выборах, принадлежит членам Сока гаккай²². Японские исследователи Комэйто, изучающие проблему влияния этой партии в различных классах и слоях населения, пришли к выводу, что среди тех, кто голосует за Комэйто, на первом месте находятся мелкие и средние предприниматели (их доля устойчива и составляет $\frac{1}{3}$), а на втором — рабочие и служащие, преимущественно неквалифицированные работники мелких и средних предприятий, недавно пришедшие из деревни²³. Иначе говоря, Комэйто опирается на мелкую буржуазию и на ту часть рабочего класса, которая в наибольшей степени испытывает влияние мелкобуржуазной идеологии. Представители мелкой буржуазии опре-

²⁰ Там же, стр. 14.

²¹ «Комэйто», стр. 27.

²² Сугимори Кодзи. Сэнгосьякай-но нака-но Сока гаккай (Сока гаккай в послевоенном обществе). — «Дзю», 1976, № 6, стр. 132.

²³ Хори Юкио. Комэйторон. Токио, 1973, стр. 191—193.

деляют также и лицо парламентской фракции Комэйто, составляющей своеобразную элиту в партии²⁴.

Сущность Комэйто как защитника интересов мелкой буржуазии ярко проявляется в ее экономической политике. Декларации Комэйто относительно преобразования экономической основы современного японского общества носят противоречивый характер. Они отражают недовольство мелкой буржуазии засильем монополий и в то же время ее боязнь затронуть «священное» право частной собственности. Поэтому в экономической платформе Комэйто упор делается на принцип «справедливого распределения».

Партия выдвигает лозунг построения «общества благосостояния». «Наша партия, — говорится в программе Комэйто, — на основе гуманного социализма учредит экономическую систему, которая гарантирует ответственную и свободную экономическую деятельность и справедливое распределение ее результатов, имеет целью построить общество благосостояния, в котором осуществляется как процветание общества, так и счастье личности»²⁵. Характерно, что вся экономическая часть программы ограничена только процитированным выше декларативным заявлением, предоставляя тем самым большую свободу для ее толкования.

В официальных изданиях Комэйто поясняется, что при «гуманном социализме» каждому человеку «будет гарантировано право частной собственности, а прогрессивные налоги на недвижимость и наследство устранят неравенство при распределении богатств». Вместе с тем подчеркивается, что подход Комэйто к частной собственности отличается от существующих взглядов на нее, поскольку партия обещает «защитить право граждан иметь собственность от посягательств со стороны крупных предприятий и корпораций», предотвратить «нарушение гражданских свобод» в результате их деятельности²⁶.

Комэйто не может полностью игнорировать тот факт, что действительное преобразование экономики невозможно без национализации средств производства. Поэтому в ее изданиях говорится о национализации и коллективизации средств производства, но подчеркивается, что они должны осуществляться «поэтапно» с учетом вклада предприятий в общественное производство и их эффективности. Главным же принципом экономической политики Комэйто провозглашается «гибкость»²⁷. В соответствии с этим принципом экономические требования Комэйто не выходят за пределы мелких реформ, не затрагивающих основ капиталистического строя.

Как оппозиционная партия, признающая только «средний путь», Комэйто выступает с резкой критикой правящей Либерально-демократической партии, но в то же время крайне негативно относится к тем силам внутри оппозиции, которые имеют целью радикальные изменения существующего строя. После того как на выборах в палату представителей в 1972 г. Комэйто потерпела довольно серьезное поражение, в политическую линию партии были внесены некоторые изменения: в частности, руководство Комэйто приняло решение активизировать массовые выступления против политики ЛДП, в защиту интересов народных масс, налаживая при этом сотрудничество с другими оппозиционными партиями. На XI съезде Комэйто (сентябрь 1973 г.) была выдвинута

²⁴ Там же, стр. 182, 185.

²⁵ Сато Хироюки. Программы политических партий Японии, стр. 293.

²⁶ «Комейто», стр. 39.

²⁷ «Комейто», стр. 26.

идея создания «прогрессивного коалиционного правительства среднего пути». В Японии стали говорить, что Комэйто совершила «сдвиг влево». Вместе с тем, как отмечала даже буржуазная пресса, при тщательном рассмотрении политики Комэйто «становится очевидным, что этот уклон влево имеет определенные границы»²⁸.

Действительно, идя в некоторых случаях на участие в совместных с японскими социалистами и коммунистами массовых выступлениях в защиту жизни трудящихся от экономической политики ЛДП, осуществляющейся в интересах монополий, Комэйто не допускает мысли о регулярном сотрудничестве с коммунистами и тем более их включении в «коалиционное правительство». Лидеры Комэйто при любой возможности стремятся представить КПЯ противником свободы и демократии. Они поддержали ПДС, когда эта партия подхватила развернутую средствами буржуазной массовой информации клеветническую кампанию против КПЯ и вынесла ее на арену парламента. Комэйто подвергла резкой критике подписанное в 1974 г. руководителями КПЯ и Сока таккой соглашение, в котором стороны давали обещание отстаивать интересы народа, действуя в соответствии со своими принципами, а при совпадении взглядов и совместно в борьбе «против социальной несправедливости, за народное благосостояние, вечный мир, ликвидацию ядерного оружия, против неофашизма, в защиту демократии и основных прав человека»²⁹. В конечном счете под давлением Комэйто соглашение фактически стало недействительным.

Систематические выпады Комэйто против КПЯ дали последней основание заявить, что Комэйто «в своем антикоммунистическом и враждебном прогрессивным силам курсе все более сближается в Партии демократического социализма»³⁰.

Третья японская разновидность концепции «среднего пути» — «гражданский социализм» — разрабатывалась при активном участии Сабуро Эда, одного из лидеров СПЯ, который длительное время возглавлял крупную группировку внутри этой партии. Будучи заместителем председателя ЦИК СПЯ, Эда совместно с руководящими деятелями ПДС и Комэйто выступил инициатором создания надпартийной организации сторонников «среднего пути» — «Общества размышляющих о новой Японии». В апреле 1976 г. инициативная группа этого общества одобрила проект своего программного документа «В интересах будущей Японии». В нем были изложены взгляды на так называемый «новый современный социализм» или «гражданский социализм».

Авторы концепции «гражданского социализма» заявляют о необходимости усовершенствования «индустриального общества» на основе создания контролируемой рыночной экономики, путем демократизации общества через упрочение парламентской демократии, расширение местного самоуправления и привлечение рабочих к управлению. Они обходят вопрос о собственности на средства производства, подменяя его тезисами о «максимальном регулировании экономики», «защите интересов потребителей», «перераспределении доходов»³¹. Путь к «гражданскому социализму» должен явиться процессом последовательных реформ, о сроках осуществления которых сейчас говорить не следует. По мнению сторонников «гражданского социализма», не имеет смысла

²⁸ «Daily Yomiuri», 7.IX.1973.

²⁹ «Japan Press Weekly Bulletin», 2.VIII.1975.

³⁰ Резолюция XIII съезда КПЯ. — «Акахата», 2.VIII.1976.

³¹ «Асахи», 6.VI.1976.

также устанавливать и грань между «усовершенствованным капитализмом» и началом социализма³².

Левое крыло СПЯ решительно осудило участие С. Эда в деятельности по созданию «Общества размышляющих о новой Японии», поскольку политические установки этой организации расходятся с программным документом СПЯ «Путь к социализму в Японии». На 40-м съезде партии (февраль 1977 г.) Эда не был избран в состав нового руководства СПЯ. Сразу же после съезда Эда порвал с СПЯ и вместе с небольшой группой своих сторонников образовал «Союз социалистических граждан», положив концепцию «гражданского социализма» в основу его деятельности. Основным направлением работы новой организации стала вербовка единомышленников внутри СПЯ, разложение рядов партии «извне». Буржуазные средства массовой информации подняли С. Эда на щит, убеждая в то же время японских социалистов отказаться от благожелательного отношения к марксистско-ленинской идеологии, к реальному социализму, не мыслить о революционных формах борьбы и, если они рассчитывают на завоевание симпатий широкого круга избирателей и приход к власти, перейти к «реалистической политике».

«Союзу социалистических граждан» не удалось укрепиться в политической жизни Японии, а после смерти Эда (май 1977 г.) он остался и без сколько-либо влиятельного руководителя. Вместе с тем для Социалистической партии образование этой группы не осталось бесследным. Оно явилось сигналом к дальнейшей активизации правого крыла, усилению идеологической борьбы внутри СПЯ. Эта борьба приняла особо острый характер после выборов в палату советников (июль 1977 г.). Из-за идеологических разногласий 41-й съезд СПЯ проводился в два приема (в сентябре и декабре 1977 г.) и проходил в обстановке острого противоборства различных группировок. Он сопровождался выходом из СПЯ нескольких деятелей, придерживающихся реформистских взглядов. В начале 1978 г. бывшие социалисты начали деятельность по объединению в «социал-демократическую коалицию».

В формулировках концепции «гражданского социализма» не могли не отразиться такие обстоятельства, как разработка концепции преимущественно ближайшими сподвижниками С. Эда (среди них те, кто в начале 60-х годов выдвигал японский вариант «структурных реформ»), а также участие в ее формировании представителей Комэйто и «демократических социалистов». Если второе из названных обстоятельств является ярким свидетельством идейной близости «гражданского социализма» к «демократическому» и «гуманному», то первое отразило стремление его творцов к сохранению какого-то внешнего отличия, которое могло бы привлекать к себе единомышленников из СПЯ. Эда и его сподвижники не придают огульно анафеме научный социализм, но выхолащивают его революционную сущность. Так, например, они концентрируют свои усилия на том, чтобы прежде всего представить марксизм-ленинизм как учение, обосновывающее пути революции в отсталых странах, но якобы неприменимое для стран, достигших высокого уровня развития капитализма.

Однако содержание «гражданского социализма» определяется не нюансами его формулировок. Один из главных идеологов «демократического социализма» — Х. Сато, анализируя программный документ «Общества размышляющих о новой Японии», утверждает, что этот документ не содержит ничего нового и практически идентичен концепции

³² «Гэндай-но мэ», 1976, № 9, стр. 226.

«демократического социализма». По его мнению, авторы документа ввели термин «гражданский социализм» лишь по той причине, что, во-первых, термин «демократический социализм» уже затаскан и запятан, а во-вторых, им хотелось таким путем привлечь на свою сторону увеличившиеся за последнее время слои граждан, недовольных идеологическими и политическими платформами существующих в Японии партий и «отошедших от политики»³³. Вряд ли есть необходимость в дополнительных комментариях к этому заключению специалиста, вполне компетентного в делах «демократического социализма».

Итак, мы видим, что каждый из японских вариантов концепции «среднего пути» имеет свои особенности, определяемые тем, что их авторы стремятся придать своим взглядам оригинальность, учесть специфику той среды, на которую они намерены опираться в первую очередь.

«Демократические социалисты» традиционно опираются на правое крыло профсоюзного движения, а потому их концепция направлена на то, чтобы под флагом борьбы за «социализм» обосновать практику соглашательства в рабочем движении. Выход Комэйто на политическую арену произошел в условиях дальнейшего обострения общего кризиса капитализма, когда в политическую борьбу втягиваются новые силы общества, не проявлявшие ранее особой активности, а идеи демократии и социализма распространяются на неорганизованную часть рабочего класса и средние слои городского населения, в том числе и те, которые находятся в плену религиозных верований. Это и явилось причиной того, что Комэйто, отталкиваясь от буддизма, разработала концепцию «гуманного социализма». Наконец, составители концепции «гражданского социализма» должны были думать о том, чтобы их теория могла оказаться убедительной для среды иного плана — не только для мелкобуржуазных слоев населения, но и для той части рабочего класса, которая объединена в профсоюзы боевого направления, являющиеся сейчас опорой СПЯ.

Особенности трех японских разновидностей концепции «среднего пути» не могут заслонить их общность, единую социальную сущность, которую можно характеризовать в конечном счете как апологетику капиталистического строя. Действительно, при анализе взглядов теоретиков «среднего пути» независимо от их принадлежности к ПДС, Комэйто или Союзу социалистических граждан можно отметить следующие общие черты.

Это, прежде всего, отрицание классового подхода, попытки представить партии «среднего пути» защитниками интересов «всего народа». На этой основе затушевываются классовые противоречия, ведется проповедь сотрудничества труда и капитала.

Во-вторых, теоретики «среднего пути» отрицают революционные методы переустройства, не решаются ставить вопроса о ликвидации капиталистической собственности на средства производства. Самое большее, на что они идут, — это разговоры о введении «контролируемой рыночной экономики».

В-третьих, пропаганда «среднего пути», как правило, сопровождается антикоммунизмом. Извращение опыта реального социализма, распространение превратного представления о марксистско-ленинском понимании социализма и путях его достижения — эти методы присущи

³³ Сато Хироюки. «Минсю сякайсюги»-ка «сининтэки сякайсюги»-ка («Демократический социализм» или «гражданский социализм»? — «Домэй», 1976, № 11 (220). стр. 78.

в той или иной степени деятелям ПДС, Комэйто и Союза социалистических граждан.

В-четвертых, сторонники «среднего пути» не только сами не желают сотрудничества с коммунистами, но и добиваются того, чтобы не допустить сотрудничества коммунистов и социалистов, единства в профсоюзном и демократическом движении. Они играют роль раскольников рабочего и демократического движения.

Идеологическая общность сторонников «среднего пути» подталкивает их к мысли об объединении своих усилий либо в форме коалиции, либо в форме создания новой объединенной партии. Первая из этих идей довольно активно обсуждалась в 1976 г. в рамках «Общества размышляющих о новой Японии» и получила название концепции «коалиции СПЯ, Комэйто и ПДС» («сякомин»). По существу, речь шла об организационном расколе оппозиционных сил с целью изоляции Компартии Японии. Но поскольку официальный курс СПЯ нацелен на формирование коалиционного народного правительства с участием всех оппозиционных партий, включая КПЯ, то эта концепция не получила одобрения японских социалистов. Подключение же к Комэйто и ПДС небольшой группы сторонников «среднего пути», отколовшихся от СПЯ, явно недостаточно для того, чтобы ставить вопрос о реальной борьбе за власть в составе такой коалиции, без участия первой оппозиционной партии страны.

Что касается вопроса о создании новой объединенной партии, основывающейся на принципах «среднего пути», то такая возможность, по существу, серьезно еще не обсуждалась. Видимо, наибольший интерес к ней проявляют некоторые лидеры Комэйто, исходя из того, что, будучи наиболее сильной в организационном отношении, Комэйто могла бы поглотить ПДС и тем более бывших членов Социалистической партии. Но готовы ли лидеры ПДС к растворению в новой партии под эгидой своего более сильного партнера?

Несмотря на усиленную рекламу партий «среднего пути», развернутую за последние годы в Японии, реальное влияние этих партий на определение политики страны остается довольно ограниченным. Некоторое представление об их политическом весе можно составить по результатам выборов в палату представителей японского парламента.

ПДС на первых для нее как самостоятельной партии выборах в 1960 г. смогла провести в палату представителей 17 депутатов, получила 3,4 млн. голосов. На последующих выборах ей удавалось увеличить число депутатов (до 31 в 1969 г.), но в 1972 г. ее постигло поражение, и число депутатов ПДС в палате представителей сократилось до 19. В особо благоприятной для ПДС обстановке выборов 1976 г., когда выявился серьезный кризис ЛДП, а против КПЯ была развернута сильнейшая кампания нападков, представительство «демократических социалистов» в палате снова возросло до 29 мест. Однако контингент избирателей, отдающих голоса за ПДС, независимо от числа избранных от нее депутатов на всех выборах (1960, 1963, 1967, 1969, 1972 и 1976 гг.) практически оставался неизменным. За «демократических социалистов» голосовало 3—3,6 млн. избирателей, что составляло от 8,7 (в 1960 г.) до 6,3% (в 1976 г.) от числа избирателей, принимавших участие в выборах. Приведенные цифры показывают не рост влияния ПДС, а скорее состояние застоя. Среди других оппозиционных партий ПДС отнюдь не выделяется большей представительностью в парламенте: она имеет сейчас 28 мест в палате представителей (из 511) и 11 в палате советников (из 252).

Однако это не дает оснований для игнорирования влияния ПДС, поскольку ей принадлежат руководящие позиции во втором профцентре страны — Всеяпонской конфедерации труда (Домэй), численность которой достигает 2,2 млн. членов профсоюзов ведущих отраслей промышленности.

Большие, чем у ПДС, успехи в продвижении своих представителей в парламент имеет Комэйто. Впервые выступив на выборах в палату представителей в 1967 г., Комэйто провела 25 депутатов, завоевав на свою сторону 2,4 млн. избирателей (5,3%). На следующих выборах она обогнала ПДС: в 1969 за Комэйто голосовало 5,1 млн. человек (10,9%), в 1972 г. — 4,4 млн. (8,4%) и в 1976 г. — 6,1 млн. человек (около 11%). Комэйто заняла положение второй оппозиционной партии (после СПЯ). В палате представителей она имеет к настоящему времени 56 мест, а в палате советников — 28.

Из этих данных видно, что за короткий срок Комэйто резко увеличила число голосов, собираемых на парламентских выборах. Но, как уже отмечалось выше, этот рост преимущественно определялся численностью членов Сока гаккай. Поскольку же сам рост этой организации буддистов резко замедлился, то и Комэйто, как считают в Японии, подходит к своему пределу. Такое положение вызывает беспокойство руководителей Комэйто, определяет их попытки изменить внешний облик партии, усиленное заигрывание с профсоюзами и другие шаги, направленные на расширение влияния партии за рамками Сока гаккай.

Обе партии, ПДС и Комэйто, резко активизировали свою деятельность после того, как убедились, что значительная часть избирателей охладевает к ЛДП, поворачиваясь на первых порах к поддержке умеренных оппозиционных партий и групп. Они склонны представлять это явление в качестве доказательства «реалистичности» и «эффективности» линии «среднего пути». Нельзя, однако, не заметить, что большая часть японских избирателей, не голосующих за ЛПД, по-прежнему отдает голоса не партиям «среднего пути», а СПЯ и КПЯ, провозглашающим лозунги решительных социальных преобразований.

Вместе с тем проповедь «среднего пути» наносит большой вред рабочему и демократическому движению Японии, ослабляет их, порождая иллюзии относительно возможности ликвидации пороков капиталистического строя без революционной борьбы, закрепляя существующий раскол в лагере демократических сил. В среде японских коммунистов и социалистов понимают необходимость новых энергичных усилий, направленных на то, чтобы поставить надежный заслон оппортунистической идеологии «среднего пути», не допустить ее дальнейшего распространения среди рабочего класса и всех слоев трудящегося населения.

ские знания и капиталы буржуазии для осуществления программы «четырех модернизаций».

Как и ожидалось, одним из основных вопросов, поднятых на сессии, стал вопрос о внутривластной борьбе в Китае. В своем докладе Хуа Го-фэн заявил, что со времени I сессии ВСНП четвертого созыва в стране проходила «острая и сложная классовая борьба и борьба двух линий». Подведению итогов борьбы с «четверкой» к моменту сессии и задачам дальнейшей деятельности в данном направлении посвящена почти треть выступления Хуа Го-фэна. В докладе прямо указывается, что «первостепенным делом нашего народа в настоящее время и в ближайший период по-прежнему остается доведение до конца великой борьбы за разоблачение и критику «четверки». Однако, как и на XI съезде КПК (август 1977 г.), аргументы и обвинения по поводу «подрывных действий банды четырех», приводившиеся на сессии, во многом противоречивы. По-прежнему большинство выпадов в адрес «четверки» сводится к фразам самого общего характера, типа обвинений в стремлении «ввергнуть страну в хаос», «узурпировать власть в партии и государстве», «сформировать собственный правительственный кабинет» и т. п. Вообще раздел доклада, посвященный описанию деятельности «четверки» вплоть до ее ареста, носит весьма малоубедительный и противоречивый характер. Судя по заявлению Хуа Го-фэна, за период с 1974 г. «четверка» по крайней мере шесть раз подвергалась «разоблачению», «жесточкой критике», «противодействию» и «тяжелым ударам» со стороны самого Мао Цзэ-дуна, а также высшего партийного руководства и широких партийных масс. И тем не менее, как следует из доклада, «заговорщическая», «контрреволюционная» деятельность «четверки» не только не ослабевала, но даже усиливалась. Это явное несоответствие ясно свидетельствует о том, что нынешние китайские руководители пока не в состоянии создать достаточно четкую и убедительную схему развития политической ситуации в стране в период, предшествовавший смерти Мао Цзэ-дуна. Безусловно, что главную трудность для них в этом вопросе представляет необходимость изображения наиболее ортодоксальных сторонников и последователей Мао Цзэ-дуна в виде самых яростных его противников.

Отсутствие в докладе Хуа Го-фэна конкретных фактов «заговорщической» деятельности «четверки», противоречивость в описании политических событий последних лет, в очередной раз подтверждают тот факт, что борьба нынешнего китайского руководства с «четверкой», если брать эту группу персонально, отнюдь не носила характер противоборства двух принципиальных тенденций развития общества, а являлась, по существу, верхушечной борьбой за власть.

Касаясь положения, сложившегося в Китае после устранения «четверки», Хуа Го-фэн в своем докладе подчеркнул, что ее «разгром» ознаменовал собой «новый великий перелом в революционной истории страны», устранил «крупнейшее препятствие» на пути продвижения Китая вперед. Более того, он отметил, что в «подавляющем большинстве районов, организаций и учреждений люди и дела, связанные с заговорщической деятельностью «четверки»... уже в основном выявлены и проверены» и что «работа по проверке в основном успешно завершена». Однако из этих положений доклада отнюдь не делается вывод о том, что кампании чисток постепенно идут на убыль. Наоборот, в докладе проводится мысль о необходимости продолжения, усиления и углубления репрессивных мер, проводимых нынешним китайским руководством вот уже на протяжении более полутора лет. «В ходе борьбы за разоблачение и критику «четверки», — указывается в докладе Хуа

Го-фэна, — мы должны всерьез упорядочить работу на всех фронтах. Необходимо надлежащим образом провести упорядочение в учреждениях и организациях, на промышленных предприятиях, в коммунах и производственных бригадах, в торговых предприятиях, учебных заведениях, воинских частях, словом, во всех отраслях и областях». Обращает на себя внимание тот факт, что «ключевым моментом» этого «упорядочения» Хуа Го-фэн называет «надлежащее упорядочение руководящего состава всех ступеней», то есть ставит под удар в первую очередь кадровую прослойку китайского общества, наиболее подверженную репрессиям в ходе большинства политических кампаний в Китае.

В качестве конкретных целей нынешней кампании Хуа Го-фэн ставит задачу завершения ее в течение трех лет и сплочения «95% кадров и масс». Характерно, что постоянное резервирование на протяжении многих лет пяти оставшихся процентов населения в качестве противников маоистского руководства косвенно свидетельствует о признании пекинскими лидерами неуклонного, учитывая прирост населения, увеличения общего числа своих оппонентов.

Следует полагать, что в докладе на сессии Хуа Го-фэн дал толчок началу проведения во всекитайском масштабе нового движения — движения по нанесению «двух ударов», то есть «удара по вредительской деятельности классовых врагов и удара по бешеному наступлению капиталистических сил». Это движение, проводившееся в экспериментальном порядке в некоторых районах Китая, предложено распространить на всю страну.

Формы проведения чисток и репрессий, по-видимому, будут мало отличаться от уже испытанных и прошедших проверку методов «культурной революции» и последующего времени. Призыв Хуа Го-фэна вести «на всех фронтах» «народную войну» можно расценивать как благословение на продолжение практики массовых судилищ, публичных казней и т. п. Кстати, это положение зафиксировано и в измененном тексте конституции КНР, принятой на сессии ВСНП. В статье 41 конституции прямо указывается, что при рассмотрении крупных контрреволюционных и уголовных дел следует мобилизовывать массы на осуждение и высказывание мнений на счет того, какой приговор следует вынести.

Дальнейшее развитие кампании борьбы против «четверки», расширение ее масштабов и сферы действия позволяют говорить, что она становится не только средством подавления политических противников нынешних китайских руководителей, но и орудием дальнейшего насаждения маоизма в китайском обществе методами запугивания и насилия, формой подавления сопротивления трудящихся страны маоистской политике.

На нынешней сессии ВСНП впервые за два последние десятилетия (со времени II сессии VIII съезда КПК в 1958 г.) на столь широком форуме был представлен план развития народного хозяйства Китая до 1985 г. В качестве основной экономической задачи, стоящей перед страной, вновь, как и на сессии ВСНП четвертого созыва, был выдвинут лозунг превращения Китая к концу века в «могучую современную социалистическую державу». Сессия подтвердила также и лозунг осуществления так называемых «четырёх модернизаций», в число которых, помимо задачи развития экономики и науки, входит создание в Китае «современной обороны». Эти положения нашли свое отражение в измененном тексте конституции КНР. 10-летний план развития народного хозяйства, основные положения которого приняты сессией, рассматривается как этап в выдвижении Китая в ряды передовых стран мира.

Судя по докладу Хуа Го-фэна, 10-летним планом предусматривается к 1985 г. «более чем на 85% механизировать главные виды сельскохозяйственных работ», «выйти в первые ряды стран мира по выплавке стали и чугуна, добыче угля и нефти и выработке электроэнергии, сделать относительно развитыми нефтехимическую, электронную и другие новые отрасли промышленности», «построить отвечающую нуждам промышленного и сельскохозяйственного развития сеть путей сообщения и сеть связи» и т. д. 10-летний план предусматривает к 1985 г. довести производство зерна до 400 млн. т, стали — до 60 млн. т. В течение восьми лет — с 1978 по 1985 — намечается ежегодно увеличивать валовое производство сельскохозяйственной продукции на 4—5%, а валовой промышленной продукции более чем на 10%.

То обстоятельство, что сам 10-летний план не был обнародован, не позволяет более конкретно говорить об устремлениях нынешних китайских руководителей в деле экономического развития страны. По мнению многих западных обозревателей, нынешняя экономическая программа пекинских лидеров во многом напоминает печально известные планы «большого скачка», выдвинутые Мао Цзэ-дуном ровно 20 лет назад. Сомнения в реальности достижения выдвинутых ныне показателей основываются и на всем известном факте экономической отсталости Китая (о чем говорил на сессии и сам Хуа Го-фэн), и на том, что, хотя формально начало десятилетнего плана датируется 1976 г., к его выполнению еще не приступали, и, наконец, на данных, приведенных Хуа Го-фэном: за период 1974—1976 гг. из-за политической нестабильности в стране и вызванных ею неразберихи и хаоса в сфере экономики Китай недополучил промышленной продукции общей стоимостью примерно в 100 млрд. юаней, стали — 28 млн. т, финансовых поступлений — в сумме 40 млрд. юаней.

Сомнения в реальности достижения Китаем к 1985 г. намеченных экономических рубежей возникают и в связи со все усиливающимся курсом на дальнейшую милитаризацию экономики страны. В своем докладе на сессии Хуа Го-фэн призвал «осваивать и выпускать в еще большем количестве и еще лучшего качества современные виды обычного оружия и оружия стратегического назначения».

Тема подготовки к войне пронизывает все выступление Хуа Го-фэна. «Мы должны, не теряя времени, — заявил он, — наращивать нашу экономическую и оборонную мощь ускоренными темпами. Только поступая таким образом, мы сможем оказать еще более действенный отпор возможной агрессии». Не случайно первое же заседание Постоянного комитета ВСНП, состоявшееся 7 марта, приняло постановление о введении более длительных сроков действительной военной службы для солдат. Как отмечалось в постановлении, новая система призвана «усилить боеспособность» армии.

Материалы сессии ВСНП достаточно ясно показывают, что нынешние пекинские лидеры все более обнажают свой откровенно поджигательский курс на провоцирование мировой войны. Если еще в августе 1977 г. на XI съезде КПК говорилось о том, что «нарастают факторы войны» и что «схватка сверхдержав» «рано или поздно приведет к войне», то на сессии ВСНП в феврале 1978 г. уже гораздо более откровенно заявлялось, что «опасность мировой войны все более серьезно угрожает народам мира» и что «война неизбежна». При этом международная обстановка характеризуется как «чрезвычайно благоприятная».

В полном соответствии с курсом оголтелого антисоветизма — основы внешнеполитической деятельности Пекина — Хуа Го-фэн прямо

заявил на сессии, что Советский Союз «является самым опасным очагом новой мировой войны». Как и во всех материалах последнего времени, при перечислении «сверхдержав» Советский Союз неизменно ставится на первое место перед США. Это зафиксировано и в конституции КНР, где китайский народ призывают «быть готовым» «защищать... страну от подрывной деятельности и агрессии со стороны социал-империализма (то есть СССР. — Авт.) и империализма».

Используя в качестве «теоретической основы» схему «трех миров», выдвинутую Мао Цзэ-дуном в 1974 г., Хуа Го-фэн на сессии, так же как и на XI съезде, усиленно проводил мысль о необходимости развертывания «единого международного фронта борьбы» против «двух сверхдержав». При этом явно видно стремление сосредоточить огонь на Советском Союзе, оставив США в тени или даже пытаясь привлечь их на свою сторону. Видимо, именно с этой точки зрения следует рассматривать необычно для последних лет внешне жесткую позицию КНР по отношению к Тайваню, провозглашенную на сессии. Впервые после начала китайско-американского сближения со стороны китайского руководства было сказано, что «народно-освободительная армия Китая должна полностью подготовиться к освобождению Тайваня». Тем самым, по-видимому, нынешние пекинские лидеры хотят подтолкнуть Соединенные Штаты к скорейшему разрешению тайваньской проблемы и устранению преграды в установлении дипломатических отношений между двумя странами. Это подтверждается и реверансами в адрес Соединенных Штатов, сделанными Хуа Го-фэном на сессии ВСНП.

В целом стратегический курс Пекина на международной арене по-прежнему заключается в стремлении сколотить как можно более мощный блок стран для противоборства с Советским Союзом. В этом стремлении нынешнее пекинское руководство уже давно перешагнуло Мао Цзэ-дуна и не только продолжает прежний маоистский курс в международных делах, но и во многих моментах идет даже правее.

* * *

Подводя вкратце итоги сессии ВСНП пятого созыва, следует отметить, что, за исключением широкой постановки экономических проблем, она не вышла за рамки решений XI съезда КПК. Вновь китайское руководство подтвердило свою приверженность идеям Мао Цзэ-дуна.

Оценивая результаты сессии ВСНП, нельзя не отметить, что нынешние китайские руководители по-прежнему придерживаются курса на сглаживание наиболее острых и одиозных форм маоизма. Смягчение положения в области культуры, нормализация системы образования и т. п. показывают, что пекинские лидеры постепенно освобождаются от наиболее дискредитировавших себя проявлений маоистской политики. С тех же позиций следует рассматривать и изменения, внесенные в конституцию КНР. Формальное предоставление больших прав главе государства — председателю Постоянного комитета ВСНП, восстановление институтов суда и прокуратуры и др. направлены на подгонку основного закона страны под минимальные общепринятые меры, призваны придать большую респектабельность нынешнему режиму.

Однако внешняя лакировка и замазывание темных пятен ни в коей мере не могут изменить антимарксистскую, антисоциалистическую сущность маоизма. Результаты прошедшей сессии ВСНП показали, что сущность политики, проводимой нынешним китайским руководством, осталась неизменной.

Искусство слова и время

(китайская литература в мировом литературном процессе)

*Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР*

Существует мудрая традиция — думая о будущем, обращаться мыслью к истокам, к которым восходит человеческая культура и которые продолжают сохранять свое непреходящее значение не только для минувшего. Ценности национальной культуры не есть нечто застывшее, не принадлежат лишь прошлому. Они живут и в дне сегодняшнем. Именно с этим связано одно из основных направлений советской филологии — исследование исторических закономерностей развития мировой литературы и процесса современного словесного искусства.

Свою задачу мы видим в том, чтобы в свете общемирового литературного процесса исследовать истоки и попытаться найти вехи, по которым китайская художественная мысль шла к своим главным вершинам.

В общемировом литературном процессе научный интерес представляют такие вопросы, как генезис литературы и ее периодизации в эпоху древности; связь литературы и общества в древнем мире, в свете которой должно быть прослежено проникновение классовых воззрений в литературу; роль религиозных концепций в древних литературах; вопрос соотносимости народных и аристократических тенденций в литературных памятниках. Сюда же относятся вопросы мифологического содержания литературы, традиционность художественных приемов, соотношения поэзии и прозы, развитие драматургии, литературоведения и критики.

Мы исходим из того понимания, что научные исследования филологов, историков, социологов и эстетиков, в которых проливается новый свет на различные стороны человеческого бытия, содержатся оригинальные наблюдения и творческие суждения, могут играть существенную роль в интеллектуальном развитии современного человека, в обогащении его эстетического мира.

Бывают литературные произведения, которые положительно сразу после своего возникновения приобретают всеобщее значение, становятся достижением всемирной литературы. Случается, что некоторые творения искусства, в том числе искусства слова, входят в нее не тотчас после своего рождения, а позже, спустя немалое время, быть может целые столетия. Чтобы «открыть» Омара Хайяма, как известно, Европе потребовалось около шестисот лет. До этого его творчество, по сути, оставалось неизвестным «мировой литературе». Едва ли не бла-

годаря переводам Фицджеральда в Омаре Хайяме обнаружили поэтические сокровища, которыми не перестанет восхищаться все человечество.

Несомненно, художник может иметь мировое значение, не получая мирового признания или не имея мировой славы. Бывают такие произведения, которые долго ждут своей очереди на пороге мировой славы.

В творчестве великого китайского поэта Цюй Юаня (IV—III вв. до н. э.) особенно ощутимо поистине могучее дыхание гения, для которого давно уже оказались тесны границы китайской его родины. Но понадобилось слишком много времени, чтобы страстный голос певца древности донесся до слуха других народов, а его имя достойно вошло в пантеон мирового словесного искусства. Фактом остается то, что Цюй Юань со всем смирением простоял у ворот всемирной литературы, в ожидании великого мгновения в течение двух с лишним тысячелетий.

Однако достаточно ли у нас оснований для утверждения, что судьба китайского поэта Цюй Юаня явление уникальное, исключительное, что он оказался единственным в этом смысле и что в мире, в любой его части, на Западе и Востоке, нет более нераспознанных феноменов, всемирно литературных явлений? Не слишком ли оптимистичным был бы подобный вывод и не вернее ли предполагать нечто иное, быть может совершенно обратное?

Речь, разумеется, идет не о механической регистрации фактов появления за рубежом родины автора того или иного его произведения и не о том, чтобы на этом эфемерном основании автоматически вести отсчет времени приобщения писателя к общемировой литературе. Не об этом, конечно, идет речь, равно как и не об обычных филологических фактах, время от времени, нередко случайно, публикуемых за границей, о различных национальных авторах или их произведениях. Мы имеем в виду другое, а именно вхождение того или иного национального писателя или произведения в общемировую литературу, мыслится нам, как явления органического, когда оно становится фактом живого процесса.

Литературные взаимосвязи и взаимопроникновения словесного искусства различных стран представляют собой историческую необходимость, которая содержит в себе несомненно положительные моменты и приводит к результативным последствиям взаимного освоения различными народами Запада и Востока лучших достижений мировой культуры. Именно благодаря взаимосвязям различных национальных культур люди становились гражданами мира, не переставая оставаться гражданами своего отечества. Они становились духовно богаче, расширяли горизонты своего эстетического мироощущения и учились лучше понимать и ценить подлинно художественные достижения, отнюдь не утрачивая собственных самобытных начал словесного искусства.

Это не просто мнение или всего лишь частная точка зрения, но историческая истина, объективность которой подтверждается всем опытом развития общемирового литературного процесса. Понимали это многие на Западе, так же как и на Востоке.

В этом отношении интерес представляют мысли, высказывавшиеся в свое время русскими исследователями восточных культур. Известный китаевед С. Георгиевский обращал внимание на настоятельную необходимость научного подхода в разработке проблем истории китайских философских учений и культуры. Он настойчиво призывал к изучению

«духовных принципов Китая»¹ этических и эстетических взглядов китайского народа, видя в этом единственную возможность объективного понимания и оценки его великого творческого наследия.

Подобные соображения содержатся также в одной из работ известного синоведа Н. Зоммера, в которой находим его высказывание о необходимости «поосновательнее вникать в рассмотрение Китая, достойного по своей древнейшей цивилизации полного внимания всякого образованного человека»².

Эти положения и взгляды не могли не быть приняты наукой во внимание, ибо они дают основание для соответствующего подхода и обобщений о развитии в Китае, начиная с древнейших времен, оригинальных философских учений и самобытных начал в китайской литературе и искусстве.

Европоцентристский схематизм

Серьезной помехой на пути связей и взаимовлияний литератур различных стран было глубоко негативное отношение со стороны Запада ко всему, что не считалось соответствующим царившему там миропониманию либо признавалось противоречащим философским и эстетическим его воззрениям. В афористическом постулате Киплинга о фатальной несовместимости культур двух очагов — Запад есть Запад, а Восток есть Восток, сойтись им никогда не суждено — была сформулирована сущность концепции антимиров в самом откровенном виде. История достаточно красноречиво свидетельствует о применявшихся приверженцами европоцентризма формах и методах третиования Китая, его материальных и духовных ценностей, которые неизменно выдавались за нечто отсталое, экзотическое, чуждое западной цивилизации, враждебное европейской морали и духу. Это означало эстетическое непонимание Китая, как и Востока вообще, невежественное игнорирование большой и самобытной литературы и искусства, созданных в процессе многовекового творчества китайского народа. Они тем самым утверждали, будто общие законы исторического развития человечества и культуры не для всех народов, но лишь для избранных.

Непосредственно с этим взаимосвязана и вся система европоцентристских взглядов, господствовавших на протяжении многих столетий. Пережитки их все еще продолжают и в наше время существовать как своего рода остаточные явления перенесенного недуга.

Общезвестно, например, довольно распространенное мнение, будто мировую литературу представляет лишь литература европейская как в виде ее исторического наследия, так и в нынешнем состоянии. Приверженцы этой концепции руководствуются соображениями отнюдь не территориального или географического, но идейно-эстетического, духовного характера. Иными словами, общемировая литература, согласно этому взгляду, возникла и создавалась благодаря появлению произведений словесного искусства, воплощавших так называемый «европейский дух» и «европейскую традицию». Поэтому осмысление самого творческого процесса и всех художественных ценностей человека, по этой философии, возможно лишь сквозь призму европейской цивилизации. Своеобразная монополия европоцентризма выработала свои стереотипы и схемы. Если речь заходит о зарождении материалистиче-

¹ С. Георгиевский. Принципы жизни Китая. Спб., 1888. Предисловие.

² Н. Зоммер. Об основаниях новой китайской философии. Ученые заметки Казанского университета за 1851 г., стр. 167.

ских идей, то все сводится к античной Элладе, если затрагивается проблема первоисточков диалектического мышления, то все относится на счет древнего Эфеса и т. п. Та же система взглядов господствует и в области художественного творчества, искусства, эстетики. Английский литератор Макс Мюллер в конце прошлого столетия высказывался в условно-сослагательной манере, что, если бы китайские ученые приблизили к нам свою древнюю литературу, если бы они показали нам, что в ней есть «нечто нас касающееся», нечто «не просто старое», а вечно юное, китайские исследования могли бы занять свое место в общественной оценке рядом с индоевропейской, вавилонской и египетской научными школами. А до этого всему суждено пребывать без перемен.

Восток для приверженцев европоцентризма неизменно оставался вне поля зрения, словно он не существовал и ничего достойного внимания не привнес в сокровищницу общечеловеческих ценностей. Ни древнейших очагов культуры, ни шедевров литературы и искусства, ни великих имен художников в восточных странах будто не было и нет вообще. Европоцентризм «отлучал» восточные страны от общественно-исторического прогресса и общемирового литературного процесса.

К сожалению, подобной ограниченностью миропонимания страдали многие крупные мыслители и литераторы прошлого, в том числе даже Гегель, который в своих «Лекциях по истории философии», как известно, отказывал восточным народам в самобытности их мировоззрения, рассматривая философские и эстетические их учения не более как совокупность религиозных представлений. О гегелевском этом заблуждении, явившемся, вероятно, следствием недостаточной его осведомленности и по причине невежественных переводов иезуитских фанатиков, можно было бы и не упоминать, если бы суждения его не перекликались с концепциями западноевропейских «цивилизаторов».

Среди перепевов подобных взглядов, несколько видоизмененных форм, мотивов и интерпретаций можно назвать рассуждения В. Соловьева в его статье «Китай и Европа», в основе которой лежат тенденциозные выводы, противоречащие исторической реальности. «Абсолютная пустота или безразличие как умозрительный принцип и отрицание жизни, знания и прогресса как необходимо практический вывод, — провозглашает автор, — вот сущность „китаизма“»³. На чем, возникает вопрос, основано столь категорическое заключение? К китайским первоисточникам, как известно, доступа автор не имел, иероглифическим текстом не владел, китайского языка не знал. Подобно многим другим, В. Соловьев всецело опирался на те же невежественные интерпретации миссионерских талмудистов.

Именно отсюда вытекают умозаключения В. Соловьева о непросвещенности, духовной бесплодности и бессодержательности китайской философии и культуры, которая будто бы «не дала миру ни одной великой идеи и ни одного вековечного и безусловно ценного творения ни в какой области». В. Соловьев доходит до того, что «китайцы — народ большой, но не великий. В этом народе не было и великих людей».

Вторя необузданным рассуждениям В. Соловьева, другой автор, А. И. Иванов, в своей работе «Материалы по китайской философии» стремился убедить читателя в «поразительном отсутствии» у китайцев творческой силы воображения в области трех наиболее мощных выражений сущности человеческого духа — поэзии, религии и философии⁴.

³ В. Соловьев. Собр. соч., т. VI, Спб., 1913, стр. 127.

⁴ А. И. Иванов. Материалы по китайской философии. Введение Спб., 1912.

Оставаясь в плену собственных заблуждений, авторы странных этих суждений отворачивались от всего исторического и культурного наследия китайского народа, не видя ни философских памятников, в которых заключен грандиозный синтез многовекового развития человеческого мысли, ни литературных монументов — «Книги песен», «Книги истории», танской поэзии, юаньской драмы, — ни бессмертных творений поэтических гениев «Чуских строф», «Юэфу», «Сунцы», которые стоят в ряду высочайших образцов общемирового словесного искусства.

Всего этого, однако, не склонны были замечать приверженцы европоцентризма, не дававшие себе труда открытыми глазами взглянуть в подлинную, а не вымышленную ими же самими историческую реальность Востока. Только этим и можно объяснить нелепость утверждения В. Соловьева, что китайская литература, «за исключением нескольких истинно поэтических песен и сказок, какие бывают у всех народов, даже совсем некультурных», лишена всякого эстетического значения, не обладает никакой художественной ценностью.

Нельзя не согласиться с А. А. Петровым, который в своей работе «Философия Китая в русском буржуазном китаеведении» отмечал, что в сопоставлениях и попытках провести исторические параллели между Востоком и Западом все преимущества последнего усматриваются в христианстве, в монотеистической религии как основе и цементирующем элементе западных культур⁵. Так концепция превосходства всего западного исходит и строится на апологии христианства. Китайские идеологии как в их философском плане, так и в их модификациях в народных верованиях осуждаются как нехристианские, не «освященные идеей единого божества».

Невольно возникает вопрос, каковы же причины столь негативного отношения ко всему чужому, к литературе и искусству других стран, восточных народов, причины провозглашения тезиса об абсолютном превосходстве западных идеологий, европейской цивилизации?

Доктрина о «бессодержательности», «бесплодности» и «пустоте» китайской культуры и искусства, несомненно, имела свое стратегическое назначение. Она должна была обосновать необходимость заполнения «китайского вакуума» соответствующим идейным содержанием. На основе чего же? В. Соловьев дает нам исчерпывающий ответ: на основе «идей всемирного прогресса как пути для достижения истинной жизни», «идей мирового прогресса и царства божия», обретение которых мыслимо лишь на «иудейско-христианской почве»⁶, и западного гуманизма просвещенной Европы. Речь, таким образом, идет не просто о «заблуждениях», а о господствующем методе мышления, об «идеале вселенского христианства», отрешение от которого «равносильно полной утрате самой причины нашего исторического существования»⁷.

Догматы азиацентризма

Другая крайность — так называемый азиатский центризм, который порой выдвигается в качестве антитезы европоцентризму.

Попытки идеализировать Восток и возводить его культуру, как и образ мышления восточных народов, в абсолютную степень превосход-

⁵ См. А. А. Петров. Философия Китая в русском буржуазном китаеведении. Библиография Востока. Вып. 7, М. — Л., Изд. АН СССР, 1935, стр. 27.

⁶ В. Соловьев. Собр. соч., т. VI, Спб., 1913, стр. 133—134.

⁷ Там же, стр. 136.

ства над всем остальным миром, над всеми другими народами и культурами, безусловно, в такой же мере противоречит научной объективности, как и концепция европоцентризма.

Так, например, известный японский ученый Сибано Рицудзан (1734—1807), прославившийся как ортодоксальный конфуцианец, утверждал: «Хотя варвары (то есть европейцы. — Н. Ф.) и не способны понимать китайские книги, они могут делать выводы из личных наблюдений». Речь идет о том, что «европейским варварам», по мнению этого автора, не доступен мир человеческой души, нравственных и этических идеалов, свойственных азиатским народам. Другой японский литератор — Охаси Дзюдзи (1816—1862) высказывал это без всяких обиняков: «Европа не знает мудрости», «Европа не знает Неба», «Европа не знает гуманности и справедливости».

Подобная ситуация наблюдалась и в Китае, где продолжавшаяся веками почти непроницаемая замкнутость свидетельствует о стремлении отгородить себя глухой стеной от внешнего мира. При этом в основе концепции, оправдывающей самоизоляцию Китая, как мы знаем, лежала доктрина о китайской исключительности и превосходстве над всеми другими народами и странами мира. Все традиционно китайское ее приверженцами преподносилось в качестве искомого идеала и использовалось в глубоко консервативном духе.

Дух национальной кичливости был несовместим с «развратной» Европой и «заморской дьявольщиной». Выступая против «чужевластия идей и мод», они стремились противостоять западноевропейским влияниям и не признавали ничего, кроме создания культуры по принятым издревле правилам и конфуцианским канонам. Сторонники доктрины самоизоляции и сохранения «истинно китайской самобытности» проповедовали национально-шовинистические идеи, усматривая в этом спасительную для себя возможность сохранения «национальной чистоты» — гоцуи, консервативных общественных институтов, феодально-патриархального своего господства в Китае. Ясно, однако, что опасность отчуждения отечественной культуры от национальных традиционных истоков представляет собой искусственное противопоставление национального общечеловеческому. Все это в такой же мере нелепо, как и бездумное преклонение перед всем иноземным людей, утративших чувство национального достоинства.

Для великоханьского национализма всегда были характерными идеи превосходства китайской расы над другими народами и странами. И потому его представители претендовали на особые привилегии носителей сверхцивилизации, на некую мессианскую роль в истории человечества.

«Границы Китая расположены в самом центре Поднебесной, — писали Хэ Ци и Ху Ли-дань. — В Поднебесной климат Китая самый лучший, горы и холмы самые прекрасные, реки и моря самые судоходные, почвы самые плодородные, полезные ископаемые самые богатые. Его столица, этикет и законы, мораль — самые древние, самые совершенные и самые прекрасные»⁸.

Идея превосходства Китая получила свое выражение в работе Цзоу Жуна, писавшего в частности: «Наш Китай имел данные для того, чтобы держать в своих руках весь мир, потрясать весь земной шар, опекать другие государства, притеснять пять континентов. Только один Китай имеет два миллиона квадратных ли земли, четыреста миллионов способных граждан, историю, насчитывающую более пяти тысяч

⁸ Хэ Ци, Ху Ли-дань. Сянь чжэн чжи цюань.

лет, политику, созданную двумя императорами и тремя князьями, он расположен в теплом климате, народ его разумен, ресурсы богаты, реки обильны. Ни у одного государства на земле нет этого»⁹.

Журнал «Дунфан цзачжи» (№ 6, 1907 г.) подчеркивал ассимиляторские способности китайской нации, благодаря которым она неизменно одерживала верх: «Наша нация сильна тем, что она ассимилирует другие национальности, она никогда не была побеждена другими нациями»¹⁰. Журнал «Далу» в свою очередь изображал китайскую расу как нацию, одаренную непревзойденными качествами: «Способности китайцев в производстве и экономике являются в человеческом обществе превосходящими. Общество представляет собой объединение индивидов, а китайцы являются самыми выдающимися индивидами»¹¹. Упомянутый нами выше Цзоу Жун подчеркивал, что китайская раса — «это самая особенная раса в истории Дальнего Востока»¹².

Не может не привлекать внимания и доктрина экспансионизма китайской нации, выдвинутая известным реформатором Лян Ци-чао. «Есть одно великое дело, — писал он, — ради которого наши предки трудились непрерывно пять тысяч лет. Что это за дело? Я называю его «расширением китайской нации». Сначала наша китайская нация представляла собой всего лишь несколько маленьких племен, проживающих в Шаньдуне и Хэнани. В течение тысяч лет они росли, росли, росли и выросли в великую нацию, создавшую огромное и величественное государство. Наша нация росла двумя путями: первый путь — это ассимиляция бесчисленных народностей внутри и за пределами наших границ, второй путь — это переселение из года в год людей нашей нации к границам и расширение территории... История в течение пяти тысяч лет шла этим путем»¹³.

На развитие общественной мысли в Китае оказывали влияние и вековые наслоения реакционных великоханьских националистических идей, подогреваемых правящими классами и используемых ими в борьбе с прогрессивными идеями Запада под флагом защиты китайской самобытности, путем изоляции страны от внешнего мира. Характеризуя эту сторону китайского общества, Сунь Ят-сен писал: «Изоляционизм Китая и его высокомерие имеют длительную историю. Китай никогда не знал выгод международной взаимопомощи, поэтому он не умеет заимствовать лучшее у других, чтобы восполнить свои недостатки. То, чего китайцы не знают и не в состоянии сделать, они признают вообще невыполнимым». Сунь Ят-сен отмечал далее, что «Китай очень высоко оценивал свои собственные достижения и ни во что не ставил другие государства. Это вошло в привычку и стало считаться чем-то совершенно естественным»¹⁴.

Незрелость общественных теорий, их расистско-националистическую окраску китайские реакционные общественные и политические деятели пытались оправдать специфическими особенностями китайской нации, многовековой культурой, якобы возвышающей Китай над остальным миром и в наше время¹⁵.

⁹ Цзоу Жун. «Гемин цзюнь». «Синьхай гэмин», Шанхай, стр. 333.

¹⁰ См. С. Л. Тихвинский. Национализм и классовая борьба в Китае в новое время. — «Вопросы истории», 1971, № 11, стр. 71.

¹¹ «Далу», 1903, № 3.

¹² Цзоу Жун. «Гемин цзюнь». «Синьхай гэмин», Шанхай.

¹³ Цит. по: В. А. Кривцов. Маонизм и великоханьский шовинизм. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1, стр. 81—82.

¹⁴ Сунь Ят-сен. Избр. произв. М., 1964, стр. 250, 251.

¹⁵ См. Ленин и проблемы современного Китая. М., 1971, стр. 10.

Известный гоминьдановский идеолог Дай Цзи-тао считал китайскую культуру настолько совершенной и универсальной, что распространял ее на другие страны и народы, невзирая на существующие у них политические системы. Другой консервативный теоретик Лян Сунмин утверждал, что конфуцианская культура обладает таким совершенством, что будущая мировая культура станет китайской культурой. Когда культура Запада иссякнет, по его словам, Запад неизбежно повернется к «китайскому образу жизни»¹⁶.

Видный буржуазный реформатор Кан Ю-вэй, движимый националистическими чувствами, развивал в своих работах идеи китайского гегемонизма. «Если в дальнейшем в стране не возникнет бунт, — писал он, — то безразлично, какие марионетки у нас будут сидеть в правительстве, мы станем гегемоном мира»¹⁷. В этом же духе выступал китайский журнал «Гоминьбао», писавший в статье «Китай XX века»: «Китай безусловно имеет все данные для того, чтобы воинственно смотреть на мир, устрашать и потрясать земной шар, распорядиться государствами и теснить пять континентов»¹⁸.

Идеи великоханьского национализма и китаецентризма были вновь подняты на щит в ходе «великой пролетарской культурной революции», во время которой, наряду с движением против всего иноземного, мысль о мировой гегемонии Китая нашла свое выражение в виде призыва «утвердить знамя идей Мао Цзэ-дуна на всем земном шаре» и мессианского обязательства «освободить все человечество» (данное положение в виде обязанности членов партии включено в Устав КПК на IX съезде в 1969 г.).

В этом же духе выдержана общая передовая статья «Жэньминь жибао», «Хунци» и «Цзефан жибао» от 6 ноября 1967 г., опубликованная в разгар «культурной революции». В этой установочной статье содержится такое утверждение: «В настоящее время мир уже вступил в новую эпоху революции под великим знаменем идей Мао Цзэ-дуна. В конце XVIII в. центр революции находился во Франции. В середине XIX в. он переместился в Германию, где пролетариат вышел на историческую арену и возник марксизм. В начале XX в. революционный центр переместился в Россию, где возник ленинизм. Затем революционный центр постепенно переместился в Китай, где возникли идеи Мао Цзэ-дуна. В ходе великой пролетарской культурной революции Китай как центр мировой революции стал еще более крепким, еще более могучим». К этому надо добавить высказывание Мао Цзэ-дуна о том, что Китай — центр мировой революции, и он должен стать военным, техническим центром мира, «центром производства вооружения в интересах мировой революции».

В этой же связи следует рассматривать и войну, объявленную гуманизму и человечности, широко развернутую маоизмом и в печати с помощью средств массовой информации. В ходе «культурной революции» на страницах «Жэньминь жибао» была опубликована 19 января 1968 г. статья под откровенным заголовком «О контрреволюционной сущности гуманизма». В ней, в частности, говорилось, что «гуманизм стал центральным лозунгом контрреволюционного ревизионистского курса»¹⁹.

¹⁶ Лян Сунмин. «Дунси вэньхуа цзи ци чжэсюэ» (Культура Востока и Запада и их философия), 1922, стр. 203.

¹⁷ См. Ю. В. Чудодеев. Накануне революции 1911 г. в Китае. М., 1966, стр. 183.

¹⁸ «Гоминьбао», № 1, 10.V.1901.

¹⁹ Подробно см.: А. Н. Желоговцев. Антигуманизм — основа культурной политики Пекина. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 3.

Гуманизм, согласно маоистским идеологам, может быть лишь буржуазным, реакционным, контрреволюционным. Никакого другого гуманизма, включая социалистический или коммунистический, по их утверждению, не существует. «Подлинная любовь к человеку,— читаем у Мао Цзэ-дуна,— возможна, но лишь после того, как во всем мире будут уничтожены классы»²⁰.

Нет нужды подробно разбирать антисоциалистическую точку зрения маонизма, несовместимую с научным коммунизмом, марксистско-ленинским учением. «Марксизм,— поясняет Б. С. Рюриков,— разоблачил антигуманность эксплуататорского общества, он очистил гуманизм от всего, что ослабляло его, лишало его принципы действительности, делало их отвлеченными... Маркс назвал свой гуманизм реальным, тем самым отграничивая его от туманных и расплывчатых понятий, мешающих ясно и точно определить суть подлинной человечности»²¹.

Национальное и общечеловеческое

Есть свои проблемы у каждого народа, у каждой литературы. Есть общие проблемы для всех народов и литератур, которые едва ли возможно осмыслить без учета художественного опыта, искусства слова.

Известно, сколь широкое хождение приняла в Европе концепция неких герметичных, замкнутых в самих себе «культурных типов» или «типов цивилизации», широко представленная О. Шпенглером и А. Тойнби в их многочисленных работах. Но мы знаем, что у этих западных теоретиков был предшественник — русский реакционный социолог Н. Данилевский. Именно ему принадлежит утверждение, что «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа» и что, следовательно, «понятие об общечеловеческом» вообще «не имеет в себе ничего реального», то есть общечеловеческого «нет в действительности»²².

Подобная система взглядов противоречит действительному положению вещей, несовместима с методологией научного исследования. Национальное и народное есть продукт общественной истории человечества, а не раз навсегда данное природное качество. Именно с общественным развитием связаны и источники творчества, собственные начала отечественного художественного слова любого народа, независимо от географического его положения на Западе или Востоке. Речь идет о словесности, которая, по мысли А. С. Пушкина, рождается сама собою, от своих собственных начал. По сходству эстетических воззрений и литературным судьбам искусство слова различных народов, начиная с изустной народной словесности, с первоисточков народного творчества, таит в себе единообразные закономерности общественной природы, восходит к первоосновным, общечеловеческим началам. В искусстве слова, как и в самой жизни, обнаруживаются все те же первородные и порождающие факторы. Но благодаря творческой деятельности человека порождается бесконечное количество сочетаний и вариационных рядов, которые в свою очередь образуют нескончаемое многообразие понятий в художественном постижении жизни, в отобра-

²⁰ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Пекин, 1969, т. 3, стр. 112.

²¹ Б. С. Рюриков. Реальный гуманизм. М., 1972, стр. 453, 447.

²² Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Спб., 1871, стр. 94, 138.

женни окружающего человека мира. Все это и представляет собой единство в природе — единство разного, единство множества первоэлементов, единство неодинаковостей, различного в их подвижности и развитии, а не в статичности.

Марксистское понимание требует диалектического подхода и к исследованию проблем народного и национального как художественного продукта, существующих специфики и самобытности, проблем интернациональной общности и общечеловеческих начал в словесном искусстве. Именно эта методологическая предпосылка указывает нам и направление поисков нераспознанных сторон и неизвестных еще аспектов общемировой системы литературного развития, выявлять их, в частности, в различных литературах восточных народов, долгое время остававшихся вне поля зрения европейского литературоведения. В этом одна из не последних задач марксистской литературоведческой науки.

Буржуазная социология оказалась неспособной разрешить проблему национальной специфики и интернациональной общности в духовной жизни, в литературе и искусстве того или иного народа. Одна из причин здесь — метафизическая методология, которая лежит в основе идеалистических концепций в этой области.

Утверждая в противоположность идеалистическим теориям историко-материалистическую основу исследования проблем национального и общечеловеческого, мы исходим из того толкования, что всеобщее, интернациональное всегда национально и что национальное — всегда так или иначе интернационально, общечеловечно. В своем фрагменте «К вопросу о диалектике» В. И. Ленин отмечает: «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее»²³.

Однако, чтобы национальное стало общечеловеческим, интернациональным, необходимо несколько условий: значимость, глубина, поучительность, масштабность событий и явлений национальной жизни, избранных в произведении, талант, высокая степень художественного обобщения. Именно этими качествами обладают наиболее зрелые произведения литературы, в которых заложены определенный эстетический метод, мировоззренческие принципы и высокие идеалы их создателей.

Исследование восточных литератур, которое приобрело у нас глубоко научный и систематический характер, привносит много нового в понимание существа литературы как общественного явления со своей специфической природой, а также в понимание литературного движения в зависимости от внутренних законов развития словесного искусства и во взаимосвязи с общественно-историческим процессом. Мы знаем, что Восток в своем движении отнюдь не всегда отставал от Запада в материальном и духовном его развитии. Напротив, достоверно известно, что цивилизации восточных народов в определенные общественно-исторические периоды опережали западные народы. Начать с того, что именно Восток явился наиболее ранним очагом древнейших культур человечества и что время вхождения в историю у восточных народов наступило намного ранее, чем это произошло у европейских народов. Уже это одно обстоятельство создавало определенное преимущество в дальнейшем их движении на протяжении многих поколений, вплоть до эпохи феодализма.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

На широких просторах общечеловеческого движения Восток во многом шел своим путем, вырабатывая свое миропонимание и методы постижения окружающей реальности в соответствии со спецификой исторических условий, возможностей материального и духовного развития, социальных отношений, утверждая жизнь в существовавшей географической среде, которая представляла собой отнюдь не нечто постороннее или малозначащее для трудовой и интеллектуальной деятельности восточных народов, как и народов других частей мира.

Несмотря, однако, на тысячелетия развития культур Востока, достигших не только высокой степени в области духовной, но и большого совершенства в культуре материальной — в цивилизации, «все великие достижения Востока, — отмечает академик С. Ольденбург, — сделаны при слабом развитии математики и наук, исследующих окружающую нас природу. Понимание этой природы, процессов ее жизни, жизни нашей планеты, солнечной системы и, вообще, окружающего нас мира оставалось всегда чрезвычайно недостаточным на Востоке... Ясно то гигантское, почти сверхчеловеческое напряжение, которое должен был делать Восток, ясна та исключительная глубина интуиции, которая должна была обнаружиться, чтобы сделать возможными необыкновенные достижения Востока в области творчества духа: философии, искусства, даже в технике... Достижения Востока в указанных областях не меньше, часто даже выше достижений Запада, но основа их иная... Очень скоро Запад начинает чувствовать потребность в точном понимании явлений окружающей его природы, его не удовлетворяют здесь туманные полуответы Востока...»²⁴.

Именно поэтому внимание ученых привлекают многие аспекты восточного мира. Существовавшие в старину формы землевладения, природа сельской общины с ее чрезвычайной устойчивостью, роль городов и торговых связей, особенности многоукладного характера экономики в феодальном обществе и т. д. В этой связи ведутся исследования и проблем жизненной почвы искусства и литературы, влияние и взаимосвязи материального и духовного творчества древности, в том числе философии и эстетики эллинизма, исторически более ранних для восточных стран, чем для европейских, после падения Римской империи, а также в последующие эпохи.

Между тем сама европейская литература отнюдь не автохтонна. Она немало восприняла от других культур. В сущности, европейская культура нового времени является наследницей не только Греции и Рима, но и средневекового Востока. Именно на это обратил внимание Сисмонди, посвятивший специальную главу арабской культуре средних веков в своем труде «Исторический обзор литературы юга Европы». Характерно, что Сисмонди, подобно другим современным ему авторам, в понятие арабской культуры включал также различные сведения о среднеазиатской культуре, например данные о творчестве Ибн Сины.

Маркс в своем конспекте книги Сисмонди «Исторический обзор литературы юга Европы» отмечает: «Арабы открыли химию. Агрικультура испанских арабов имела наиболее научную основу. Бумага, отсутствие которой погрузило Европу в VII—X веках в состояние невежества и варварства, является изобретением арабов. В XIII веке по настоянию кастильского короля Альфонса X в христианских государствах Испании были основаны бумажные фабрики, откуда это открытие лишь в XIV веке перешло в Тревизо и Падую. Открытия арабов посте-

²⁴ «Восток», кн. 1. Пг., 1922, стр. 4—5.

пенно были перенесены в Европу лицами, которые остались нам неизвестны, причем были заимствованы из страны, где они к этому времени были знакомы каждому»²⁵.

Развитие культур в странах Востока мы должны рассматривать в широкоохватном историческом плане. Взгляд в прошлое помогает нам рельефнее увидеть общую картину явления в материальном и духовном развитии Запада и Востока. В судьбах народов мира, особенно в последнее полу столетие, произошли беспрецедентные по своей значимости и масштабам социально-исторические сдвиги. Глубина и динамизм их с поразительной силой проявились в странах Азии и Африки, где так долго царил черная ночь колониализма. Вместе с национальным раскрепощением в жизни народов этих континентов стремительное развитие получила культура, художественное творчество, эстетическая мысль, которые всячески подавлялись поработителями. Раскованность духовных сил, рост влияния словесного искусства в освободившихся странах и расширение их международных связей стали существенно воздействовать на общемировой литературный процесс.

Знаменательна при этом всевозрастающая роль реалистического направления в развитии национальных литератур, в творческой практике передовых писателей и поэтов стран Азии и Африки. Особое значение в этой связи приобретает для них художественный опыт советской многонациональной литературы, идейные и эстетические завоевания социалистического словесно-речевого искусства.

Характерно и то, что первостепенный интерес писателей стран Азии и Африки вызывает поразительный прогресс в национальных литературах восточных народов Советского Союза, совершивших в последнее десятилетие гигантский скачок в развитии художественной культуры. Расцвет национальных литератур и искусства советского Востока, у народов которого до Октябрьской революции была та же трагическая участь, что и у некоторых народов зарубежного Востока, представляет собой еще одно весомое доказательство всей несостоятельности европоцентристской доктрины противопоставления культур Запада и Востока.

Понятия «Восток» и «Запад» — категории исторические. Введение их в научное и литературное обращение — условно, а не абсолютно. Научная методология нередко прибегает к условной дифференциации и подразделениям в различных областях познания. И рассматривать это обозначение следует не как нечто извечное и статичное, а как подвижное и меняющееся вместе с социально-историческим развитием человечества. Это, конечно, не означает, что не существует самих литератур восточных и западноевропейских со всем их своеобразием и самобытностью, поэтикой и эстетическими системами взглядов, различиями и сходством мироощущения, видения жизни и т. д. Не об этом, разумеется, идет речь.

Мы говорим о другом, о том, что расчленение общемировой литературы на самодовлеющие и изолированные друг от друга литературы Запада и Востока, противопоставление словесного искусства европейских народов азиатским и африканским на зыбкой почве метафизической загадочности «европейской души» или «восточного духа», с нашей точки зрения, представляется искусственным и бездоказательным. Никакой пропасти или непроницаемой железобетонной стены, фатальным образом разделяющих художественные культуры народов Восто-

²⁵ Г. Фридендер. К. Маркс и мировая литература.— «Иностранная литература», 1970, № 1, стр. 209.

ка и Запада, в действительности не существовало и не существует. Указанные буржуазные концепции и умонастроения, с какой бы экстремистской крайности они не шли — европоцентризма или азиацизма, — представляются нам заблуждением либо намеренным искажением литературно-исторической реальности.

Важнейшим методологическим принципом научного коммунизма является положение о всемирно-историческом процессе, о единстве истории человечества, о диалектическом взаимодействии различных цивилизаций, культур, которые в мировом процессе перерабатываются в единую, объемлющую весь мир цивилизацию будущего.

Диалектическое осмысление общемирового литературного процесса ведет к заключению, что литературы народов Европы и Азии, Африки и Латинской Америки невозможно рассматривать как нечто замкнутое, изолированное и отчужденное друг от друга. Напротив, литературы различных континентов и стран постоянно находятся во взаимной связи, соприкосновении и взаимопроникновении. Различными путями и способами они воздействуют друг на друга, в той или иной мере оказывая влияние на взаимное изменение словесного искусства по существу и форме. При этом процесс этот развивается собственными путями и в соответствии со свойственными ему закономерностями, определяемыми движением и прогрессом человеческой истории и культуры.

Вот почему есть основание говорить об общемировом литературном процессе, воплощающем единое целое, которое возникает на почве различных национальных литератур, представляющих интегральные составные части этого целого.

Существование множества различных явлений, наполняющих картину словесного творчества, не теряя своей национальной оригинальности и своеобычности, проникается единой закономерностью, обеспечивающей целостность общемирового литературного процесса в его взаимодействии и слитности. Из этого вытекает и соответствующий методологический смысл и понятия, указывающие на необходимость многозначного анализа, сопряжения разнородных фактов, выявления диалектических связей всего со всем.

Проблема национального своеобразия и самобытности

Диалектическая методология исследования в области философских воззрений и художественной культуры в частности позволила объективно подойти к оценке восточной гуманистической литературы, ее идейному содержанию и эстетике и показать, что здесь многое достигнутого уровня, до которого западным литературам предстояло подниматься в течение длительного исторического развития.

«Гордые своими точными знаниями, мнящие себя первыми в мире, — писал академик Ольденбург еще в 1922 г., — европейцы, столкнувшись ближе путем науки с Востоком, поняли, что справедливо было это старинное чувство очарования восточным миром, что мудрость и красота его нужны нашей жизни, которая станет беднее без нее. Европейцы поняли, что только Восток показал полную духовную мощь человека, громадную непосредственную силу его мысли и чувства, которая была так велика и без могучего оружия знания. В этом сознании европеец черпает веру в будущее этого изумительного человека.

Без Востока мы бы этого не знали, ибо наши начинания в глубокую старину — детский лепет в сравнении с достижениями Востока»²⁶.

Достаточно, например, упомянуть, что понятие о гуманизме и возникновение конфуцианской этико-моральной системы взглядов на основе учения о жэнь (гуманность, человечность) восходят к VI—V в. до н. э. Известно также, что это учение оказало существенное воздействие на все дальнейшее развитие духовной жизни и художественной культуры китайского народа. Разумеется, развитие это отнюдь не было свободно от противоречий и непрестанной борьбы, что в полной мере соотносится с закономерностями исторической диалектики. Мы знаем, что конфуцианство, использовавшееся правящими силами феодализма, играло реакционную роль и служило тормозом в развитии материальной и духовной культуры китайского народа. И в этом, несомненно, одна из причин «задержанного средневековья», слишком затянувшегося феодального господства, которое накладывало определенные путы на социально-экономические и политические изменения в Китае и препятствовало созданию национальной буржуазии как класса, господствующего в сфере производства.

Застойный характер социально-экономического, политического и культурного развития Китая и был обусловлен затянувшимся на многие века господством феодализма, на что неоднократно указывали классики марксизма. Еще в начале XX в., характеризуя состояние китайского общества, В. И. Ленин писал: «Феодализм основывался на господстве земледельческого быта и натурального хозяйства; источником феодальной эксплуатации китайского крестьянина было *прикрепление* его к земле в той или иной форме...»²⁷

Условия сурового режима изоляции Японии, где в XVI—XVII вв. законы жестоко карали за стремление покинуть страну и где за всякую попытку приобретения заморских книг грозила смертная казнь, несомненно способствовали поддержанию мировоззрения и духовной жизни средневековья, торможению развития и популяризации прогрессивных взглядов во всех областях духовной жизни, литературного творчества и искусства. Характеристика существовавшей тогда обстановки содержится в работе Тояма Сигэки: «...Оценки явлений жизни производились в отрыве от сложной действительности, на основании догм, стоящих над действительностью, исходя из трафаретных абстрактных идей о подчиненности снизу доверху, о разделении на «избранных» и «варваров», о добре и зле»²⁸.

Существенным, с нашей точки зрения, представляется наблюдение Т. П. Григорьевой²⁹ о различии в существе японского и европейского Просвещения, как оно характеризуется Ю. М. Лотманом в работе «К проблеме типологии культуры». Ю. М. Лотман пишет, в частности: «Идеи Просвещения, положив в основу всей своей организации культуры оппозицию «естественное» — «искусственное», резко отрицательно относятся к самому принципу знаковости. Мир вещей — реален, мир знаков, социальных отношений — создание ложной цивилизации. Существует то, что является самим собой; все, что «представляет» что-либо иное — фикция. Поэтому ценными и истинными представляются непосредственные реакции: человек в его антропологической сущности,

²⁶ «Восток», кн. 1, Пб., 1922, стр. 5.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 403—404.

²⁸ Тояма Сигэки. Мэйдзи-исин. М., 1959, стр. 78.

²⁹ См. Т. П. Григорьевой. О методе сравнительного изучения восточных и западных литератур. — Сборник «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока». М., 1970, стр. 188.

физическое счастье, труд, пища, жизнь, воспринимаемая как определенный биологический процесс. Лишенными ценности и ложными оказываются вещи, получающие смысл лишь в определенных знаковых ситуациях: деньги, чины, кастовые и сословные традиции. Знаки становятся символом лжи, а высшим критерием ценности — искренность, освобожденность от знаковости»³⁰.

Тогда как Япония XVIII в., по замечанию Т. П. Григорьевой, вполне соответствует средневековой модели, при которой «вещь, представляющая самое себя (служащая практическим целям), занимает в структуре культурного кода место низшей ценности в отличие от вещи, являющейся знаком чего-либо иного — власти, святости, благородства, силы, богатства, мудрости и т. д.»³¹.

В известной мере с этим связано и то, что Китай, как и другие восточные страны, был не в состоянии преодолеть вторжение колониализма западных стран, в которых капиталистические отношения уже получили свое развитие и глубоко проникли в сферу производственных отношений. Всеизвестно, однако, сколь пагубны были последствия проникновения западноевропейского колониализма и какой трагический для китайского народа ущерб был нанесен национальной экономике и культуре Китая.

Мысли Маркса во «Введении» к «Критике политической экономии» о том, что определенные периоды расцвета искусства (а также, вероятно, сопредельные ему сферы — философия, эстетика, духовное сознание вообще) не находятся «ни в каком соответствии» с развитием материальных сил общества. Характерно, что Маркс говорит об этом не только в отношении к эпохе расцвета античного искусства, но и в более общей форме: *«Неодинаковое отношение развития материального производства, например, к художественному производству»*. Вообще понятие прогресса не следует брать в обычной абстракции»³².

В действительности исторические процессы воздействуют на искусство, в том числе на искусство слова, не путем прямой, непосредственной связи между экономической основой и явлениями искусства, а через диалектику человеческого сознания.

Изложенное ведет нас к тому, что неравномерность развития различных стран и народов, проявив свою действенность в области социально-экономических отношений, не могла не сказаться и в сфере духовной жизни и художественного творчества на Востоке.

В силу существования полуфеодальных и полуколониальных условий в Китае, определенных этических и эстетических традиций, которые глубоко укоренились в жизни страны и которые усиленно охранялись консервативными силами, новые общественные интересы и требования к художественному творчеству не встречали удовлетворения. Напротив, они вызвали меры подавления и пресечения как идущие вразрез с прежними канонами литературы и искусства. Это означало, что дальнейшее развитие словесного творчества должно было подчиняться прежним эстетическим нормам, которые господствовали в Китае, столь долгое время пребывавшем в средневековом состоянии. Именно по этим, как и по ряду других причин, в Китае происходило запоздалое развитие реалистического художественного метода со всем жанровым и стилевым многообразием в современном его понимании, то есть реализма как цельной

³⁰ Ю. М. Лотман. К проблеме типологии культуры. — «Труды по знаковым системам», Тарту, т. III, 1967, стр. 36.

³¹ Там же, стр. 34.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 736.

словесно-художественной системы изображения или отображения действительности. В этом также кроется одна из причин того, что литературный процесс в Китае не знал некоторых дифференцированных этапов, через которые прошло идейно-художественное развитие в западно-европейских странах. В частности, насколько позволяют нам судить имеющиеся данные литературоведческой науки, Ренессанс, как он понимается применительно к европейскому, видимо, не оказался для Китая обязательным. Что касается гуманизма как тенденции, как неотторжимой особенности человеческой природы, как признака и свойства человеческого разума, то, разумеется, его элементы обнаруживаются едва ли не в любой цивилизации, любой культуре.

Бесспорным представляется то, что развитие творчества в целом происходит на путях художественного познания человеческой общественной сущности. Причем сам процесс этот в каждой литературе и искусстве приобретает свои черты и специфические особенности, которые иногда совпадают или весьма близки. Однако это вовсе не может служить основанием утверждения о том, что аутентичны и сами сущности явлений литературы и искусства в различных странах в различные исторические периоды. Из этого вытекает необходимость сопоставлять не отдельные элементы и частности, но целостные явления или структуры, характеризующие суть эпохи.

В этом смысле и процесс словесного искусства в Китае мы вправе рассматривать как форму реализации общечеловеческих закономерностей развития человечества, но отнюдь не как некую разновидность европейской модели или норматива.

Обращают на себя внимание в этой связи иные рассуждения в некоторых наших востоковедных работах. В них выделяются два подхода: один — когда работы создаются авторами, прилагающими свои априорные концепции к материалу истории или литературы, второй — когда работы пишутся авторами, изучающими конкретный материал и которые на его основе вырабатывают свое понимание исторического или литературного процесса. Имеется при этом в виду, что для первых характерно наличие известной философской презумпции, определяющей всю философско-историческую концепцию; для вторых показателем эмпиризм — следование изучаемому материалу и определенность выводов этим материалом.

При подобной классификации методик исследования явно обнаруживается противопоставление теоретических концепций эмпирическому изучению. Последний представляется как бы лишенным теоретической основы и являет собой элементарное следование изучаемому материалу. Тогда как первый в соответствии с такой классификацией обладает определенным предвидением, философской отрешенностью, а следовательно, — озарен научным провидением.

Такое толкование, естественно, не может не вызвать сомнения: каковы же, однако, научные корни подобного дара провидения? На какой почве возникает эта философская концепция? Если в основе ее лежат не факты, не исторические реалии, а лишь умозрительность и воображение, то разве не вправе мы усомниться в научной ее ценности? Сопереживания эти, по нашему убеждению, относятся и к подходу в отношении литературного процесса в Китае, к конкретному исследованию фактического материала в его действительном состоянии, в том его виде, в каком он реально существует, но не в том, каким мы хотели бы его видеть в свете сконструированной нами самими же концепции. Фактический материал — и только он — должен лежать в основе нашего анализа и заключений, а не втискиваться искусственно в прокрустово ложе

наших собственных умопостроений и абстракций. Истина, как известно, всегда конкретна. И, согласно диалектической методологии, путь к ней один: от конкретного к общему, подтверждение общего на конкретном.

Следовательно, подходить к решению нашей проблемы нужно не с позиции априорно возникшего стереотипа, сотворенного по подобию и образу европейских моделей, а объективно, с учетом реального пути развития словесного искусства китайского народа. Опираясь при этом не на личное воображение, каким бы заманчивым оно нам ни представлялось, а на научный анализ фактов литературного процесса в Китае, раскрывая природу явлений китайской литературы, исходя из ее собственной сущности.

В этой связи важно, чтобы текст литературного памятника рассматривался как непосредственная действительность, действительность мысли, ощущений, переживаний, волеизъявлений. Без текста нет объекта для исследования и мышления. Без текста нет и не может быть почвы для обобщений, научных построений, концепций. Каковы бы ни были цели исследования, исходным и основополагающим началом может и должен быть только текст, оригинальный памятник, то есть конкретный литературный материал. Подлинный, достоверный. И верно прочтенный.

В основе культур и цивилизаций Востока и Запада, духовного и материального развития человечества всегда присутствовало гуманистическое начало, стремление к постижению человеческой сущности, хотя пути развития, поступательность и дифференцированность этапов развития художественного творчества по сути доминирующих идей остаются различными. Что касается Китая, то уместно напомнить, что гуманистическое начало восходит к доисторическому периоду к эпохе Конфуция, учение которого, по замечанию Фань Вэнь-ланя, содержит два аспекта — внешний и внутренний. «Внешним выражением конфуцианского учения, — утверждает китайский историк, — являются обряды и музыка, а внутренним содержанием его — человеколюбие и долг»³³. Известно при этом, что человеколюбие, то есть гуманность, выражаемая иероглифом «жэнь» (примечательно, что возникновение самого этого знака относится к эпохе Конфуция), является главным внутренним содержанием понятия о конфуцианской этике. «Если человек не обладает человеколюбием, — утверждал Конфуций, — к чему тогда говорить об этике и музыке?»³⁴

Доктрина о гуманности — «жэнь», по Конфуцию, регламентировала поведение людей, требуя неукоснительного выполнения каждым человеком своего долга, который формулировался как соблюдение «сяо» — сыновней почтительности в отношении родителей, «ти» — послушания, или любви младшего брата к старшему, и, наконец, «чжун» — учтивости к вышестоящему, включая правителя³⁵.

Гуманизм, на наш взгляд, играл важнейшую роль в художественном творчестве всех народов, во все времена. И в наш век гуманизм — главный вопрос искусства. Литература, одухотворенная великими и выстраданными идеями подлинного гуманизма, несомненно, революционна по самой своей природе и сути. В наше время гуманизм обретает новый смысл и новую меру, хотя и в прошлом он был знаменем передовых человеческих устремлений, художественной воли. В гуманизме нашего времени содержится и унаследованное, и вновь творимое.

³³ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958, стр. 170—171.

³⁴ «Луныюй чжэнь», т. 1, Шанхай, 1935, стр. 44.

³⁵ См. Фань Вэнь-лань. Указ. соч., стр. 170.

Все это ведет нас к выводу о том, что неодинаковость или неоднородность путей развития порождает неодинаковость форм и средств в достижении цели, в приближении к идеалу, что в свою очередь связано с возникновением различных исторических систем.

Короче, концептуальность должна вытекать из исследования жизненной почвы, действительного литературного процесса, а не сводиться к попыткам именовать или выдавать за новаторство произвольность, искажающую реальность. Иначе, как гласит восточное речение, не избежать нам «подрезания ног к обуви». Другими словами, не использовать концепции для подмены ими истории литературы, а из самих фактов истории литературы выводить и создавать концепции. Тем более недопустимо навязывать концепции живому процессу литературного развития, выдавая это за диалектический метод, марксистскую науку. Таким путем можно дойти до маоистского лозунга: «С помощью теории вести за собой историю», означающего, что изучать историю следует, исходя из теории и концепции, а не из конкретных исторических фактов. Приверженцы подобной точки зрения словно влекомы неким деспотическим соблазном во всем и везде непременно искать оправдание умозрительным своим построениям и непогрешимости собственной ортодоксии.

Привело это к тому, что влияние маоистских взглядов на литературоведение в Китае еще до «культурной революции» обусловило упрощенное толкование функции литературы в обществе («феодалская литература обслуживает класс феодалов»), в чисто утилитарном отношении к отечественной классической («учиться литературной технике, использовать старые формы») и к иностранной культуре («ставить иностранное на службу китайскому»). Таящийся в этом тезисе национализм получил свое выражение в призыве «китаизировать теорию литературы и искусства». Именно в этой связи некоторые авторы «находили» в трактате древнекитайского литератора Лю Се «Резной дракон литературной мысли» категории эстетики нашей современности, тогда как иные «доказывали» китайский приоритет тем, что в ханьских старинных сочинениях насчитываются сотни персонажей, а в европейских — всего несколько десятков, либо тем, что китайским драматургом Гуань Хань-цином создано около семидесяти пьес, тогда как Шекспиром — всего тридцать семь...

Помимо утверждения «приоритета», некоторые китайские исследователи доходят до прямого утверждения расовой обусловленности исторического прогресса цивилизаций Запада и Востока: «До XV в., — возмущает современный историк Чжоу Гу-чэн, — ведущее место в мировой истории занимали азиатские народы, то есть люди желтой расы; после XV века оно постепенно перешло к европейцам, то есть к людям белой расы»³⁶.

Чжоу Гу-чэн, очевидно, пытается обнаружить причину того, что на смену Востоку являвшемуся носителем исторического прогресса, пришел Запад, всецело в расовых различиях: ведущее место тут перешло от людей желтой расы к людям белой расы. Иными словами, Чжоу Гу-чэн стремится убедить нас в том, что именно расовый принцип лежит в основе исторического развития и движения цивилизаций, а не социально-классовый характер, как это давно уже доказано марксистской наукой. Что же это, как не ревизия и не извращение марксистско-ленинского учения о классовой борьбе как движущей силе истории?! Разве не ведет все это к принятию расистской теории?

³⁶ Чжоу Гу-чэн. Всемирная история без принципа всемирности. Приложение к сборнику «Историческая наука в КНР». М., 1971, стр. 259.

И здесь трудно не согласиться с мнением Т. П. Григорьевой, отмечающей, что при сравнении литератур, как правило, принимается во внимание то, что лежит на поверхности, а не подспудно: психологические стереотипы, метод мышления, тогда как именно угол зрения, взгляд на вещи, принципы художественного творчества, то, что появилось в результате конкретного исторического и эстетического опыта науки, отличается один народ от другого. «Тайна национальности каждого народа, — говорит нам В. Г. Белинский, — заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи»³⁷.

Принимая нормы европейской поэтики за универсальные, справедливо замечает Т. П. Григорьева, исследователи японской литературы (а мы добавим, не только японской, но и других восточных литератур, в частности — китайской) ищут и находят в ней те же методы — романтизм, реализм, те же приемы, принципы типизации, те же жанры, то есть весь художественный арсенал западной литературы, оставляя за японской право на оттенки национального своеобразия. Но на почве буддийского мышления не мог появиться реализм в нашем понимании, ибо нельзя реалистически описывать то, что само по себе, по буддийскому мирозерцанию, нереально, иллюзорно... Японские художники и поэты думали не о том, чтобы передать реальную действительность (она все равно для них нереальна), а о том, чтобы выявить трансцендентную, скрытую суть вещей (с точки зрения буддизма — единственную реальность). Видимое несущественно, и потому быть близко к нему не имеет смысла, но и быть далеко от него нельзя, ибо в нем скрыто истинно сущее³⁸.

Автор приведенного выше разбора, разумеется, подвергает анализу японские мировоззренческие системы и эстетические взгляды исторически определенного периода, взгляды, получившие свое выражение в традиционной литературе, в художественной практике японских писателей и поэтов, в основе творчества которых лежали эстетические принципы дзэн и которые оказали огромное воздействие на японскую культуру. Их словесное искусство, как известно, представляло основное направление в литературном процессе Японии, хотя известные элементы других творческих и эстетических направлений, в том числе реалистического, в нем также присутствовали. После проникновения западно-европейской эстетики в Японии в конце XIX в. наблюдаются заметные сдвиги в художественном творчестве, в том числе усиление реалистического искусства, социальной прозы в японской литературе и т. п.

Возникновение и развитие новых течений и веяний в японской литературе обуславливались определенными социально-историческими причинами — незавершенной буржуазной революцией Мэйдзи (1868), лишь провозгласившей «новое общество», а затем японо-китайской войной 1894—1895 гг., вызвавшей обострение социальных противоречий в стране, крестьянские бунты, рабочие стачки и т. д. Следует при этом иметь в виду существенную особенность литературно-исторического развития Японии, которая в короткое полу столетие XX в. выдвинулась на самый передний рубеж научно-технического развития как крупнейшая капиталистическая держава. Среди ряда причин это объясняется, в частности, жадным и стремительным усвоением важнейших достижений западной науки и культуры. Примечательно, что Японии принадлежит ведущая роль в области издания иностранной литературы, в том числе художественных произведений зарубежных авторов. Интенсивное обогащение

³⁷ В. Г. Белинский. Собр. соч., т. III, М., 1948, стр. 506.

³⁸ Т. П. Григорьева. Указ. соч., стр. 190.

американским и европейским опытом позволило Японии в предельно сжатый срок добиться превращения в наиболее развитую и могущественную державу не только на Дальнем Востоке.

Известно также, что еще ранее, до революции Мэйдзи и после нее, Япония испытывала нечто подобное при ознакомлении с материальной и духовной культурой континентальных стран. И тогда, столь же стремительно овладев всем, что было создано цивилизацией соседних народов, Япония совершила громадный прыжок в экономическом и культурном движении, весьма успешно применив у себя приобретенные знания и опыт. Вне всякого сомнения, столь быстрого прогресса в материальном и духовном развитии, в том числе в литературном творчестве и искусстве, и достижении его больших высот во всех областях в максимально короткое время Японии едва ли удалось бы достигнуть лишь в пределах собственных своих усилий, без ее связей и взаимодействия с культурами других стран мира.

Если мы обратимся к литературному процессу в древнем, средневековом, феодальном Китае, то здесь обнаруживается иное своеобразие идейно-эстетической обстановки. В течение чрезвычайно длительного времени китайское словесное искусство находилось под огромным воздействием главным образом конфуцианской этико-моральной системы взглядов, а также существовавших рядом религиозных учений: отечественного даосизма и пришедшего из Индии буддизма. Существенно при этом то, что конфуцианство и даосизм — продукты одной эпохи — крайние и противоположные ее проявления в человеческом сознании. Конфуций, как известно, давал уклончивый ответ на обращенный к нему вопрос относительно того, существует ли потусторонний мир. Мудрец ограничился замечанием, что это ему неизвестно. Даосизм, который, как и конфуцианство, являлся порождением самобытно китайским, признавал и проповедовал мир чудес и сверхъестественных духов, мистику и таинственность. Противоположность между этими двумя мировоззренческими системами существовала на всем протяжении китайской истории. По существу, здесь отображались противоположности социальные как их реальная основа на различных этапах движения китайского феодализма. Глубокое влияние буддизма, который в определенные эпохи добивался господствующей роли в духовной жизни Китая, в значительной мере усложнял социальную и идеологическую среду, в которой развивалось словесное искусство в стране.

Воспринимая и насаждая иноземную буддийскую религию, правители страны, сами императоры различных китайских династий в то же время являлись верховными жрецами своего народа, наместниками неба на земле и в этом смысле сами еще неотделимы от всей системы конфуцианских догм и традиций, игравших первостепенную роль в духовной жизни китайцев. Конфуцианский культ предков и моральный кодекс семейной патриархальности почти неизменно занимали господствующее положение, несмотря на широкое распространение даосских магическо-религиозных верований и покровительство буддизма при дворе. На алтарь неба постоянно приносились пышные дары, жертвенные животные, провозглашались клятвы и молитвенные заклинания. В народе, находившемся в полной зависимости от стихийных сил природы, обожествлявшем силы эти и боровшемся с ними с помощью различных магических средств, бытовали старинные суеверия и приметы, гадания и заговоры, древние запреты, вера в чудеса, чародейство, таинства иероглифических писем и т. п. С древнейших времен особой популярностью обладали даосские легенды об эликсире бессмертия и

различных волшебных средствах, возвращающих молодость, о сказочных землях, загадочных превращениях и оборотнях и т. п.

Все эти многосложные и противоречивые явления в духовной жизни китайского народа не могли, конечно, не находить своего отображения в словесном творчестве и искусстве, порождая своеобразие и специфику в китайской поэтике, художественных методах, жанрах и стилях, в эстетических учениях и взглядах, которые в известном смысле сформулированы, например, в китайском крылатом афоризме: «Когда рисуешь дерево, нужно чувствовать, как оно растет».

Высказываемые нами соображения отнюдь не означают, что мы должны изучать самобытные черты и особенности китайского словесного искусства в отрыве от других литератур мира. Напротив, мы решительно за исследование восточных литератур, в том числе китайской, во всех аспектах и с точки зрения опыта европейских литератур, выявляя сходные явления в словесном творчестве различных народов, в периодизации истории литератур, дифференцированных этапов в художественном развитии отдельных литератур и т. д. Необходимость и оправданность научных поисков в этом направлении, разработка проблемных, типологических вопросов, построение гипотез не может вызывать каких-либо сомнений вообще. И хотя, по высказанной как-то мысли Пуанкаре, наука — это кладбище гипотез, едва ли было бы разумно отказываться от них, помня, однако, что гипотеза сама по себе еще не представляет решение проблемы и не может приниматься нами в качестве окончательного вывода, не может служить научным основанием, чтобы считать ее истиной. Короче, аксиомой она может стать лишь путем доказательств, построенных на объективных фактах конкретной историко-литературной реальности. Иной подход научная методология справедливо отвергает.

Несомненным представляется то обстоятельство, что отсутствие связей у любой литературы с зарубежными литературами, как всякая изоляция творческого процесса, не может не отражаться на тех или иных сторонах словесного искусства, его развитии, на взаимном обогащении своеобразными идеями и выразительными средствами, постоянно возникающими в литературах различных стран и народов. В ходе взаимосвязей и взаимодействия литературы добиваются более полного и многообразного отображения жизни всего окружающего человека мира как благодаря тому, что вбирают в себя все новое и наиболее совершенное, так и в результате борьбы со всем преходящим, наносным и чуждым эстетическим идеалам и художественным ценностям человечества.

В непрестанной и многосложной борьбе различных течений и школ, теорий и методов, постоянно возникающих в словесном творчестве, наиболее жизнестойкими и плодотворными оказываются именно те, что с наибольшей полнотой и проникновенностью способны отобразить историческое движение времени, социальную реальность и глубинные процессы в жизни народа, важнейших его достижений в духовной и материальной деятельности. В равной мере это относится как к литературам Запада, так и к литературам Востока.

Сочетание опыта и традиций западноевропейских и восточных литератур с отечественными — такова единственно плодотворная эстетическая позиция.

Сотрудничество ученых СССР и МНР

*Ш. Б. Чимитдоржиев,
кандидат исторических наук*

Культурное и научное сотрудничество между нашими народами и странами имеет богатую традицию. Еще в XVIII в. в России возникло научное монголоведение. Развитие этой ветви русского востоковедения было связано прежде всего с общим ростом русской культуры, развитием университетского образования, деятельностью Академии наук, поездкой на Восток многочисленных экспедиций. Российское монголоведение в XIX — начале XX в. имело определенные успехи. Кафедры монгольской филологии в Казанском и Петербургском университетах являлись центрами научного монголоведения. Монгольский язык, литература и история изучались в высших и средних учебных заведениях России, шла подготовка практических и научных кадров монголоведов; был собран и изучен большой материал по прошлому и настоящему монгольских народов, в особенности в области языка и литературы, произведены значительные этнографические и археологические исследования, на базе которых были созданы учебные пособия, изданы научные труды. Значителен вклад в изучение Монголии членов академических геолого-географических и историко-культурных экспедиций, работавших в Сибири, в Монголии и других районах Центральной Азии. Достаточно назвать экспедиции конца XIX — начала XX в. Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, П. К. Козлова, В. А. Обручева.

Продолжая лучшие традиции русской школы монголоведения, советское монголоведение выросло и окрепло на основе марксистско-ленинской методологии. Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новому периоду в развитии научных связей с зарубежными странами. Советское государство, поставившее науку на службу социалистического строя, всегда выступало за активные международные связи, научные контакты и сотрудничество. Успешному развитию этих контактов способствовали исторические акты Советского правительства, направленные на укрепление дружбы с народами Востока. Следуя

указаниям В. И. Ленина, советское государство установило равноправные отношения с соседними странами Востока, в том числе с Монголией. Победоносная народная революция 1921 г. в Монголии привела к установлению дружественных отношений между нашими странами. Исключительно важное значение для развития монгольской революции, для советско-монгольских отношений имели беседы В. И. Ленина с монгольскими революционерами в 1920, 1921 и 1922 гг.¹ В. И. Ленин не только обосновал возможность и необходимость некапиталистического пути развития для Монголии, но и высказал принципиальные положения относительно конкретных условий успешного продвижения по этому пути, в частности относительно поднятия уровня просвещения и культуры монголов.

Советско-монгольское культурное и научное сотрудничество в 20—40-х годах строилось на основе Соглашения от 5 ноября 1921 г., подписанного правительствами РСФСР и Монголии, которое положило начало всестороннему сотрудничеству наших стран.

Одна из самых важных задач культурно-строительства в МНР состояла в ликвидации неграмотности и создании системы народного образования, без которой невозможно было развитие науки в стране. Своих кадров просвещения было крайне мало, поэтому 8 марта 1922 г. Народное правительство приняло постановление о приглашении советских педагогов-консультантов для оказания помощи в постановке народного образования². Подготовка монгольских национальных кадров в учебных заведениях Советского Союза была одной из основных форм нашего культурного сотрудничества. В 1923 г. была направлена в Москву, в Коммунистический университет народов Востока группа монгольской молодежи из 10 человек. В 1924 г. при Ленинградском университете, в 1925 г. при Иркутском университете и ряде других вузов СССР начали функционировать подготовительные курсы, на которых юноши и девушки из МНР проходили общеобразовательную подготовку перед поступлением в специальные средние и высшие учебные заведения Советского Союза. В 1930 г. в Улан-Удэ был открыт

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 232—233. См. также: В. И. Ленин. Монгол тухай. Улаанбаатар, 1960.

² Сб. Советско-монгольские отношения. 1921—1974. Документы и материалы. Т. 1. Москва — Улан-Батор, 1975, стр. 73.

Монголрабфак, который был «призван подготовить из батрачества и бедноты монгольского аратства кадры для дружественной нам Монголии»³. Монгольская молодежь обучалась также в городе Кяхте.

В 1922 г. устанавливаются связи между Академией наук СССР и Ученым Комитетом Народной Монголии. Постоянные контакты с советскими учеными сыграли большую роль в становлении и укреплении этого научного центра МНР.

В 1923—1927 гг. на территории Монголии работала монголо-тибетская экспедиция, возглавляемая П. К. Козловым. Она занималась изучением географии Монголии и Тибета, археологическими исследованиями на территории Монголии, а также сбором зоологических и ботанических коллекций.

В 1925 г. при Совете Народных Комиссаров СССР была создана Комиссия по изучению Монголии (Монгольская Комиссия), которая осуществляла координацию исследовательских работ, проводившихся советскими и монгольскими учеными, организовывала крупные и разнообразные по тематике экспедиционные работы в МНР и публикацию научных трудов. Эта Комиссия вплоть до 1955 г. направляла в Монголию научные экспедиции, которые в содружестве с монгольскими учеными занимались изучением истории, экономики и культуры МНР, принимали участие в разработке научных основ развития производительных сил страны.

Одним из первых советско-монгольских официальных документов о научном сотрудничестве явилось Соглашение между Монгольской Комиссией АН СССР и Ученым Комитетом МНР от 5 июля 1926 г. об организации экспедиций в Монголию. Соглашение предусматривало снаряжение 8 экспедиций, из которых 6 экспедиций направлялись в центральные аймаки МНР, 2 — в западные аймаки. В их число входили: геологическая и археологическая экспедиции, экспедиции по изучению фауны и флоры, структуры почв, экспедиция по изучению языка, быта населения.

В 1929 г. Ученым Комитетом МНР и АН СССР был разработан «Пятилетний план научно-исследовательских работ на территории Монголии» и подписан договор о совместных научных исследованиях в 1930—1934 гг.⁴

Деятельность советских экспедиций с участием монгольских ученых была огромным вкладом в хозяйственное и культурное строительство Монгольской Народной Республики, в подготовку национальных кадров ученых. Советско-монгольское научное сотрудничество в 20—30-х годах способствовало усилению работы по всестороннему научному изучению Монголии, улучшению

деятельности монгольских научных учреждений. Это сотрудничество способствовало расширению научных знаний советских людей о Монголии, о монгольских народах, дало много ценного фактического материала для сравнительного изучения Монголии и сопредельных с ней районов. Советские и монгольские ученые активно сотрудничали в создании научной медицины в МНР, в исследовании проблем, связанных с восточной, индо-тибетской медициной. Первые ростки научной медицины в Монголии возникли в середине 20-х годов, когда в результате деятельности советской медицинской экспедиции было организовано Управление здравоохранения, имевшее в своем составе европейскую поликлинику.

Еще более широкое развитие советско-монгольское научное сотрудничество получило на социалистическом этапе развития МНР, в 1940—1977 гг. Несмотря на тяжелое военное время, в 1942 г. при содействии Советского Союза был открыт Монгольский государственный университет. Создание университета было началом развития высшего образования в МНР и подготовки кадров высшей квалификации внутри страны. Деятельность Комитета наук МНР (так назывался с 1930 г. Ученый Комитет) стала еще более плодотворной, чем в предыдущее двадцатилетие. Были открыты новые отделы и кабинеты, оснащенные научным оборудованием, полученным из Советского Союза. Проводились совместные научные и научно-практические исследования. При помощи советских геологов в 1941—1945 гг. было проведено 13 геологоразведочных экспедиций. В 1940—1946 гг. работали совместные монголо-советские экспедиции по изучению географии, по рациональному использованию пастбищ и почв, по выявлению возможностей выращивания овощей и культурных злаков.

Основой дальнейшего развития культурного и научного сотрудничества СССР и МНР в 40—60-х годах явилось Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве от 27 февраля 1946 г.⁵

Смешанная советско-монгольская комиссия разработала первый ежегодный план культурного и научного сотрудничества.

Еще более расширились связи ученых двух стран в результате подписания Соглашения о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Комитетом наук и высшего образования МНР в декабре 1960 г. Соглашение предусматривало координацию научных исследований, оказание взаимной научной помощи, обмен опытом между родственными научными учреждениями, взаимное приглашение на научные конференции, содействие установлению связей между научными учреждениями, архивами и библиотеками, оказание взаимной помощи

³ ЦГА БурАССР, ф. 462, оп. 1, сд. хр. 3, л. 42.

⁴ Советско-монгольские отношения, стр. 167—177.

⁵ Бугд Найрамдах Монгол Ард Улсын гадаад харилцааны баримт бичгуудийн эмхтгэл, 1 боть, Улаанбаатар, 1964, стр. 53.

в приобретении материалов, приборов, литературы, фотокопий, микрофильмов.

22 мая 1961 г. решением ЦК МНРП и правительства МНР на базе Комитета наук и высшего образования была учреждена АН МНР. Создание АН МНР явилось знаменательным событием в истории Монгольской Народной Республики, имело огромное значение для дальнейшего развития страны по пути социализма.

Академии наук наших стран совместно решают многие актуальные проблемы. Успешному решению этих проблем способствует подписанное в апреле 1967 г. новое Соглашение о научном сотрудничестве между Академиями двух стран. Срок действия Соглашения не ограничен, и оно «будет оставаться в силе до тех пор, пока одна из сторон не уведомит за 6 месяцев другую сторону о своем желании аннулировать данное Соглашение». В этом документе записано, что «Академия наук СССР и Академия наук МНР будут осуществлять научное сотрудничество, основными формами которого будет совместное проведение исследований по общей методике и программе, в том числе экспедиций, взаимное командирование ученых, координация работ по важнейшим проблемам, представляющим взаимный интерес, оказание помощи в подготовке научных кадров, а также обмен научной литературой и информационно-справочными изданиями».

С первых лет нашего сотрудничества Советский Союз оказывал и продолжает оказывать помощь в подготовке монгольских национальных кадров. Согласно плану сотрудничества, наша страна направляет своих профессоров и педагогов в монгольские учебные заведения, помогает учебными пособиями, учебным и научным оборудованием. Практикуется обмен студентами и аспирантами. Группа советских студентов и аспирантов обучается в МНР, проходит там научную и педагогическую практику. Так на деле осуществляется подготовка в МНР советских монголоведов. В настоящее время в советских вузах обучаются свыше 3 тыс. юношей и девушек из Монголии более чем по 100 специальностям. За прошедшие десятилетия с дипломами советских вузов вернулись на родину более 16 тыс. человек — инженеров и врачей, строителей и агрономов, педагогов и экономистов⁶. Они организовали Ассоциацию монгольских выпускников советских учебных заведений, которая в начале 1977 г. отметила свое пятилетие. Сотрудники научных учреждений МНР регулярно проходят стажировку в ведущих научно-исследовательских институтах АН СССР, получают квалифицированную научную консультацию у крупнейших ученых Советского Союза.

В содружестве с советскими учеными Монгольская Академия наук проводит значительную исследовательскую работу в об-

ласти животноводства, земледелия, селекции и медицины. Совместно выполняются исследования и в других областях естественных и технических наук. Монгольские физики вместе с учеными СССР и других социалистических стран принимают активное участие в исследованиях Объединенного института ядерных исследований в Дубне. Сотрудники молодого Института физики и математики АН МНР при помощи и поддержке ученых Советского Союза и других стран социалистического содружества добились крупных успехов в области современных ядерных исследований. Ощутимы плоды научного и научно-технического сотрудничества советских и монгольских ученых во всех областях научных исследований.

Факты свидетельствуют о том, что в истории советско-монгольского научного сотрудничества важное место занимают советско-монгольские совместные экспедиции. Значение результатов деятельности совместных комплексных экспедиций можно показать на итогах деятельности некоторых из них.

50 лет назад началось научно-техническое содействие Советского Союза в поисках и разведке полезных ископаемых на территории МНР. Сотрудничество геологов двух стран постоянно крепнет и развивается. Комплексные экспедиции монгольских и советских геологов добились больших успехов. В настоящее время они вместе с учеными из стран — членов СЭВ организовали международную геологическую экспедицию, которая ведет комплексные поиски на территории Монголии. Эта экспедиция уже выявила многочисленные месторождения угля, железной руды, цветных металлов, нефти, стройматериалов и других полезных ископаемых. Следует отметить значительные результаты, достигнутые советскими и монгольскими учеными в деле выявления закономерности пространственного размещения, прогнозирования и поисков важнейших полезных ископаемых на территории МНР и сопредельных районов СССР.

В 1975 г. подведены итоги пятилетней деятельности монголо-советской комплексной биологической экспедиции. В научных исследованиях экспедиции принимали участие сотрудники более 30 научных учреждений обеих стран. Этой экспедицией (в работе ее ежегодно участвовали 80—100 специалистов с каждой стороны) проделана огромная работа по установлению видового состава, особенностей существования и распространения растительности, животного мира и почв МНР, по выявлению и оценке наиболее важных природных сырьевых ресурсов и разработке биологических основ рационального использования и улучшения природной кормовой площади и лесов Монголии, а также экономическому обоснованию создания кормовой базы животноводства страны на ближайшие годы⁷. Биологиче-

⁶ Д. Дорждэрэм. ЗХУ-ын тусламж, аж уйлэвэрийн хөгжил. — «Унэн», 4.1.1976.

⁷ «Новости Монголии», 12.IX.1975.

ская экспедиция занималась также выявлением новых данных о генезисе флоры и фауны северной части Центральной Азии, охватывающей Монголию и многие районы нашей страны. Решением Президиумов АН МНР и АН СССР совместная комплексная биологическая экспедиция продолжает свою работу в 1976—1980 гг.

Значительны успехи советско-монгольской палеонтологической экспедиции, объединившей в 1969 г. отдельные советско-монгольские палеонтологические отряды. Участники экспедиции проводили палеонтологические работы, связанные со сбором, раскопками и научной обработкой всего комплекса ископаемой фауны на монгольской территории. Обнаружены уникальные ископаемые организмы и внесен ценный вклад в дело изучения окаменелых остатков фауны кайнозойской и мезозойской эры и древних млекопитающих.

Наиболее ярким примером научного сотрудничества советских и монгольских ученых в области общественных наук является деятельность советско-монгольской историко-культурной экспедиции. В настоящее время в работе этой экспедиции участвуют: с монгольской стороны — Институт истории АН МНР, с советской стороны — Институт археологии АН СССР и Институт истории, филологии и философии Сибирского Отделения, при участии других научных подразделений СО АН СССР. Научный руководитель экспедиции, директор Института истории, филологии и философии академик А. П. Окладников пишет, что совместные работы советских и монгольских археологов в 1949, 1960—1973 гг. сделали решающий вклад и в изучение древнейшего прошлого Центральной Азии, и в изучение истории первоначального освоения этой части планеты человеком⁸. Монголия, расположенная в центре Азиатского материка, представляет особый интерес для изучения проблем первобытной, древней и средневековой истории человечества. Экспедиция обнаружила много интересных и ценных памятников каменного века, древнейшие стоянки людей, орудия труда, а также памятники бронзового века, древней и средневековой эпохи, наскальные изображения. Эти материалы позволяют сделать очень важные и интересные выводы по проблемам прошлого Монголии и всей Центральной Азии. По материалам экспедиционных работ опубликован ряд ценных трудов, авторами которых являются советские и монгольские ученые — участники историко-культурной экспедиции.

Из года в год активизируются и совершенствуются традиционные связи между советскими и монгольскими учеными-обществоведами. Центральные академические институты и научные учреждения Сибирского От-

деления АН СССР ведут разработку актуальных проблем в области истории, филологии, экономики и философии Монголии. Одной из форм научного сотрудничества ученых двух стран является совместное выполнение научных исследований, публикация совместных трудов. Так, например, однотомная «История Монгольской Народной Республики» (издания 1954, 1967 гг.) — результат творческого сотрудничества монгольских и советских историков. Эта совместная работа является первым обобщающим трудом, охватывающим всю многовековую историю монгольского народа. После выхода «Истории МНР» советские и монгольские историки и обществоведы продолжают сотрудничество в подготовке и издании ряда ценных научных трудов. Одним из последних совместных изданий является сборник «Советско-монгольские отношения. Документы и материалы. Том 1, 1921—1940 гг.», вышедший одновременно на русском и монгольском языках в 1974 г.

В нашей стране уделяется большое внимание подготовке ученых-монголоведов, совершенствованию их знаний и языковой подготовки, а также научно-исследовательской деятельности в области монголоведения. Расширены подготовка монголоведов в вузах СССР, научно-исследовательские работы по Монголии в академических институтах, в частности в Институте востоковедения, Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, в Институте общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР. Ежегодно в МНР направляются советские монголоведы для координации научных исследований, совместного выполнения научных тем, для подготовки и издания печатных трудов, для работы в библиотеках и архивах, сбора материалов. В свою очередь в Советский Союз регулярно приезжают наши монгольские коллеги для получения научной консультации, для подготовки и защиты диссертаций и т. д. В целях расширения возможностей взаимного направления научных сотрудников для повышения квалификации в планах сотрудничества между АН СССР и АН МНР с 1965 г. предусматривается обмен стажерами. Такая форма сотрудничества содействует подготовке квалифицированных кадров, дает возможность подготовить ценные научные исследования по Монголии.

В последние годы значительно расширилось научно-техническое сотрудничество между нашими странами. Решаются проблемы применения в народном хозяйстве МНР экономико-математических методов, вычислительной техники и создания автоматизированных систем управления. Ведутся совместные разработки в области использования таких источников энергии, как солнечная, ветровая, термальных вод, а также гидроресурсов вообще⁹.

⁸ А. П. Окладников. Древнейшая история Центральной Азии в свете новых исследований советских и монгольских археологов. — Сб.: «Материалы и исследования по Монголии». Улан-Удэ, 1974, стр. 102—103.

⁹ Д. Майдар. Маршрутом, намеченным партией. — «Новости Монголии», 23.IX.1975.

В целях содействия более ускоренному развитию научно-технического сотрудничества была создана постоянная подкомиссия по научно-техническому сотрудничеству в рамках межправительственной советско-монгольской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Обмен научными достижениями и трудами, проведение совместных научных экспедиций, совместных научных разработок, научных конференций, единое действие на международных конгрессах и симпозиумах, взаимная командировка научных сотрудников — вот далеко не полный перечень форм советско-монгольского научного сотрудничества.

Выступая на III международном конгрессе монголоведов (август 1976 г.) в Улан-Баторе, Президент АН МНР Б. Ширендыб сказал: «На развитие научных исследований и на рост исследовательских кадров оказало и оказывает огромное влияние наше сотрудничество с учреждениями Советского Союза, начатое еще в 1921 г. и ныне все шире развивающееся в самых различных направлениях. Совместные экспедиции АН МНР и АН СССР, труды ученых обеих стран, участие монгольских ученых в работе Международного ядерного института в Дубне в программе Интеркосмоса, подготовка высококвалифицированных научных работников — кандидатов и докторов наук в СССР — все это оказывает самое благотворное влияние на ускоренное развитие науки в нашей стране»¹⁰.

МНР поддерживает научные связи с учеными социалистических стран, многих других стран мира. В Совете Экономической Взаимопомощи монгольские ученые принимают участие в работе Постоянной комиссии по координации научных и технических исследований, а также различных других комиссий.

Большое значение имели прошедшие в Монголии Дни советской науки и техники, когда была проведена разнообразная работа по ознакомлению трудящихся МНР с достижениями науки и техники СССР: Декада советских научно-документальных фильмов, выступления советских ученых перед широкой аудиторией, по радио, телевидению, в печати, обмен опытом с монгольскими коллегами.

Регулярный характер носит книгообмен между библиотеками Академий наук наших стран, прежде всего между Библиотекой АН СССР в Ленинграде, Библиотекой ИНИОН АН СССР и Государственной публичной библиотекой при АН МНР, Монгольским госуниверситетом.

¹⁰ Б. Ширендыб. Некоторые вопросы взаимодействия общества и науки в МНР. Доклад на III Международном конгрессе монголоведов, Улан-Батор, 1976, стр. 15—16. См. также: Б. Ширендыб. Успехи развития науки в МНР. — «Проблемы Дальнего Востока», № 2, 1977.

Многие советские ученые за заслуги в развитии науки, заслуги в развитии и укреплении советско-монгольского научного сотрудничества избраны иностранными членами АН МНР или иностранными профессорами АН МНР, награждены правительственными наградами Монголии. Президент АН МНР академик Б. Ширендыб избран иностранным членом АН СССР.

В связи с 250-летием Академии наук СССР, отмечая ее заслуги в развитии монгольской науки, в укреплении советско-монгольского научного сотрудничества, Президиум Великого Народного Хурала МНР наградил Академию наук СССР орденом Сухэ-Батора.

В 1975 г. Академии наук Советского Союза и Монгольской Народной Республики подписали пятилетний план научно-исследовательских работ на 1976—1980 гг. Планом предусматривались 24 проблемы по различным областям общественных и естественных наук. В их разработке принимают участие с советской стороны, кроме научных учреждений Москвы, Ленинграда и СО АН СССР, академические институты Минска, Алма-Аты, Фрунзе и Ашхабада¹¹.

С каждым годом расширяются связи с МНР научных учреждений Сибирского Отделения АН СССР. Кроме упомянутого выше Института истории, филологии и философии СО АН СССР, в совместных с монгольскими учеными научно-исследовательских работах участвуют и другие научные коллективы СО АН СССР: Институт геологии и геофизики, Институт цитологии и генетики, почти все институты Восточно-Сибирского и Бурятского филиалов СО АН СССР, институт мерзлотоведения Якутского филиала.

Очень важные работы были проведены сибирскими геологами во главе с академиком А. Л. Яншиным в МНР. С их участием разведаны крупное медно-молибденовое месторождение Эрдэнэт-Ово, месторождения золота, вольфрама, угля и др., открыты на севере Монголии фосфоритовые месторождения, эксплуатация которых обеспечивает новые широкие перспективы развития производительных сил страны. В настоящее время в деятельности международной геологической экспедиции в МНР, созданной странами — членами СЭВ, принимает участие большая группа сибирских специалистов.

Научные коллективы Новосибирского Академгородка принимают участие в подготовке квалифицированных кадров для дружественной Монголии. Крупнейшие деятели сибирской науки постоянно консультируют представителей монгольской науки. Ученые из МНР проходят стажировку в Академгородке, защищают в его институтах докторские и кандидатские диссертации. Так, например, в начале 70-х годов на объединен-

¹¹ В. Иванова. Творческое содружество ученых. — «За науку в Сибири», 23.XII.1976.

ном научном совете по гуманитарным наукам при СО АН СССР защитили докторские диссертации Д. Майдар (по истории монгольской архитектуры), П. Сэр-Оджав (по древней истории монголов), С. Лувсанвандан (по проблемам современной монгольской литературы).

Активные связи поддерживаются между специалистами по мерзлотоведению из АН МНР и Якутского филиала СО АН СССР.

Деловые и научные контакты с монгольскими учеными налажены почти во всех институтах Восточно-Сибирского филиала СО АН СССР. Многие учреждения АН МНР и вузы страны выполняют совместные исследования с Иркутским научным центром на основе двухсторонних соглашений.

В 60-х годах было организовано обследование эпицентральной области катастрофического Гоби-Алтайского землетрясения. Работа выполнялась сотрудниками Института земной коры Восточно-Сибирского филиала совместно с монгольскими специалистами и представляет собой глубокое научное исследование. Итогом совместной деятельности явилась монография «Гоби-Алтайское землетрясение», получившая высокую оценку в СССР, МНР и во многих других странах.

Сотрудники Института географии и мерзлотоведения АН МНР работают в постоянном контакте с Институтом географии Сибири и Дальнего Востока в Иркутске, занимаются совместной экспериментальной деятельностью, проводят совместные научные симпозиумы и конференции.

С каждым годом расширяются научные связи между учеными Монгольской Народной Республики и Бурятской АССР. Пограничное положение Бурятской АССР позволяет Бурятскому филиалу СО АН СССР расширять и углублять связи с научными учреждениями МНР, проводить с ними совместные исследования как на территории МНР, так и на территории нашей республики в области ряда наук, например, геологии, почвоведения, радиофизики, а также по востоковедным и историко-филологическим проблемам.

В 60-х годах Бурятским комплексным научно-исследовательским институтом и Восточно-Сибирским биологическим институтом СО АН СССР, с одной стороны, и Академией наук МНР, с другой, проводились полевые работы по теме «Изучение почв и микроэлементов в илах». Собранный экспедицией материал позволил дать полную характеристику основных особенностей почвенного покрова примерно двух третей территории МНР. Благодаря сходству некоторых ландшафтов Монголии и Бурятии этот материал был использован при исследовании покрова Бурятской АССР. Бурятские гельминтологи участвовали в исследовании озера Хубсугул. По итогам этого исследования были подготовлены и представлены доклады на международную конферен-

цию. Монгольские и бурятские ученые разработали основы оптимизации топливно-энергетического баланса МНР до 1990 г. Отдел физики Института естественных наук Бурятского филиала проводит совместные работы с Институтом физики и математики АН МНР по теме «Исследование свойств среды по особенностям радиоволн». В результате успешно реализуется научно-техническая рекомендация по обеспечению телевидением населения Центрального и Селенгинского аймаков МНР.

Хорошие результаты получены в ходе совместной работы монгольских и бурятских ученых в области обществознания. В 1971 г. Бурятским институтом общественных наук изданы «Очерки истории культуры МНР», подготовленные совместно с монгольскими учеными. В настоящее время Бурятский институт общественных наук занимается исследованием темы «Сотрудничество СССР и МНР в области культуры и науки», в разработке которой принимают участие монгольские историки. В последние годы монголоведами этого института подготовлены и изданы такие работы, как «Алтан тобчи» (перевод и комментарий П. Балданжапова), «Народное образование в МНР» Р. Балдаева, «Социалистические преобразования сельского хозяйства МНР» Д. Улымжиева, «Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа» Ш. Чимитдоржиева, научные сборники «Материалы по истории и филологии Центральной Азии», «Материалы и исследования по Монголии» и др.

Бурятские ученые постоянно откликаются на новые труды монгольских коллег, на их докторские и кандидатские диссертации, пишут обзоры, рецензии и отзывы. Ученые МНР не раз давали положительные отзывы на наши работы. Так, директор Института истории АН МНР академик Ш. Нацагдорж, откликаясь на работы монголоведов Бурятского института общественных наук, изданные в 1974 г., писал, что «эти работы, несомненно, войдут как новый вклад в дело развития монголистики и пропаганды достижений социалистической Монголии».

Установлен книгообмен между Государственной публичной библиотекой при АН МНР и Научной библиотекой Бурятского филиала СО АН СССР. Связи Бурятского филиала СО АН СССР с научными институтами АН МНР главным образом развивались по линии научных командировок в целях совместного проведения исследовательских работ, обмена опытом и повышения квалификации, по линии участия в совещаниях и конференциях.

В 70-х годах Бурятский филиал и другие научные учреждения республики посетили президент АН МНР Б. Ширендыб, академики Б. Ринчен, Ц. Дамдинсүрэн, доктора наук Сэр-Оджав, Хайдав и другие ученые из МНР. Они ознакомились с научно-исследовательской деятельностью лабораторий, отделов и институтов Бурятского филиала, а также с достижениями бурятского народа в области культуры, искусства и экономики.

Работали над материалами фонда рукописей и ксилографов Рукописного отдела Бурятского института общественных наук, обменивались с бурятскими учеными своими мнениями по актуальным проблемам монголоведения и других наук.

Неоднократно ездили в МНР сотрудники Бурятского филиала и вузов республики. Цели их командировок — обмен мнениями и опытом научной работы, сбор материалов для исследуемых тем, совместные исследования, участие в региональных и международных конференциях и симпозиумах.

Бурятские ученые неоднократно принимали участие в конференциях и совещаниях, проводимых по плану научного сотрудничества. 9 сотрудников Бурятского филиала СО АН СССР выступили с докладами на III Международном конгрессе монголоведов, проходившем летом 1976 г. Тематика их докладов была самой разнообразной («Дружба и сотрудничество СССР и МНР в области культуры»; «Язык памятника „Халха-Джирум“»; «Влияние монгольского языка на формирование южнобурятских говоров»; «Спирантизация согласных в монгольских языках»; «Монголо-бурятские литературные связи»; «Письменные версии „Гэсэриады“»; «Монгольские компоненты в этническом составе бурят»; «Классификация средневековых наук Центральной Азии»; «Традиционная живопись монгольских народов»).

Монгольские историки совместно с Институтом востоковедения АН СССР посвятили 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции сборник «Монголо-советские отношения». Институт истории АН МНР совместно с Институтом истории партии при ЦК МНРП подготовили сборник «Великая Октябрьская социалистическая революция и социалистическая Монголия». Юбилею Великого Октября посвящают свои труды и другие подразделения АН МНР. Они провели конференции, юбилейные заседания и другие мероприятия, на которых показаны успехи Страны Советов за 60 лет, историческое значение Великого Октября.

Научные связи социалистических стран с Советским Союзом развиваются исключи-

тельно успешно. Об этом свидетельствует совещание президентов Академий наук социалистических стран, состоявшееся в Москве с 15 по 18 февраля 1977 г. Весьма символично, что первая встреча руководителей Академий наук социалистических стран состоялась на родине Великого Октября в год празднования его 60-летнего юбилея.

Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на встрече с руководителями Академий наук социалистических стран имеет огромное значение в дальнейшем развитии научного сотрудничества и повышении роли науки в решении задач социалистического и коммунистического строительства.

Советско-монгольское научное сотрудничество имеет богатую историю, прошло ряд этапов развития, имело и имеет огромное значение для развития экономики и культуры обеих стран, занятых социалистическим и коммунистическим строительством. Содружество советских и монгольских ученых продолжает успешно осуществляться в интересах дальнейшего развития науки, культуры и народного хозяйства СССР и МНР.

Говоря о значении советско-монгольского сотрудничества для развития МНР, член Политбюро ЦК МНРП, заместитель Председателя Совета Министров МНР тов. Д. Майдар писал: «Процесс возникновения и развития в Монголии народной интеллигенции, формирование нынешнего научного и научно-образовательного потенциала тесно связаны с историей развития экономических, культурных и научно-технических отношений МНР с Советским Союзом. Благодаря сотрудничеству с Советским Союзом МНР за исторически короткий срок сумела создать и развить многие отрасли собственной промышленности и превратиться из исключительно аграрной в аграрно-индустриальную страну»¹².

г. Улан-Удэ

¹² Д. Майдар. Научно-техническое сотрудничество между МНР и СССР. — «Новости Монголии», 24.X.1973.

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

Несколько дней в Аомыне

*Пьеро Коррадини,
профессор (Италия)*

Аомынь — китайское название португальской колонии Макао, расположенной на против Сянгана (Гонконга), по другую сторону бухты Чжуцзянкоу.

Площадь этой крошечной территории, включая два небольших острова — Ханьцзыдао (Тайпа) и Цзюао (Колоан), составляет 16 км². Лишь скромная полоска суши соединяет Аомынь с территорией Китая. Однако в действительности роль его здесь значительна и, пожалуй, можно сказать, определяет настоящее и будущее Аомыня.

После происшедших в 1974 г. в Португалии перемен в Аомыне фактически мало что изменилось, хотя в феврале 1976 г. в Португалии был опубликован новый статус Аомыня, по которому он получает некоторую степень автономии (Португалия будет консультироваться с Законодательной Ассамблеей Аомыня, созданной весной 1976 г. и состоящей из 17 членов, 5 из которых назначаются губернатором). Над резиденцией губернатора по-прежнему развевается португальский флаг. Правда, португальские солдаты, которые находились в Аомыне 4 столетия, больше не нужны португальской администрации, и 1 января 1976 г. состоялся торжественный прощальный парад немногочисленных «войск». Оставшийся португальский военный персонал вошел в состав войск внутренней безопасности и полиции. Все виды служб полиции и войск безопасности подчиняются единому командованию. У Резиденции губернатора португальских солдат охраны сменили китайские.

Экономически Аомынь тесно связан не только с КНР, но и с Сянганом. Любые изменения в положении Аомыня могут повлиять на экономику Сянгана, и они нежелательны для деловых кругов названных территорий, заинтересованных в стабильности.

Аомынь, который европейцы упорно продолжают называть Макао, так же, как Сянган — Гонконгом, во многом значительно уступает последнему.

Сотни тысяч туристов и деловых людей ежегодно посещают Сянган, но относительно немногие из них включают в маршрут своего путешествия Аомынь. А среди тех, кто все же едет туда, большинство составляют приверженцы азартных игр, широко практикуемых в гостиницах и казино Аомыня. Для этой категории людей поездка в Аомынь начинается и заканчивается за столом рулетки в салонах «Отеля Лиссабон» или в казино «Джайалай», находящемся в непосредственной близости от причала для судов на подводных крыльях. Среди азартных игр большой популярностью пользуется так называемая «баскская лапта».

В последние дни недели, в субботу и воскресенье, в Аомынь приезжает большое число китайцев из Сянгана, в связи с чем в эти дни без предварительного заказа билета довольно трудно найти свободное место на судне. В другие дни недели, напротив, приобрести билет на быстходное (на подводных крыльях) или обычное судно, следующее из Сянгана в Аомынь, не составляет никакой проблемы: заядлых игроков сменяют группы китайцев, направляющихся в Аомынь за покупками и возвращающихся вечером того же дня до предела нагруженными пакетами с различными товарами: от одежды до продуктов питания (главным образом корзинки с живыми съедобными моллюсками и свежей рыбой), цены на которые здесь значительно ниже чем в Сянгане.

Постоянные группы японских туристов, их всегда ожидают на пристани автобусы, готовые помочь им за короткое время завершить путешествие, не упуская ставшего ритуальным посещения плавучего казино в порту и знаменитых «Ворот цирка» (Порту ду Серку), обозначающих границу с Китайской Народной Республикой, откуда можно издали наблюдать стоящего на посту солдата народно-освободительной армии.

В Аомынь можно приехать только из Сянгана и только морем. Город не имеет аэропорта, а дорога, которая связывает его с Гуанчжоу (Кантоном), соединяет только с Китайской Народной Республикой: с этой стороны любое движение без специального разрешения запрещено. Коммерсант, отправляющийся на ярмарку в Гуанчжоу и желающий оттуда проехать в Аомынь, не может этого сделать: он должен прежде всего покинуть территорию Китайской Народной Республики, добраться до Сянгана и уже оттуда переправляться в Аомынь. Сухопутное сообщение может осуществляться лишь исключительно с Китайской Народной Республикой. Таким образом, территория Аомынь,

расположенная на полуострове, для иностранного посетителя находится как бы на острове. Тем не менее средства сообщения между этой территорией и Аомынем достаточно эффективны и регулярны. Кроме судов обычного типа, имеются скоростные суда на подводных крыльях, которые отправляются с обеих сторон каждые полчаса. Длительность поездки в одну сторону на этих судах составляет один час пятнадцать минут.

Есть также небольшое количество быстроходных морских катеров с реактивными двигателями производства «Боннг эйркрафт компани», которые покрывают это расстояние за сорок пять минут. Суда на подводных крыльях — итальянского производства.

Когда приезжаешь из Сянгана в Аомынь, то ощущаешь себя как бы погрузившимся в совершенно другую атмосферу. В британской колонии ритм жизни и транспортного движения — конвульсивный, стремительный. Небоскребы Викторнии и дворцового типа здания Коулуна¹, в которых расположены банки и коммерческие учреждения, вмещают множество людей, занимающихся самой различной деятельностью: от мелкого ремесленничества и мелкой розничной торговли до промышленного производства широкого профиля (продукция текстильной, электронной промышленности, получившей широкое развитие в последнее время). Скопления людей в Сянгане можно видеть всюду: на базарах, на улицах, во внутренних двориках зданий. А ведущиеся работы по строительству линии метрополитена, расстраивая движение городского транспорта, еще более затрудняют и осложняют даже пешеходное движение, особенно на центральных улицах Коулуна. Полностью же оценить, насколько плотно населено это маленькое британское владение, находящееся на пороге Китая, можно главным образом вечером. Многочисленные огромные здания, построенные за последние годы с целью хотя бы частичного решения жилищного кризиса, полностью освещены. Не найдешь ни одного темного окна, что означает, что каждая комната заселена и используется. При этом следует учитывать, что заводы и фабрики работают безостановочно, без перерывов на ночь. Мне приходилось слышать рассказы о семьях, члены которых, ввиду отсутствия достаточной площади в их жилищах, вынуждены спать по очереди, используя сменную систему работы, то есть члены таких семей работают в различных сменах, и поэтому одной кроватью могут пользоваться по очереди несколько человек. Возможно, это преувеличение или речь идет о крайностях, но перенаселенность Сянгана является физически ощутимой реальностью.

Ничего подобного нет в Аомыне. Улицы по сравнению с сянганскими кажутся пустынными, хотя движение машин и пешеходов по ним значительно больше, чем в провинциальных европейских городах и поселках. Товары в витринах и на прилавках магазинов — те же, что и в Сянгане: часы, кино- и фотоаппараты, электронные калькуляторы, ткани, драгоценности. Цены те же, аналогична и техника торговых сделок. Так же, как и Сянган, Аомынь является открытым портом. Освобождение от таможенных пошлин и ограничений распространяется здесь даже на табачные изделия и спиртные напитки, поэтому эти товары имеют в Аомыне широкий сбыт. Вина и ликеры португальского производства продаются по ценам ниже установленных на них в Лиссабоне и Порту².

Внешний вид города своеобразен и в своем роде уникален. Четырехсотлетнее португальское господство оставило свой неизгладимый след в архитектуре и городском убранстве в виде многочисленных католических церквей и общественных зданий, построенных в типично западном стиле, следуя архитектурным модам соответствующих веков, от барокко до неоклассицизма и далее до функционализма последних десятилетий. Но, за исключением церквей и общественных зданий, все остальное — типично китайское, существуют еще пережитки традиционного Китая с его мастерскими ремесленников и лавочками, уютящимися в нагромождениях невероятных лачуг. Если бы не было автомобильного движения и промышленных комплексов, выросших по периферии территории и возвращающих нас к реальности, могло бы показаться, что время здесь остановилось.

Приехать в Аомынь не составляет больших трудностей. Португальскую визу можно получить в любом португальском консульстве. Она может быть выдана также при посадке с парохода всем лицам, имеющим паспорта тех стран, которые поддерживают с Португалией дипломатические отношения. При этом взимается пошлина в сумме 25 патак (валюта Аомыня)³. Эта сумма эквивалентна 25 сянганским долл. или 5,25 ам. долл.

¹ Город Викторния (Сянган), находящийся на сев.-зап. берегу острова Сянган, и город Коулуи (Цзюлуи), расположенный напротив первого полуострова Цзюлуи, административно объединены как два городских района. Администрация колонии находится в Викторнии. — Прим. редакции.

² Порту — второй крупный город Португалии.

³ Денежная единица Аомыня патака (Р) равна 100 аво. Курс патаки к сянганскому доллару с 20 сентября 1975 г. колеблется без ограничения пределов его изменений. В обращении находятся банкноты в 500, 50 и 10 патак, монеты в 5 и 1 патаку и 50, 10 и 5 аво. В обращении находятся также денежные знаки в сянганских долларах.

От уплаты пошлины за въездную визу освобождаются граждане Бразилии, Бельгии, Италии, а также лица, постоянно проживающие в Сянгане. Создается впечатление, что власти Аомыня больше всего озабочены тем, чтобы не допустить возможности оседания и закрепления здесь выходцев из Сянганя: действительно, строго запрещается высаживаться в Аомыне тем, кто не имеет разрешения на возвращение в Сянган. Это ограничение легко понять, если учесть, что из-за перенаселенности британской колонии, о которой говорилось выше, возможность обосноваться в Аомыне многим казалась бы чудом.

Если Аомынь и не перенаселен, как Сянган, то и нельзя сказать, что он безлюден. Согласно правительственной переписи 1970 г., общая численность населения этого маленького владения составляла 248 636 жителей, в том числе китайцев 240 008 (96,53%), португальцев 7467 (3%), других европейцев 388 (0,16%), прочих национальностей 773 (0,31%).

В 1977 г. общее количество жителей оценивалось примерно в 300 тыс. чел. Таким образом, ежегодный прирост населения составляет 2,6%. Этот процент прироста ни в какой мере нельзя считать чрезмерным, особенно по сравнению с процентом прироста населения соседней Китайской Народной Республики. Но все же он несколько выше среднего. Принятые португальскими властями меры предосторожности, а также само географическое положение территории, имеющей сообщение с Китаем только через узкий, легко контролируемый перешеек, препятствуют массивным перемещениям населения, как это было в Сянгане.

Четыре столетия европейского господства не оставили заметного отпечатка на населении, в огромном своем большинстве состоящем из китайцев. По крайней мере с точки зрения культуры. В этом можно убедиться, ознакомившись со статистическими данными относительно исповедуемой населением территории религии. Португалия, до недавней революции являвшаяся страной с клерикальным режимом, в своей официальной статистике большое значение придавала данным, касающимся религии. Согласно статистическим данным, относящимся к 1970 г., в Аомыне было всего 23 365 католиков и 1899 протестантов против 190 820 буддистов, 2984 исповедующих другие религии (брахманы из маленькой индийской колонии и мусульмане, относительно распространенные в китайской провинции Гуандун), 29 568 человек числились как не исповедующие никакой религии. Если из общей цифры католиков вычесть проживающих в Аомыне португальцев, то можно с достаточной степенью достоверности утверждать, что имеется около 15 800 китайцев-католиков, то есть 6,5% от всего китайского населения территории. Хотя этот процент намного выше, чем процент католиков во всем Китае в 1949 г., тем не менее он показывает, насколько китайцы Аомыня оставались верными своим традициям, несмотря на долгое португальское господство и на те выгоды, которые им, несомненно, гарантировались при обращении в католическую веру.

Рядом с католическими церквями продолжают процветать буддийские храмы. Одновременно с торжественными христианскими праздниками отмечаются традиционные китайские праздники с огромным скоплением людей, иллюминациями, кортежами танцоров на улицах и дорогах. Туристические организации Аомыня широко пропагандируют эти праздники и не без оснований: действительно, речь идет об уникальном месте, где имеется возможность присутствовать на традиционных китайских празднованиях, проходящих здесь в своем наиболее первозданном виде.

Всю территорию Аомыня можно пересечь пешком менее чем за час, от порта, где доминирует баржа плавающего казино, до «Ворот цирка», отсюда до ипподрома, где находится единственный официальный пограничный пропускной пункт, соединяющий территорию с Китайской Народной Республикой.

«Ворота» построены в виде арки, украшенной причудливыми гипсовыми фигурами. Они всегда обозначали крайнюю точку границы португальской территории, даже тогда, когда город Аомынь был окружен стеной, проходившей значительно южнее, и между воротами и стеной были небольшие обрабатываемые поля. Ныне, кроме приусадебных огородов, где выращиваются некоторые овощи, никаких сельскохозяйственных культур в Аомыне не культивируется. Город расширился, а часть ранее обработывавшейся земли приспособлена под водохранилище.

Продукты питания и вода идут из Китая. Через «Ворота цирка» как бы проходит пуповина, питающая город от матери-родины. Он целиком и полностью зависит от Китая. В кратчайшее время город можно было бы уморить голодом и жаждой. Но от голода и жажды погибли бы почти триста тысяч китайцев, а, конечно, не малочисленные европейцы, для которых всегда нашлась бы возможность быстро перебраться в другое место. Поэтому даже в наиболее критические моменты отношений между Португалией и Китаем во время «культурной революции», снабжение города продовольствием и водой никогда не прерывалось.

В Аомыне сохраняется статус-кво, но администрация, полиция, таможня полностью находятся в руках китайцев из Аомыня, из которых, по крайней мере так кажется, набирается весь персонал. Старый «Леал Сенадо»⁴ превратился сегодня в комитет са-

⁴ Консультативный орган при генерал-губернаторе колонии.

моуправления Аомыня. Даже сам термин «колония» с некоторого времени не употребляется больше португальцами. Официально Аомынь называют «территорией под португальским управлением». Отмирающая салазаровская идеология стремилась незаметно протолкнуть свою империалистическую сущность под фальшивым обличьем, так называемого «лузитанского единства». Термин, который сейчас используется, в основе своей наиболее тесно связан с историей установления португальского господства в Аомыне. Когда, в первой половине XVI в., империя Мин разрешила португальцам обосноваться в Аомыне, вовсе не предусматривалось уступать им суверенитет на эту пусть даже небольшую территорию: такие понятия, как концепция территориального суверенитета в международных отношениях, были совершенно чужды для китаецентристского традиционализма, с точки зрения которого весь мир был подчинен китайскому императору, а международные отношения понимались лишь как отношения большей или меньшей зависимости от императора. То, что португальцы рассматривают как «уступку» им Аомыня, основываясь на старом соглашении, которое они трактуют, исходя из теории и практики современного западного международного права, для китайцев было не чем иным, как всего лишь разрешением португальцам установить мирное самоуправление на маленькой территории, на которой португальцам было разрешено обосноваться. Это было обычным явлением для империи династии Мин: в соседней с Аомынем провинции Гуанси существовало множество местных администраций на территориях, населенных преимущественно национальными меньшинствами, которые управлялись в соответствии с их обычаями наследными вождями.

В то время португальские моряки и коммерсанты вели небольшую торговлю на китайском берегу, возвращаясь затем на свои корабли. Говорят, что для этих целей китайские власти передали португальцам Аомынь и два небольших острова в качестве благодарности за то, что те прогнали пиратов. Как бы то ни было, португальцы здесь обосновались и стали рассматривать Аомынь как колонию, переданную под их суверенитет. Они попытались даже получить признание этого от китайского правительства. Переговоры между сторонами не внесли ясности в этот вопрос из-за различного толкования существа дела.

Тем не менее начиная с 1848 г. португальские власти перестали вносить арендную плату и признавать суверенитет Китая над этой территорией, а в 1874 г. они, по существу, заставили китайское правительство не претендовать на суверенные права на Аомынь. Несомненно, что Аомынь не являлась для Португалии колонией типа Анголы, приносящей огромные богатства. Значительные прибыли Аомынь приносит местным китайцам-миллионерам. За четыре прошедших века город переживал восстания, тайфуны, землетрясения, нападения с моря и с суши и — совсем недавно — влияние экономического кризиса и следствия политических перемен в метрополии. Значительных выступлений населения за время колониального режима на Аомыне было немного: в 1922 г. происходили крупные забастовки и бойкот португальских товаров в связи с развернувшимся в Китае антиимпериалистическим национально-освободительным движением. После 1949 г. — образования КНР — проходили выступления китайских рабочих Аомыня в период «культурной революции», в 1966 г., когда они потребовали ухода португальских колонизаторов из Аомыня. По-своему нашли отражение в Аомыне и недавние бурные события, происходившие в политических кругах Португалии среди представителей администрации в связи с правительственным кризисом в Лиссабоне. Ранее губернатор Гарсиа Леандру, сменивший правившего до него в течение 8 лет — до октября 1974 г. — Жозе Нобре ди Карвалью, связанного с салазаровским режимом, не мог не признать, что в 1975 г. в Аомыне имела место попытка «контрпереворота». Особое беспокойство охватило территорию, когда туда дошли сообщения о событиях на Тиморе. В июле 1975 г. Аомынь был охвачен валютным кризисом: курс патаки стал падать: вместо соотношения 1 гонконгский доллар = 1 патаке по официальному курсу, он составил 1,1 патаки. Однако в дальнейшем развитии кризиса было приостановлено. Китайские миллионеры Аомыня оказали поддержку португальской администрации территории, предоставив заем на сумму 6 млн. ам. долл., что способствовало стабилизации валюты. Безусловно, Аомынь не застрахован от экономических потрясений. Многие зависят, конечно, от дальнейшего развития экономики этой территории, которая, согласно заявлению представителей КНР, является частью Китая и должна в одно прекрасное утро вернуться в лоно родины. Однако в настоящее время, по-видимому, и Китай и Португалия молчаливо соглашаются со статусом Аомыня как португальской провинции, формально находящейся под управлением Португалии, а фактически — китайцев, тесно связанных с КНР, для которой Аомынь представляет определенный интерес в его нынешнем положении.

В названии Аомыня, которое применяется сегодня, явно подразумевается прилагательное «китайская» к слову «территория». Оно не может читаться и пониматься иначе, как «территория (китайская) под португальским управлением».

В этих рамках между китайскими и португальскими властями установились в настоящее время относительно хорошие отношения. Недавно губернатор Аомыня с удовлетворением публично заявил о готовности Китая увеличить поставки в Аомынь воды

и электроэнергии. Китай изъявлял желание найти формы участия в развитии таких отраслей в Аомыне, которые будут использованы непосредственно для нужд населения. Несомненно, что на Португалию, которая сама испытывает большие экономические трудности, Аомыню вряд ли следует рассчитывать в финансовых вопросах. Здесь на первое место выступают влиятельные китайские лица Аомыня. Одно из них — Хо Ин, председатель китайской торговой палаты и директор банка «Дафэн», являющийся совладельцем текстильных строительных и транспортных фирм, предприятий электроники, 5 гостиниц, 3 ресторанов, таксомоторной компании, кинотеатров. Другое лицо — Стэнли Хо, проживающий в Сянгане и владеющий там промышленными предприятиями, которому в Аомыне принадлежит с 1962 г. концессия на игорные дома. Хо возглавляет синдикат, отчисляющий правительству Аомыня полтора млн. долл. ежегодно. Какую часть его общих доходов составляет эта сумма, никому не известно, однако ясно, что эти доходы огромны. Согласно некоторым подсчетам, доходы всех игорных домов в Аомыне составляют ежегодно от 50 до 250 млн. фунтов стерлингов. Стэнли Хо вкладывает свои капиталы в различные предприятия: в дноуглубительные работы в порту, в судовую компанию — катера на подводных крыльях, курсирующие на линии между Сянганом и Аомынем, в общественные работы в Аомыне. Эти деньги дают игорные дома. Азартные игры в Аомыне никогда не рассматривались как преступление, на них смотрят как на обычное явление, присущее жизни, как будто оно всегда было и есть. Аомынь трудно даже себе представить без игорных домов и казино. Однако имеется существенная разница между прошлым и настоящим Аомыня — этого центра игорного бизнеса. Разница эта заключается в том, что организация игорного дела теперь находится на чрезвычайно высоком уровне.

Игорное дело стало приобретать в Аомыне соответствующий размах после того, как в 1934 г. синдикат, известный под названием Тай Хинг Ко, приобрел у правительства колонии монопольные права на все казино и игорные предприятия. Помимо стариннейших казино, располагающихся в Центральной гостинице (ранее Президентской), вокруг располагаются меньшие по размерам. В некоторых небольших казино посетителям предлагают только китайские игры, такие, как «фань-тань», домино и другие, сосуществующие с западными играми в новейших казино.

Значительное число жителей Аомыня занято обслуживанием туристов. Строительство многочисленных предприятий обслуживания продолжается: расширяются уже имеющиеся гостиницы, строятся новые, реконструируется паромный порт, принимающий туристов из Сянгана. Администрация территории планирует дальнейшее развитие туристической индустрии. Для этого имеются некоторые основания. Число туристов, после некоторого спада, в 1976 г. вновь возросло. Например, из Сянгана число туристов, посетивших Аомынь, составило 2,5 млн. человек. Туристы приезжают из Юго-Восточной Азии, Австралии, США, Западной Европы.

«Ворота цирка» не выглядят «бамбуковым занавесом». Пешие китайцы, естественно имеющие разрешение, снуют туда и обратно, нагруженные сумками и пакетами. Легковые автомобили и грузовики проезжают в «Ворота». Речь идет, однако, о частных автотранспортных средствах, имеющих двойные номерные знаки, желтые с голубыми цифрами — китайские и белые с черными цифрами — Аомыня. Естественно, речь идет не обо всех автомобилях, разъезжающих по территории Аомыня, но случай этот действительно уникальный в истории международного автомобильного сообщения. Чтобы попасть в Аомынь, приходится длительное время плыть по китайским территориальным водам, то же самое было и раньше, до того, как граница территориальных вод была отодвинута на 200 миль от берега — таким образом, Аомынь можно рассматривать как «анклав» в полном смысле этого слова⁵. Сторожевые корабли китайского военно-морского флота наблюдают за движением судов, идущих в Аомынь и обратно, издали и скрытно. Можно предполагать, однако, что причаливать к пристаням Аомыня могут только суда, получившие соответствующее разрешение и имеющие (или подающие) какие-то определенные сигналы, поскольку нет никакой возможности заходить в территориальные воды со стороны открытого моря, то есть, видимо, заранее оговорены виды перевозок и товары, которые могут выгружаться в Аомыне.

Несомненно, экономическая деятельность, позволяющая Аомыню выжить, заключается не только и не столько в туризме, даже учитывая, что традиционная работа игорных домов кормит многих его жителей. Аомыню перепадают лишь крохи доходов от туризма, достигающих Сянгану, потому что посещение Аомыня довольно редко включается в международные туристические маршруты. Только некоторые из организуемых туристических «туров» предусматривают во время остановки в Сянгане экскурсию в Аомынь, но далеко не все готовы платить соответствующую дополнительную плату за эту экскурсию. Как бы в противовес этому Аомынь начинает развиваться как промышленный город. Можно видеть многочисленные новые здания промышленных комплексов, для которых в другом месте практически не осталось свободной площади для за-

⁵ Анклав — территория или часть территории государства, окруженная со всех сторон территорией другого государства. — Прим. редакции.

стройки, по крайней мере на континенте. Эти предприятия производят главным образом ткани, пластмассы, продукцию радиоэлектроники, оптики вместо производимых ранее традиционных изделий мирного ремесленного промысла.

Тот факт, что на территории Аомыня вкладываются капиталы, и даже в недвижимость, показывает, что деловые люди уверены в будущем Аомыня, по крайней мере на достаточно длительный срок, говорят даже о будущем развитии города. При этом обращают взгляд на два острова — Тайпа и Колоан, обращенные к морю.

Ранее эти острова, после того как они были освобождены от тайных пиратских пристанищ и баз рыбаков, славились только красотой их пляжей, которыми пользовались колониальные чиновники и богатые китайцы. Сегодня уже подготовлен проект строительства нового современного морского порта на острове Колоане. Этот порт, который будет приспособлен также и для контейнерных перевозок, сможет обеспечить наибольшее развитие морской торговли, а не туризма. В ожидании этого строительства уже создана транспортная система, объединяющая мосты, которые соединяют остров Колоан с островом Тайпа и остров Тайпа — с сушей. Мост, соединяющий остров Тайпа с Аомынем, имеет протяженность более двух километров, а ширина его проезжей части показывает, что он построен с расчетом на объем перевозок, намного превышающий существующий в настоящее время.

В настоящее время в экономике территории ощущается подъем: это вызвано тем, что товары экспортной номенклатуры стали разнообразнее, увеличились капиталовложения в различные предприятия, несколько оживленнее стал и туристский бизнес. Администрация Аомыня смотрит на развитие дел удовлетворенно. По заявлению губернатора, восстановление промышленной активности и объема экспорта было положено в 1975 г., а в 1976 г. оказался в истории экспорта и туристского сектора Аомыня наилучшим годом.

Товары Аомыня пользуются популярностью у западного покупателя за свое высокое качество. Экспорт Аомыня становится все более разносторонним. Крупнейшим производителем стала текстильная промышленность территории. После ряда неудачных лет, когда Аомынь имел пассивный баланс, в 1977 г. колония закончила с положительным сальдо. Ведущими статьями экспорта Аомыня стали текстиль и готовое платье, причем текстильная и швейная промышленность ориентируется на западную моду и производит изделия высокого качества. Другими статьями экспорта Аомыня являются живой скот и продукты животноводства, посуда керамическая и стеклянная, обувь, головные уборы, различная продукция химической промышленности, приборы и инструменты. Главными импортерами являются Франция, ФРГ, США, Сянган. Возможно ли, что текстильная, швейная промышленность, промышленность по производству электронных приборов, различной аппаратуры и техники по мере развития будет оттеснять игорную индустрию, трудно сказать. Тем не менее игорный бизнес не всегда надежная основа, и многие это понимают.

Довольно трудно давать прогнозы о будущем Аомыня, как, впрочем, и Сянгана. Но несомненно то, что рано или поздно эти территории должны вернуть Китаю. Что же касается сроков, времени, когда это должно произойти, то создается впечатление, что ни с одной, ни с другой стороны не будет никакой спешки.

Только в отношении «Новых территорий» Сянгана существует точный конкретный срок возврата — 1997 г., так как они были переданы в аренду Великобритании в 1898 г. сроком на 99 лет. Срок окончания договора об аренде быстро приближается. Если не найдется никакого другого решения, как, например, возвращение всей колонии Сянган Китаю, Сянган окажется в том же положении, в котором ныне находится Аомынь, то есть превратится в город, полностью лишенный сельской местности, или, точнее, в город, в котором сельскохозяйственные пригороды находятся в городской черте.

Ясно одно, что должно быть найдено политическое решение проблемам как Аомыня, так и Сянгана. Кстати, простое и точное выполнение договоров могло бы поставить Сянган в абсурдное положение: в 1997 г. при автоматической передаче «Новых территорий» обратно Китаю китайская граница должна переместиться с реки Шамчун, по которой она сейчас проходит, до Боундэри-стрит — самого сердца Коулуна. Практически все кварталы района, где проживает большая часть китайцев, покинувших в последние годы Китайскую Народную Республику, автоматически снова отошли бы к Китаю. Невозможно предвидеть, как повели бы себя в этом случае те китайцы, которые бежали в Сянган из Китайской Народной Республики. Речь идет, следовательно, о чрезвычайно шаткой и ненадежной ситуации, которая могла бы сложиться на этой южной оконечности материкового Китая. Нам остается лишь надеяться, что эти проблемы будут решены с точки зрения здравого смысла и в духе мира.

Традиции русского китаеведения

Китаеведы давно нуждались в книге, которая содержала бы собранные с возможной полнотой факты истории их науки, могла бы служить им постоянным источником опыта, накопленного предшественниками, и хранительницей славных традиций. Теперь такая книга есть¹.

Работа над исследованием, охватывающим историю русского китаеведения за триста с лишним лет (до 1917 г.), потребовала длительных усилий. Автор, выдающийся советский библиограф² и историк науки П. Е. Скачков, начал собирать материалы еще в середине 30-х годов и представил первый вариант «Очерков истории русского китаеведения» на обсуждение в первой половине 60-х годов. Смерть ученого (1964) помешала ему завершить начатое. Нужно отметить большую кропотливую работу, проделанную В. С. Мясниковым в течение более чем десяти лет по подготовке рукописи к печати.

Рецензируемая книга посвящена китаеведению в целом, включая изучение истории, экономики, идеологии, языка и литературы. Для дореволюционного русского китаеведения такой подход более оправдан, чем для периода с 1917 г., когда процесс специализации пошел быстрее. Не ограничиваясь сферой гуманитарных наук, П. Е. Скачков то и дело совершает экскурсы в изучение русских ученых китайской медицины, ботаники, агрономии, астрономии. Все это дается на фоне постоянного показа автором состояния обучения китайскому языку в разные периоды. Кадры, знающие китайский, а прежде и маньчжурский языки, являлись базой и условием развития всех форм китаеведения.

Для подхода к предмету П. Е. Скачкова характерен большой интерес к рукописным источникам (первоначально он задумал свою работу в виде двух параллельных монографий: одна — описание рукописного наследия русских китаеведов, другая — библиографический словарь). Называя и кратко оценивая изданные китаеведческие труды, автор особенно подробно останавливается на лежащих в архивах рукописях (неизданные произведения, дневники и т. п.), многие из которых в разные годы были открыты самим

П. Е. Скачковым. В книге даны ценные приложения, в том числе списки архивных источников (биографические документы, рукописи трудов китаеведов), занимающие страницы 362—459, список личного состава Российской духовной миссии в Пекине за 1715—1864 гг. (стр. 358—361). Изданные труды китаеведов приводятся в общем контексте «Примечаний» (стр. 292—349).

Разумеется, картина изучения Китая в России за такой большой период настолько широка, что даже при указанном подходе автора остались области, недостаточно или вовсе не освещенные в исследовании. П. Е. Скачков отмечает это на первых же страницах: «Вполне понятно, — пишет он, — что, кроме вопросов, затронутых в «Очерках» и так или иначе решенных, осталось много проблем, требующих специального рассмотрения».

Признав это, китаевед-энтузиаст делится с читателями своей мечтой о том, что когда-нибудь будет создан труд, который вберет в себя все, что было написано в нашей стране по Китаю, включая историю музеев, статьи в прессе, работы переводчиков, деятелей искусств, специалистов по естественным наукам и т. п. «Конечно, это под силу только большому коллективу авторов. Организация такой работы, — заключает П. Е. Скачков, — на наш взгляд, не терпит отлагательства» (стр. 11—12). Программа грандиозная, и первоочередным, на наш взгляд, является углубление поднятой в книге П. Е. Скачкова историографической темы (поскольку сама книга, при всей ее комплексности, является частью прежде всего истории исторической науки). Нужны дальнейшие оценки и критика концепций русских историков-китаеведов. «Очерки истории русского китаеведения» не только создают прочную фактографическую и справочную базу для этого, но и сами содержат тщательно продуманные, объективные оценки вклада в науку различных ученых, их работ и отдельных положений. Особенной целью отличаются разделы глав I—III, описывающие ранние этапы китаеведения. Вершиной представляется глава III о «Бичуринском периоде» отечественной синологии, удачно строящаяся вокруг одной личности — Н. Я. Бичурина (в дальнейшем, по мере того как изложение неизбежно все более перестраивается «по учреждениям», деятельность таких крупных ученых, как В. П. Васильев или П. И. Кафаров, обособляется в рамках отдельных глав и разделов).

В «Очерках» на множестве примеров показывается, что господствующей традицией русского китаеведения всегда было уважение к китайскому народу, к его истории и культуре. Помимо Н. Я. Бичурина, симпатии

¹ П. Е. Скачков. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, 505 стр.

² См. П. Е. Скачков. Библиография Китая. М., 1960.

которого к Китаю хорошо известны, дружеские чувства к китайскому народу высказывали другие китаеведы, некоторые выражали сочувствие освободительной борьбе китайцев, например К. А. Скачков (см. стр. 161), П. И. Кафаров (см. стр. 169). Совершенно прав П. Е. Скачков, замечая, что русские синологи «зачастую ставили задачи более широкие, чем этого требовала практика», в частности практические потребности царской политики в отношении Китая, китаеведение «было неразрывно связано и с общим процессом развития гуманитарных отраслей знания и общественной мысли в дореволюционной России» (стр. 10). В отдельных случаях ученые рисковали даже выступать вразрез с официальной политикой: автор напоминает о смелой лекции старейшего китаеведа первых лет XX в. П. С. Попова в Петербургском университете в 1902 г. (стр. 261).

В ряде случаев в книге преодолеваются оценки и предубеждения предшествующих историков науки. Так, юбилейные статьи о Н. Я. Бичурине, печатавшиеся в 1948—1956 гг., при всей их ценности, проявляли определенную склонность заранее становиться на сторону Бичурина во всех случаях полемики между ним и О. И. Сенковским, а также другими востоковедами того времени. «Очерки истории русского китаеведения», отвоя Н. Я. Бичурину заслуженно высокое место в истории русской науки, в то же время не без основания предупреждают читателя, что «имеющее место у ряда авторов полное неприятие всех критических замечаний О. И. Сенковского в адрес Бичурина несерьезно и не дает возможности правильно оценить современную Бичурину критику его трудов» (стр. 121—122). То, что П. Е. Скачков говорит здесь по поводу критики О. И. Сенковского, тем более верно, по нашему мнению, относительно и других оппонентов Н. Я. Бичурина — Я. И. Шмидта, Ю. Клапрота.

Касаясь спора между А. М. Позднеевым и В. П. Васильевым по поводу научной характеристики ученика последнего — А. О. Ивановского, автор «Очерков» становится на сторону Васильева, заявляя: «Оценку А. О. Ивановского, данную ему А. М. Позднеевым, считаем резкой, недоброжелательной и необъективной» (стр. 235). Этот вывод П. Е. Скачкова кажется нам правильным. По-видимому, он может рассматриваться в качестве итога старого спора, до сих пор имеющего определенное значение для научной репутации видного русского ученого А. О. Ивановского, учителя первых советских китаеведов — В. М. Алексеева и А. И. Иванова.

Практическую пользу могут принести содержащиеся в книге рекомендации по опубликованию некоторых архивных документов. Приведем только один пример: упоминая, что в фонде С. Ф. Ольденбурга в Архиве АН СССР находится «практически готовый к публикации большой и ценный

труд» — «Описание пещер Дуньхуана» (25 печ. л.), основанный на материалах экспедиции 1914—1915 гг., — П. Е. Скачков указывает, что «этого издание имело бы громадное научное значение» (стр. 277).

Высшим формальным обобщением исторического развития является, как известно, периодизация. В рецензируемом труде намечены следующие этапы развития китаеведения в России до 1917 г. (стр. 10—11):

- 1) 1608—1727 — период «накопления сведений», «первых попыток создать труды о географическом и политическом положении Китая»;
- 2) 1727—1805 — изучение Китая членами Российской духовной миссии в Пекине, начало «академических исследований истории, культуры, языков маньчжуров, китайцев и других народов, входивших в Цинскую империю»;
- 3) 1805—1860 — начало «преподавания китаеведческих дисциплин в университетах», достижение «русским китаеведением уровня мировой синологии»;
- 4) 1860—1895 — «намечаются тенденции к дифференциации китаеведческих дисциплин», «появляются первые работы, критически осмысливающие настоящее и прошлое Китая»;
- 5) 1895—1917 — «изучение Китая в годы подъема национально-освободительного движения китайского народа и в канун Великой Октябрьской социалистической революции в России». Здесь (стр. 11) автор не дает качественной характеристики состояния науки этого этапа, но, как показывает содержание последней главы «Очерков» (гл. VI), начало XX в. характеризуется настойчивыми попытками перевести китаеведение на более практические рельсы для обслуживания растущих нужд текущей жизни и политики.

С предлагаемой периодизацией в общем можно согласиться с той оговоркой, что конкретные даты, начинающие тот или иной этап, в приведенной схеме пока представляются спорными и не всегда согласуются с общен исторической периодизацией. Почему, например, 1608 г., а не 1618 (год поездки И. Петлина); почему 1805, а не 1828 (выход первых книг Н. Я. Бичурина); почему 1860, а не 1855 (год сосредоточения китаеведческих сил в Петербургском университете); может быть, важен не 1895 г., когда в китаеведении ничего не произошло, а 1899 (когда открылся институт во Владивостоке).

Лишь 1727 г. (с которого начинается изучение Китая в пекинской духовной миссии) как века не вызывает возражений.

Одно из достоинств рецензируемой книги в том, что, затрагивая множество проблем, она как бы приглашает к серьезному разговору о них, к размышлению. Можно поспорить, например, о том, выражал ли С. М. Георгиевский «взгляды передовых русских людей на Китай» (стр. 232): этот автор, действительно высказывая многие верные мысли, поднимал в то же время на щит консервативные «принципы» современного ему феодального китайского общества, дойдя до предложения заимствовать у Китая телесные наказания³.

Не вполне ясно отношение П. Е. Скачкова к проводившимся с конца XIX в. реформам в китаеведении, целью которых было повернуть изучение Китая (и всего Дальнего Востока) лицом к современности. Душой реформ был монголовед А. М. Позднеев. Цитируя взаимные упреки сторонников реформы и защитников традиционного «академического» направления, П. Е. Скачков, судя по тону, не соглашается с А. М. Позднеевым (стр. 263); впрочем, перейдя затем к детнишу Позднеева — Практической восточной академии (в которой, между прочим, учился и сам П. Е. Скачков), автор «Очерков» признает, что дать окончательную оценку академии, просуществовавшей всего семь лет, трудно (стр. 283).

На наш взгляд, вся трудность ответа на поставленный здесь историей науки вопрос объясняется тем, что приближение китаеведения к жизни, на котором настаивал А. М. Позднеев, в условиях конца XIX — начала XX вв., естественно, означало и большее сближение китаеведов с практическими ведомствами царской России. Реформа китаеведения поэтому воспринималась многими, начиная с В. В. Бартольда, как более активное служение внешней политике царизма. Но следует иметь в виду и то, что независимо от империалистических целей держав на Дальнем Востоке задачи расширения знакомства с современным Китаем и с китайским языком на рубеже XIX и XX вв. сту-

пались в дверь; практическое же китаеведение могло быть использовано как для захватнической, так и для мирной политики, как для воспитания отчуждения между народами, так и для их добрососедского сотрудничества.

Изучение современного Китая, его экономики, культуры, государственного строя и т. д. продолжало прогрессировать в нашей стране при советской власти, провозгласившей политику Братской помощи Китаю, и в наши дни достигло большого размаха. Важно, что практическое китаеведение сочетается при этом с академическим, в котором изучению исторического прошлого Китая принадлежит подобающее место.

Отдельные мелкие замечания, почти неизбежные при рассмотрении труда такого масштаба, мы приведем не потому, что они могли бы как-то повлиять на общую его оценку, а просто в помощь читателю. Стоило бы упомянуть, например, что молдавский народ рассматривает П. Милеску-Спафария (стр. 24) в качестве одного из своих первых просветителей, в Кишиневе ему поставлен памятник. А. И. Андреев, в нашем представлении, не «историограф» (стр. 26), а источниковед. Основная фамилия Избрата Идеса не «Идес» (стр. 29), а Избрант; имя Россохина лучше писать не «Илларион», а Ларион; фамилия Т. Уэйда в книге неточно транскрибируется «Вэд» (стр. 252, 259). На стр. 132 две фактических ошибки: С. В. Липовцов поднес якобы в 1816 г. Николаю I (вступившему на престол в 1825 г.) свою «Историю царствующей ныне в Китае династии», в скобках зачем-то указывается, что речь идет о династии Мин, хотя ниже выясняется, что это был перевод истории Цин, а слово «Мин» вкралось в название рукописи ошибочно (стр. 406).

В заключение повторим, что выход «Очерков истории русского китаеведения» — праздник для специалистов по Китаю. Они будут служить всем нам настольной книгой. Кроме того, «Очерки», безусловно, станут базой многих исследований по истории отдельных проблем и отраслей китаеведения.

В. Н. Никифоров,
доктор исторических наук

³ См. С. Георгиевский. Важность изучения Китая. СПб, 1890, стр. 240.

* * *

Коммунистический Интернационал Молодежи и молодежное движение в 1919—1943 гг.*

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС выпустил двухтомный сборник документов по молодежному движению и деятельности Коммунистического Интернационала Молодежи в 1919—1943 гг. Данный сборник является очень полезным изданием для изучения молодежного движения в мире, деятельности Коминтерна и КИМа по идейно-политическому и организационному укреплению коммунистических союзов молодежи. Большинство включенных в сборник документов и материалов с момента их первой публикации в 20—30-е годы не переиздавались, 49 документов не публиковались на русском языке, а 51 документ публикуется впервые.

История международного коммунистического движения молодежи — неотъемлемая часть истории борьбы рабочего класса и всех трудящихся против капитала и фашизма, за мир, демократию и социализм. Один из важнейших ее периодов связан с деятельностью Коммунистического Интернационала и Коммунистического Интернационала Молодежи (с момента их создания в 1919 г. до роспуска в 1943 г.), проводивших огромную работу по классовому воспитанию юношества, вовлечению его в общий фронт пролетарского и национально-освободительного движений.

Рецензируемый сборник посвящен этому большому, богатому событиями периоду коммунистического молодежного движения.

Хорошо известно, что вожьд мирового пролетариата, основатель Коммунистического Интернационала В. И. Ленин разработал идейно-теоретические, политические и организационные основы коммунистического движения, определил его основные стратегические установки, развил учение о тактике. Именно по инициативе и под руководством Ленина был создан Коммунистический Интернационал Молодежи — международное объединение революционных союзов рабочей молодежи. Велик вклад вождя мирового пролетариата в разработку Коминтерном политики в области молодежного движения. Положение марксизма-ленинизма о единстве и преемственности поколений пролетарских борцов, задачах и методах ре-

волюционного воспитания молодежи, единстве воспитательных задач и практической классовой борьбы, о взаимоотношениях между партийными организациями и союзами рабочей молодежи легли в основу деятельности коммунистических молодежных организаций разных стран.

Исторический опыт молодежного движения, накопленный Коминтерном и КИМом, имеет огромное значение и сегодня, в условиях, характеризующихся повышением социально-политической активности демократической молодежи во всем мире, усилением работы компартий по воспитанию подрастающего поколения.

Документы, выработанные Коминтерном и КИМом в период 1919—1923 гг., составили идейно-политическую и организационную основу международного коммунистического движения молодежи, соответствующую целям и принципам Коминтерна. Борясь за осуществление курса Коминтерна, КИМ стал верным помощником коммунистов на всех участках революционной деятельности.

Документы второго раздела сборника, относящиеся к периоду 1924—1933 гг., отражают деятельность КИМа и его секций в годы частичной стабилизации капитализма и начавшегося в 1929 г. экономического кризиса в капиталистическом мире. Основное место в этих документах занимают проблемы идейно-организационного укрепления коммунистических союзов молодежи и превращения их в массовые организации, вопросы борьбы против наступления капитала, против милитаризма и развязывания империалистической войны.

В этот период одной из главных задач коммунистов была борьба в защиту СССР против опасности новой военной интервенции капиталистических держав. Важную роль в деле борьбы против военной опасности в защиту Советской России сыграл конгресс юных друзей СССР (1927). Представители рабочей молодежи капиталистических стран, молодежи Востока, коммунисты и комсомольцы, социал-демократы, беспартийные заявили о своей решимости вести борьбу против угрозы империалистического нападения на Советский Союз, мобилизовать широкие массы трудящейся молодежи на защиту СССР. «Защищая Советский Союз,— говорилось в Резолюции конференции молодых друзей СССР,— трудящаяся молодежь других стран защищает дело своего класса против своих классовых врагов, буржуазии собственной страны; защищает маяк, который показывает путь в будущее молодым пролетариям и крестьянам всего мира. Она защищает государство, которое первым вывело трудящуюся молодежь из тьмы империалистического рабства на свободный путь преобразования жизни на новых, социалистических началах».

Одной из важнейших сторон деятельности КИМа, широко отраженной в сборнике, было движение за укрепление пролетарской солидарности. По призыву КИМа под лозунгами «Против империалистической войны!»,

* Коминтерн, КИМ и молодежное движение (1919—1943). Сборник документов. М., 1977, т. 1 (1919—1933), 463 стр.; т. 2 (1934—1943), 319 стр.

«Руки прочь от Китая!», «Долой войну в Сирии и Марокко!» в 1925—1926 гг. выступили сотни тысяч молодых рабочих во многих странах мира.

«Империалистические правительства Англии, Японии, Соединенных Штатов, Франции и Италии стягивают свои военные суда, сухопутные и морские силы в Шанхай,— говорилось в воззвании Исполкома КИМа против интервенции в Китае от 6 февраля 1927 г. — Военные приготовления принимают сейчас особенно острый характер. Достаточно одной искры, чтобы зажег пожар на всем Востоке. Тогда империалистическая интервенция примет форму массового уничтожения тысяч китайцев». «Молодые рабочие,— призывало воззвание,— не дайте себя обмануть! В Китае существует непосредственная угроза войны. Молодые рабочие, вы должны без промедления начать борьбу против грозящей военной опасности! Побуждайте массовые рабочие организации к действию! Создавайте комитеты «Руки прочь от Китая!»! Требуйте немедленного признания кантонского народного правительства и уничтожения всех привилегий иностранных капиталистов в Китае» (т. 1, стр. 316).

В этот период коммунистические союзы молодежи усиливали борьбу против фашистской опасности, которая в начале 30-х годов особенно угрожающие размеры приняла в Германии.

III раздел сборника охватывает 1934—1943 гг., то есть период борьбы международного коммунистического и рабочего движения, в том числе молодежи, за создание единого рабочего и широкого народного фронта против фашизма, а затем и против фашистской агрессии во время второй мировой войны.

Важной заслугой Коминтерна и КИМа являлась выработка обширной программы завоевания на сторону коммунистических союзов молодежи многомиллионных масс молодых труженников города и деревни. III Конгрессом Коминтерна 12 июля 1921 г. была принята специальная резолюция «Коммунистический интернационал и коммунистическое движение молодежи», которая ориентировала коммунистические союзы молодежи на завоевание широких слоев рабочей молодежи посредством упорной и повседневной борьбы за их ближайшие экономические требования, а также путем углубления политико-воспитательной работы. Принципиальное значение для борьбы против авангардистских тенденций в КИМе имел пятый пункт резолюции, в котором подчеркивалось, что коммунистические союзы молодежи подчиняются программе, тактике и политическим директивам компартий — секций Коминтерна в отдельных странах.

На состоявшемся в июле 1921 г. II Конгрессе КИМа, который прошел вслед за III Конгрессом Коминтерна, была принята специальная резолюция о взаимоотношениях между коммунистическими партиями и коммунистическими союзами молодежи. «Новый

период деятельности КСМ, — подчеркивалось в документе, — требует новых форм взаимоотношений между ними и коммунистическими партиями, теснейшей связи между обеими организациями. Политическое подчинение коммунистическим партиям, единственным руководителям всех отрядов революционного пролетариата, сохранение организационной автономии и установление тесного сотрудничества в совместной борьбе и работе — таковы в основном эти формы» (т. 1, стр. 91—92). Как писал чуть позднее один из ответственных работников КИМа, «историческое значение II мирового Конгресса КИМа в том, что этот конгресс дал в основном всем союзам правильную линию, соответствующую новой ситуации»¹.

Именно поэтому данная резолюция II Конгресса КИМа была в тот период своевременной и необходимой. Это доказывает положение в молодежном движении Китая. Социалистический союз молодежи Китая после своего создания в 1922 г. пытался брать на себя функции КПК, подменять коммунистическую партию, несмотря на предупреждения КИМа. IV съезд КПК, проходивший нелегально с 14 по 21 января 1925 г. в Шанхае, вынужден был специально уделить внимание этому вопросу. В резолюции IV съезда КПК о молодежном движении вновь подтверждалось, что «комсомол должен абсолютно подчиняться партийному руководству». Съезд был вынужден признать, что прежние решения об отношениях между партией и ССМК «так и не были осуществлены на практике и ССМК по-прежнему продолжает напоминать вторую партию». В резолюции отмечалось, что во многих случаях в рабочем движении, и особенно в работе среди крестьян, члены ССМК «подменяют партию». «Причины,— подчеркивалось в резолюции съезда о движении молодежи,— заключаются в факте, что союз молодежи до сих пор не понял своих обязанностей, природу своей организации. Многие члены союза молодежи переросли молодежный возраст, и нет никакой разницы между работой, проводимой партией, и союзом. ...Такая ситуация не только тормозит развитие молодежного движения, но и чревата опасностью раскола коммунистического движения»². Наметив ряд мер для усиления партийного руководства молодежным движением, съезд ориентировал ССМК на завоевание широких масс рабочей и крестьянской молодежи, на орабочивание комсомола³.

В качестве другого примера можно привести положение в китайском комсомоле в 1927 г. Серьезной заслугой китайского ком-

¹ «Интернационал молодежи», 1929, № 11, стр. 41.

² Резолюции и декларации IV Всекитайского съезда КПК. Б. м., 1925, стр. 72—73.

³ Подробнее см. В. И. Г л у н и н. О роли пролетариата в китайской революции (к 50-летию IV съезда КПК). — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1, стр. 122.

сомола, направляемого КИМом, явилась в то время борьба с правооппортунистическим руководством, а также борьба с ликвидаторскими и «авангардистскими» тенденциями в руководстве КПК и КСМ. В 1927 г. в КПК имелаась, с одной стороны, группа лиц с ликвидаторскими настроениями, которая настаивала на том, чтобы упразднить комсомол и полностью слить его с партией, а с другой — группа с «авангардистскими» настроениями, стоявшая за то, чтобы комсомол самостоятельно руководил всей борьбой молодежи без партийного руководства. По их мнению, комсомолу следовало стать параллельной партии организацией и называться «партией коммунистической молодежи». В ноябре 1927 г. на расширенном пленуме ЦК комсомола Китая как ликвидаторство, так и «авангардизм» были подвергнуты серьезной критике. Пленум, работой которого руководил Жэнь Би-ши (в 1925—1927 гг. член ЦК КСМ, в 1926—1927 гг. — секретарь ЦК КСМ), правильно указал, что ликвидация КСМ и слияние комсомольских организаций с партией под предлогом концентрации сил и укрепления партии неизбежно привели бы к снижению революционной роли рабочей и крестьянской молодежи, к ослаблению влияния партии в массах молодежи.

Пленум подчеркнул необходимость сохранения и всемерного укрепления КСМ как организации передовой революционной молодежи, ближайшего помощника КПК. Указав, что революционное движение молодежи является частью общего пролетарского движения, пленум особо отметил, что комсомол лишь передовая организация пролетарской молодежи и что коммунистическая партия может быть и является единственным авангардом пролетариата⁴.

Со времени своего основания КИМ уделял постоянное внимание молодежи колониальных народов и стран Востока. Уже на II Конгрессе КИМа были приняты Тезисы о работе среди молодежи колониальных народов.

С. А. Далин, участвовавший в работе II Конгресса КИМа, вспоминал, что организацию молодежи на Конгрессе Китая представлял Чжан Тай-лэй, были также и делегаты от революционных молодежных организаций из Монголии, Персии, Индии, советских республик — Хивы, Бухары, Азербайджана, Грузии и Абхазии. «Докладчиком по вопросу о революционном движении на Востоке был Ш. Забиров. Он поделился опытом работы среди молодежи в советских республиках Средней Азии и сформулировал некоторые организационные принципы работы среди молодежи колониальных стран»⁵.

⁴ Материалы по истории молодежного движения в Китае, т. 3 (1926—1927). Пекин, 1957, стр. 526—533 (на кит. яз.); «Народный Китай», 1957, № 10, стр. 29; Славная страница в жизни Китая. М., 1957, стр. 11.

⁵ С. А. Далин. Китайские мемуары. 1921—1927. М., 1975, стр. 23.

Далин подчеркивал, что «практического опыта работы среди молодежи колониальных и полуколониальных стран тогда еще ни у кого не было. Мы знали, что в некоторых странах Востока существуют различного рода организации молодежи — от действительно революционных до реакционно-религиозных. Необходимо было рассмотреть вопросы об отношении к этим организациям, о создании комсомольских ячеек внутри них и т. п.»⁶. Далее он вспоминал, что особо важное значение приобрело выступление А. Шацкина о тактике Коммунистического Интернационала Молодежи в колониальных странах. Шацкин отметил, что народы этих стран находятся на различных стадиях экономического и общественного развития. В качестве примера докладчик привел Японию, Китай, Корею и Монголию. При большом разнообразии экономического, социального и политического развития невозможно было установить единую тактику для всех восточных стран. Столь же разнообразным по своему характеру являлось и движение молодежи в этих странах. «Это ясно доказывает нам,— говорил Шацкин,— что мы не можем заранее в точности наметить тактику работы Исполнительного комитета на Востоке»⁷.

Это нашло отражение в Тезисах конгресса, где говорилось: «Ввиду большого разнообразия политического и экономического положения колониальных стран и различных конкретных форм существующих уже юношеских организаций Коммунистический Интернационал Молодежи должен организационные формы своей работы среди колониальных народов тщательно приспосабливать к конкретным особенностям отдельных стран» (т. 1, стр. 115).

III Конгресс КИМ, проходивший в декабре 1922 г., принял специальную резолюцию о работе в странах Востока, где уже более конкретно рассматривалось молодежное движение в Китае, Японии, Корее, Монголии и Индии.

В резолюции отмечалось, что «за истекший год возникли новые организации в Китае и Корее, созданы необходимые предпосылки для окончательного конституирования КСМ Японии, к КИМу примкнул Революционный союз молодежи Монголии, налажена связь с КСМ Турции». Далее констатировалось, что, к сожалению, «это движение захватило главным образом Азию, мало коснувшись молодежи Африки».

В пункте, где анализировалось положение в Социалистическом союзе молодежи Китая, отмечалось, что перед ССМК стоит задача дальнейшего организационного укрепления движения и перенесения главного внимания на работу среди рабочей и крестьянской молодежи, «что союзу следует особое внимание обратить на укрепление дисциплины в рядах его членов, на необходимость установления тесной практической

⁶ Там же, стр. 23.

⁷ Там же, стр. 24.

связи между ЦК ССМК и Исполкомом КИМа» (т. 1, стр. 188—190).

Многократно КИМ и в его лице все прогрессивные молодежные организации и коммунистические союзы молодежи обращались к молодежи стран Востока и их правительствам по конкретным вопросам, затрагивающим судьбы молодежи этих стран. Так, IV заседание Бюро КИМа в 1923 г. выступило с Обращением к трудящейся молодежи Японии, Кореи, Китая и Турции в связи с милитаризацией и преследованиями молодежи правительствами этих стран; 30 октября того же года Исполком КИМа выступил с Обращением к пролетарской молодежи всего мира и к рабочей, крестьянской и студенческой молодежи Японии против белого террора в Японии (т. 1, стр. 221—222, 229—230).

На конференции коммунистических союзов молодежи стран Европы, проходившей в Берлине 21—22 июня 1925 г., была принята специальная резолюция о событиях в Китае. В ней давался анализ последних событий в Китае и говорилось, что, «начавшись с элементарных экономических требований (10-часовой рабочий день, отмена 12—14-часового рабочего дня для малолетних детей и т. п.), выступление рабочих стихийно перешло в острую политическую борьбу с империалистами». «Всемирно-историческое значение движения в Китае заключается и в том, что оно является лишь началом гигантской революционно-освободительной борьбы Востока против империалистов Запада... Китай не только указывает всем остальным колониальным и полуколониальным странам,

что путь их действительной независимости лежит через борьбу широчайших масс против империализма, но он уже втягивает, вовлекает в эту борьбу народы Индии, Египта и т. п. Оправдывается утверждение, сделанное на расширенном пленуме ИККИ, о том, что возможный и наиболее вероятный в ближайшем будущем маршрут мировой революции лежит через Восток, приобретающий все более важное значение в борьбе пролетариата Запада против капитализма» (т. 1, стр. 280—281).

Таким образом, на протяжении почти четверти века КИМ был передовым, ударным отрядом молодежи всего мира в борьбе против капиталистического гнета, реакции, фашизма и империалистической войны. Он был суровой и серьезной школой, мужества и героизма, идейной убежденности, пламенного пролетарского интернационализма, непоколебимой верности идеалам социализма. КИМ был верным помощником и резервом Коммунистического Интернационала.

1 июня 1943 г. было принято решение расширенного секретариата Исполкома КИМа о роспуске Коммунистического Интернационала Молодежи, которое публикуется впервые и закрывает сборник.

Хотя с этого времени КИМ и прекратил свое существование, однако накопленный им революционный опыт и выработанные главные традиции КИМа были унаследованы и развиты последующим коммунистическим молодежным и юношеским движением.

В. Н. Усов,
кандидат исторических наук

* * *

Содружество двух литератур

Когда заходит речь о роли, которую русская классическая литература сыграла в Китае, в памяти встают слова великого Лу Сняя: «Русская литература раскрыла перед нами прекрасную душу угнетенного, его страдания, его борьбу... Из нее мы поняли самое важное: что в мире существуют два класса — угнетатели и угнетенные... Тогда это явилось величайшим открытием, равным открытию огня».

Это было сказано в 1932 г. С тех пор у нас, в Китае и в других странах появилось немало статей, заметок, разделов в монографиях и обзорных работах, в которых

высвечены отдельные грани большой и важной темы взаимодействия двух великих литератур — русской и китайской. В них, в частности, собран немалый фактический материал о переводах русских классиков на китайский язык и о вызванных этими переводами творческих откликах, выявлена идейно-художественная близость между отдельными писателями двух стран. Но это были именно отдельные грани, черточки, не складывавшиеся в цельную картину. Ощущалась нужда в полном, всестороннем исследовании, сочетающем богатство информации с ее теоретическим осмыслением. Таким исследованием является рецензируемая книга М. Е. Шнейдера¹.

Автор давно интересуется темой взаимосвязей двух литератур народов-соседей.

¹ М. Е. Шнейдер. Русская классика в Китае. М., «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1977, 271 стр.

Ей уделено немало места в его монографии «Творческий путь Цюй Цю-бо» (М., 1964) — ведь этот замечательный коммунист-интернационалист был одним из неутомимых пропагандистов русской и советской литературы в Китае. Нынешнее исследование есть результат многих лет кропотливого труда по сбору и обобщению огромного историко-литературного материала — труда, в котором немалую помощь ему оказала возможность работать (в 1965—1966 гг.) в пекинских книгохранилищах.

В широком плане рассмотрения «истории литератур разных народов в контексте единого мирового литературного процесса» М. Е. Шнейдер видит задачу своего и подобных ему исследований в «выявлении новых фактов генетического родства, типологических сходжений, взаимосвязей и взаимообогащения творчества художников слова различных литератур Запада и Востока» (стр. 3). Более конкретно направление научных поисков автора обозначено в подзаголовке книги: «Переводы. Оценки. Творческое освоение». Речь, следовательно, идет о том, каким образом и какие произведения русских классиков становились достоянием китайской читающей публики, какую реакцию они вызывали и какое влияние на художественную практику китайских соотечественников они оказывали.

Ссылаясь на многочисленные высказывания китайских писателей 20—50-х годов, автор книги подводит читателя к мысли о том, что русская литература не была для китайцев лишь еще одной из ряда иностранных литератур, что интерес китайской общественности к ней был особо пристальным и глубоким. Это объяснялось, как показано в монографии, чертами сходства в общественно-историческом развитии двух стран, огромным резонансом, который вызвала в Китае Великая Октябрьская революция, а также внутренними потребностями новой китайской литературы, искавшей наиболее эффективные пути помощи народу в его освободительной борьбе.

Существенное значение для дальнейших теоретических и историко-литературных разработок может иметь научно обоснованная периодизация истории распространения русской литературы в Китае, впервые предложенная М. Е. Шнейдером. Им выделено четыре этапа. Начальный охватывает первое и второе десятилетия XX в. (появление переводов первых русских произведений — трех басен Крылова — автор датирует 1900 г.). Второй начинается с движения «4 мая» 1919 г. и продолжается до конца 20-х годов. Третий этап охватывает годы борьбы против японской агрессии и освободительной войны. Четвертый начался с образованием Китайской Народной Республики и продолжался более десяти лет (стр. 20). Каждому из этапов в книге дана достаточно подробная характеристика, в которой особое внимание уделено важнейшим политическим, идейным и литературным фак-

торам, определявшим выбор произведений для перевода, масштаб и направленность популяризаторской работы, пути освоения китайскими писателями творческого опыта русских классиков.

Детализируя эту общую картину, автор говорит о литературных объединениях и периодических изданиях, больше других занимавшихся распространением иностранной, в том числе русской, литературы в Китае. При этом в поле его зрения попадают не только широкоизвестные журналы «Синь циннянь» или «Сяошо юэбао», но и пользующиеся не столь громкой репутацией «Синь шэуэй», «Цзефан юй гайцзао» и т. д. Он называет имена многих литературных работников, послуживших благородному делу расширения интернациональных контактов китайской культуры, — Чжэн Чжэнь-до, Цюй Цю-бо, Гэн Цзи-чжи, Сяо Саня, Тянь Хая и многих других.

М. Е. Шнейдер подчеркивает: «неоценимое значение для утверждения в Китае научных взглядов на литературу, для выработки правильного отношения к культурному наследию» имели работы и высказывания В. И. Ленина, а также «статьи Плеханова, Луначарского и других теоретиков-марксистов» (стр. 39). Впервые они стали известны в Китае в конце 20-х — начале 30-х годов. После 1949 г. работа по распространению идей марксистско-ленинской эстетики, равно как и популяризация творчества русских классиков, приобрела небывалый размах. В 50-е годы выходят также переводы советских трудов по истории русской классической и советской литературы и содержательные работы китайских авторов на эту тему (например, книга Ся Чуань-цзя «Беседы о традиционной литературе Советского Союза», 1954). Но с 1959 г., отмечается в книге, начались вульгаризаторские наскоки на творчество русских классиков, принявшие характер полного отрицания в канун «культурной революции», на долгие годы оборвавшей международные связи китайской литературы.

Поставленные в первой, носящей характер общего вступления главе проблемы пристально исследуются в остальных шести, посвященных истории распространения, интерпретации и освоения творческого наследия А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, А. П. Чехова, Л. Н. Андреева и А. М. Горького в Китае.

Обосновывая выбор в качестве объекта исследования наследия именно этих писателей, автор ссылается на «наличие в науке довольно полного работ о судьбе произведений Л. Толстого, Тургенева и Гоголя в Китае», что, по его мнению, «исключает пока первостепенную необходимость дальнейшей разработки этих тем» (стр. 13). С этим трудно согласиться. Правда, имеется основательная монография А. И. Шифмана «Лев Толстой и Восток», но и она не может претендовать на полноту охвата китайского материала. О Тургеневе же и Го-

голе в Китае есть лишь отдельные несистематизированные высказывания и наблюдения. Но автор прав в том, что в рамках одного исследования было немислимо охватить всю отечественную классику — это привело бы либо к непомерному увеличению его объема, либо к досадной неполноте и беглости изложения. Произведенный отбор следует признать весьма удачным, поскольку на его основе автору удалось не только воссоздать детализированную картину процесса распространения и освоения русской классики в Китае в его существенных аспектах и тенденциях, но и внести вклад в решение некоторых теоретических проблем взаимодействия национальных литератур.

Книга базируется на обширном и добротном фактическом материале, в ней учтено все или почти все, что было добыто трудами предшественников (из сколько-нибудь существенных упущений следует указать лишь на недостаток внимания к работам словацкого сиолога М. Галлика о влиянии европейской литературной мысли на Китай). Немалое число источников, главным образом на китайском языке, впервые вводится в научный оборот, а ведь синологам хорошо известно, с какими трудностями связаны поиски новых материалов по истории китайской литературы первых десятилетий нашего века. Основываясь на этих источниках, М. Е. Шнейдер значительно расширяет и уточняет наши представления о характере и масштабах контактов двух литератур, уточняет атрибуцию и датировку ряда переводов, выявляет и устраняет фактические неточности, порой довольно существенные.

Так, в апреле 1931 г. М. Горькому было направлено Воззвание Лиги левых писателей Китая, содержавшее протест против убийства чанкайшитами пяти литераторов-революционеров, с просьбой содействовать возможно более широкому его распространению. Китайский литературовед Гэ Бао-цюань, исходя из того, что в момент отправки воззвания Горький лечился в Италии, сделал (в статье 1961 г.) вывод, что писатель, «весьма вероятно, не распорядился по поводу этого документа» (стр. 184). Сопоставляя факты и даты, М. Е. Шнейдер убедительно показывает ошибочность этого заключения. Вскоре после возвращения Горького, в мае того же года, в «Литературной газете» была развернута кампания против гоминьдановского террора, в поддержку революционных деятелей китайской культуры. Также с ведома Горького в журнале «Литература мировой революции», выходившем в Москве на четырех языках, был опубликован текст, посвященный. Как и многие другие, этот факт говорит о горячей заинтересованности великого пролетарского писателя в судьбах китайской революции, о его неизменной поддержке китайских собратьев по перу в их тяжелой борьбе.

Следует отметить, что, указывая на отдельные ошибки и промахи китайских популяризаторов и исследователей русской литературы, автор книги делает это тактично, справедливо говоря в первую очередь об объективных преградах, стоявших перед китайскими литераторами, в том числе затрудненность прямых контактов с СССР до 1949 г. и проистекающий отсюда недостаток достоверной информации. Вообще исследование — и в этом его немаловажное достоинство — написано с большим уважением к нередко подвижническому труду китайских переводчиков и интерпретаторов наших классиков.

Несомненный интерес — и познавательный, и теоретический — представляют наблюдения и выводы автора относительно различных форм национальной адаптации иноязычной классики — в частности пьес А. Н. Островского в Китае. Так, авторы переработки пьесы «Грех да беда на кого не живет» Цянь Ин и Чжан Гэн не просто перенесли место действия в Китай кануна антияпонской войны, но и задались целью «обратить безоговорочное сочувствие Островского мелкой городской буржуазии и его отрицательное отношение к дворянству обратить в критику жизни и мировоззрения буржуа». Естественно, пьеса изменилась до неузнаваемости. Достаточно сказать, что вместо малосимпатичного помещика Бабаева в китайском варианте, озаглавленном «Любовь и ненависть», фигурирует молодой офицер Бай, уходящий на фронт защищать страну.

Иное дело — переработка «Бесприданницы», осуществленная известным драматургом Чэнь Бай-чэнем (под названием «Любовь над обрывом»). И здесь действие разворачивается в Китае — в Чундине 1945 г. — и здесь герои носят китайские имена. Но «сюжет пьесы Островского и фабула не изменены, в обрисовке действующих лиц тоже мало изменений». Из этих и других многочисленных примеров автор делает закономерный вывод, что «в рамках той же национальной адаптации возможна коренная переделка основного замысла драматурга — автора оригинала... точно так же, как и простая замена условий, обстоятельств, имен действующих лиц на все китайское... В первом случае, где степень адаптации значительно ощутимей, мы уже имеем дело... с новым произведением китайских авторов» (стр. 97).

Внимание читателя наверняка привлекут те места книги, в которых автор анализирует выявленные им случаи сюжетного и тематического схождения произведений писателей двух стран. Убедительны его соображения о влиянии горьковского рассказа «Страсти-мордасти» на рассказ молодого в ту пору (1922) писателя Ван Тун-чао «Мальчик на берегу озера». Более спорны, но сами по себе содержательны рассуждения о теме «психологической за-

шнты» у Достоевского, Чехова и Лу Синя («Правдивое жизнеописание А-Кью»).

Чаще, однако, автор говорит не о таких, так сказать, непосредственно осязаемых случаях воздействия одной литературы на другую. Объясняя причины обращения китайских литераторов к той или иной русской книге, М. Е. Шнейдер большей частью указывает на свойственные русской классике гуманистические черты, идеи свободолюбия, углубленный реализм, искреннее сочувствие простому человеку. На первый взгляд такие объяснения могут показаться слишком общими. Но если говорить по большому счету, суть все-таки именно в этих основополагающих категориях. Ведь прямым подражанием или переделками иноязычных произведений занимаются обычно писатели второго и третьего ранга. Действительно же крупные таланты если и отдадут дань заимствованиям, то, как правило, в начальный период творчества. В дальнейшем обращение к иностранной литературе оказывает на них не столь прямое, но зато более глубокое воздействие — открывает новые идейные горизонты, подсказывает возможность иных углов зрения и художественных приемов, помогает дальше проникнуть в тайны человековедения — главной для литератора науки. А именно об этом и идет, по существу, речь в рецензируемой книге.

Нельзя не сказать, однако, что иногда идейная переключка писателей разных стран и эпох трактуется несколько прямолинейно. Так ли уж очевидно, что китайские ин-

теллигенты периода движения «4 мая» обратились к «Морскому плаванию» Тургенева потому, что «в условиях мрачной китайской действительности» они чувствовали себя «такими же одинокими и неприкаянными» (стр. 32), как герой этого произведения? Можно ведь сделать и другие предположения. Иное дело, если бы такое объяснение дал сам переводчик или тогдашний критик.

Из отдельных глав и разделов наиболее удачными и содержательными представляются страницы, посвященные творчеству Островского, судьбам горьковской драматургии в Китае, характеру влияния Чехова на китайских писателей. Особо хочется выделить главу о Леониде Андрееве: автору удалось по-новому, без упрощений и «выпрямлений», рассказать о том, как восприняла китайская аудитория сложное творчество этого художника слова.

Наверное, в дальнейшем появятся новые работы, которые раскроют перед нами иные аспекты большой темы взаимодействия русской и китайской литератур, будут применены более тонкие методы анализа, сделаны новые находки. Но за книгой М. Е. Шнейдера останется значение первого обобщающего, фундаментального исследования, весомого вклада в ориенталистское литературоведение и в дело взаимопонимания двух культур народов-соседей.

В. Ф. Сорокин,

кандидат филологических наук

Научная конференция литературоведов

Второе десятилетие принимает Ленинград участников Всесоюзных конференций по теоретическим проблемам дальневосточных литератур. От Ленинграда и Москвы до Владивостока — таков географический диапазон участников этих конференций. От мифологии и древних памятников до современной литературы — таков хронологический диапазон докладов; от традиционной поэзии до новой драматургии театра и кино — таков диапазон жанровый; от конкретного анализа одного произведения до размышлений о национальном сознании и выражении его в искусстве Востока; национальные аспекты и межнациональные связи Китая, Японии, Кореи, Вьетнама, Монголии.

Подобная широта и глубина инспирировали мысль о необходимости сделать общий обзор научного вклада ленинградских конференций в советское востоковедение. Это пожелание прозвучало на VIII научной конференции (январь 1978 г.) во вступительном слове руководителя Ленинградского отделения Института востоковедения Ю. А. Петросяна и в заключительном обобщении, сделанном от имени оргкомитета В. Ф. Сорокиным.

Нынешняя конференция ознаменовала собой вступление в новый этап, хотя нововведение на первый взгляд может показаться незначительным: бывшие сборники тезисов превратились в сборники тезисов и докладов. Книжка утолщилась вдвое, но зато и количество докладчиков почти удвоилось: если раньше таковыми практически могли считаться лишь те, кто поднялся на трибуну и развил мысли, намеченные в тезисах, то публикация полных текстов дает возможность включить в круг обсуждения на конференции и в последующий научный оборот также и те доклады, которые по разным причинам не были зачитаны. Более того, практически увеличиваются и объемы докладов — устное выступление вполне может стать не повторением, а продолжением опубликованного.

Эти изменения не могли не повлиять на характер подготовки конференции, но не всеми это было учтено, в том числе и оргкомитетом, который выпустил сборник к началу конференции, как и в прежние годы, тогда как его новая форма требует запаса времени для ознакомления с текстами.

Вниманию участников были представле-

ны 59 докладов, 36 из которых были вынесены на трибуну. Примечательно, что хронологически наиболее близкие к нам, наиболее животрепещущие проблемы составили обрамление конференции. Первые два заседания были отданы литературе новейшего времени. Заседания последнего дня были посвящены литературе нового времени, а также переводческим аспектам — то есть сегодняшнему процессу, который затрагивает также и завтрашнее состояние восточных литератур в нашей стране.

Современность вызвала большой интерес участников конференции. Исследования древности и средневековья в лучших своих образцах не замыкаются в себе, а ищут выхода в сегодняшний день, способствуя более углубленному пониманию протекающих сегодня живых процессов на огромном историко-культурном материале. И наоборот, сегодняшние процессы невозможно рассматривать изолированно от многовекового фундамента прошедших веков.

Потому-то китаеведы (а их на конференции большинство) и их коллеги с пристальным вниманием выслушали три доклада, в которых анализировались процессы, возникшие в литературно-художественных сферах КНР в последние полтора года. М. Е. Шнейдер четко показал критическую разногласию в отношении к литературе КНР в 1976—1977 гг. А. Н. Желуховцев на примере исторического романа Яо Сюэ-яня «Ли Цзы-чэн» вскрыл методы работы писателя в КНР. С. А. Торопцев проанализировал киносценарий «Начало», легший в основу фильма, выдвинутого в конце 1976 г. в качестве нового «образца» для литературы и искусства КНР (немногим, однако, отличающегося от своих предшественников — «образцовых спектаклей»). В докладах В. Г. Годыны и М. Ю. Кима, в целом посвященных периоду 50—60-х годов, были затронуты и сиюминутные моменты: противопоставление драмы У Ханя «Разжалование Хай Жуя» сегодняшней так называемой исторической прозе, которая в ассоциативной манере восхваляет Хуа Го-фэна, и тенденциозное использование латиноамериканской литературы в КНР для доказательства некоей «всемирности» выдвинутого Мао Цзэ-дуном «творческого метода сочетания революционного реализма с революционным романтизмом».

В ярких докладах В. В. Петрова и В. Ф. Сорокина были затронуты сравнительно малозвестные моменты: деятельность небольшого общества конца 20-х годов «Мы», внесшего свой вклад в развитие революционной литературы Китая, и широкое полотно литературного бытия Китая в конце 40-х годов. С докладом о художественном образе в китайской поэзии 30—50-х

годов выступил Л. Е. Черкасский. Три участника конференции (В. И. Семанов, О. П. Болотина, А. А. Антиповский) разобрали различные стороны творчества и литературно-общественной деятельности Лао Шэ. Л. А. Никольская рассмотрела проблему влияния Великого Октября на творчество Тянь Ханя. XX в. в литературах Японии, Вьетнама, Кореи, Монголии нашел свое отражение в докладах В. В. Логуновой, Е. М. Пинус, И. В. Жуковой, С. Н. Топорищева, В. И. Ивановой, Л. К. Герасимович, Г. И. Михайлова.

В особую группу внутри современных тем могут быть выделены два дискуссионных доклада. Т. П. Григорьева объяснила некоторые переводческие неточности в работе над древними китайскими текстами, которые были вызваны, по мнению докладчика (оспоренному в обсуждении), несовпадением типов национального мышления (и якобы невозможностью взаимопонимания). Доклад Л. Р. Концевича был посвящен вопросу статуса авторов подстрочных переводов. По мнению докладчика, эти авторы несут не меньшую ответственность за качество перевода, чем авторы художественной обработки, что, к сожалению, не учитывается в издательской практике, принижающей роль подстрочника.

Доклады, посвященные литературам прошлых эпох, показали широту советских исследований: мифологический этап литературы Китая (Б. Л. Рифтин) и Монголии (С. Ю. Неклюдов); становление тибетской литературы (В. С. Дылыкова); жанр биографии, который в Древнем Китае включался в рамки литературной прозы (Л. Е. Померанцева); буддийские аспекты литератур

Японии (В. Н. Горегляд) и Китая (А. С. Мартынов); поэтика дальневосточных литератур (И. А. Боронина, Г. Г. Свиридов, Д. Н. Воскресенский); китайская классическая проза: романы «Сон в Красном тереме» (Пан Ин), «Путешествие на Запад» (С. В. Никольская), «Идиле чжуань» (А. Л. Сергеев); цитация в сборниках Пу Сун-лина и Цзи Юня (О. Л. Фишман); циклизация мотивов в новелле III—IV вв. (К. И. Голыгина).

Широким вниманием исследователей пользуется поэзия, анализируемая весьма объемно — и со структурных позиций, и в эмоциональной целостности, и в социальном плане, и в синтезе с живописью. Интерес вызвали доклады Б. Б. Вахтина и М. Е. Кравцовой, в своих исследованиях применяющих статистические методы. С. Е. Яхонтов с лингвистических позиций показал диалектальные различия в рифмах III—IV вв. Л. Е. Бадылкин сопоставил жанр пейзажа в поэзии и живописи средневекового Китая.

Большинство зачитанных и опубликованных докладов стимулировали оживленные прения на конференции. В целом успех ленинградских конференций несомненен. Они уже настолько прочно утвердились в научном мире, что литературоведческие рамки становятся ей тесны. Возникла идея отпочкования от этой конференции ее искусствоведческого собрата, построенного по схожему принципу. А это лишний раз подтверждает научный авторитет, завоеванный ленинградской конференцией «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока».

С. А. Торонцев

III Всесоюзная конференция Общества советско-китайской дружбы

17 февраля 1978 г. в Москве состоялась III Всесоюзная конференция Общества советско-китайской дружбы. В работе конференции приняли участие активисты Общества советско-китайской дружбы из Москвы и Московской области, посланцы Ленинграда, Украинской, Казахской, Узбекской, Киргизской, Грузинской, Азербайджанской, Таджикской союзных республик, представители Приморья, Хабаровского края и Иркутской области. Среди них были ветераны партии и вооруженных сил, которые в первые послеоктябрьские годы на китайской земле своими практическими делами закла-

дывали фундамент советско-китайской дружбы, и те, кто, развивая эти традиции, в годы антияпонской борьбы китайского народа прошел по дорогам Китая не одну тысячу километров и оставил на китайской земле не одну тысячу своих однополчан. В работе конференции приняли участие передовики промышленности и сельского хозяйства, ведущие советские специалисты и ученые, которые на китайской земле трудились во имя светлого социалистического завтра братского китайского народа. В конференции ОСКД приняли участие и те, кто помогает сделать великое наследие китайского народа, опыта его героической революционной борьбы, его богатой и древней истории, культуры и литературы достоянием широких слоев советской общественности. Это благодаря их труду в нашей стране за последние 10 лет изданы 250 наименований книг по вопросам истории, литературы и искусства Китая общим тиражом 6 млн. экз. В зале были и представители молодежи: студенты и школьники, которые сегодня изучают Китай для того, чтобы продолжить традиции великой дружбы наших стран и

народов. Это единство и сплав поколений — свидетельство правоты великого дела дружбы между советским и китайским народами.

Вся деятельность Общества в отчетный период была направлена на сохранение, укрепление и развитие дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Китайской Народной Республики, на широкое ознакомление советской общественности с ленинской интернациональной политикой КПСС и Советского государства в отношении Китая. На протяжении всей 60-летней истории нашей страны курс на укрепление дружбы и интернациональной солидарности с китайским народом всегда был незыблемым курсом Коммунистической партии Советского Союза, Советского государства.

Воспитанный коммунистической партией в духе братства и уважения к великому китайскому народу, советский народ всегда приходил на помощь народу Китая, как в годы национально-освободительной борьбы, так и в годы мирного строительства. Верный принципам пролетарского интернационализма, Советский Союз сделал все от него зависящее для создания в КНР социалистической экономики, укрепления авторитета Китая на международной арене. Этот принципиальный курс КПСС и Советского государства в отношении Китая всегда пользовался и пользуется единодушным одобрением советских людей.

За годы своего существования Общество советско-китайской дружбы проделало большую работу по ознакомлению советской общественности с различными сторонами жизни китайского народа, его древней историей и богатой культурой, борьбой против внутренних и внешних врагов, его успехами в строительстве новой жизни, а также по ознакомлению китайской общественности с достижениями советского народа в коммунистическом строительстве. Деятельность Общества советско-китайской дружбы способствовала интернациональному воспитанию советского народа в духе дружбы к китайскому народу.

Свою работу Общество советско-китайской дружбы в первые годы своего существования проводило в тесном сотрудничестве с Обществом китайско-советской дружбы, созданным в Китае после образования КНР и много сделавшим для ознакомления общественности Китая с жизнью Советского Союза.

Начиная с середины 60-х годов, по известным причинам, связи между нашими странами значительно сократились. Практически прекратились контакты между обществами дружбы наших стран. Изменились и формы работы Общества, но неизменным осталось ее содержание. Основная задача Общества советско-китайской дружбы была и остается в том, чтобы содействовать лучшему знанию советской общественностью Китая, его древней истории и культуры, его славных революционных традиций, содейст-

вовать воспитанию общественности нашей страны в духе дружбы и уважения к китайскому народу.

В Отчетном докладе Центрального правления Общества советско-китайской дружбы III Всесоюзной конференции ОСКД «Ленинская интернациональная политика Советского Союза в отношении Китая и деятельность Общества советско-китайской дружбы», с которым выступил член-корр. АН СССР С. Л. Тихвинский, отмечалось, что в соответствии с постановлением II Всесоюзной конференции (24 января 1969 г.) Общество советско-китайской дружбы провело за отчетный период более 100 различных рода мероприятий, посвященных важнейшим датам из истории революционной борьбы китайского народа, выдающимся деятелям национально-освободительного и коммунистического движения, всемирно известным деятелям китайской литературы и культуры, знаменательным событиям в истории советско-китайских отношений. Деятельность Общества широко освещалась на страницах советской прессы, в издающихся на китайском языке журналах «Советский Союз» и «Советская женщина», в журнале «Культура и жизнь», информация о ней передавалась по радио.

Общество советско-китайской дружбы торжественно отмечает годовщины провозглашения КНР. На вечера-концерты, которые оно посвящает победе китайской революции и провозглашению народной власти в Китае, приглашаются дипломатические сотрудники Посольства КНР в СССР. Так, отмечая 28-ю годовщину провозглашения КНР, ОСКД принимало в Доме дружбы Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в СССР Ван Ю-пина.

Торжественно было отмечено Обществом 110-летие со дня рождения великого сына китайского народа, революционера-демократа Сунь Ят-сена, ОСКД провело вечер, посвященный 125-летию начала Тайпинского восстания в Китае. Отдавая дань уважения революционным традициям китайского народа, Общество отмечало такие знаменательные даты, как: 50-летие антиимпериалистического и демократического движения «4 мая», 45-летие и 50-летие Шанхайского восстания, 50-летие Пекин-Ханькоуской забастовки, 45-летие начала антиимпериалистической революции в Китае в 1925—1927 гг. и 50-летие начала Северного похода Национально-революционной армии Китая, 45-летие и 50-летие Наньчанского восстания и создания Народно-освободительной армии Китая, 45-я и 50-я годовщины восстания кантонского пролетариата и Кантонской коммуны. Расширенные заседания Центрального правления Общества посвящались 50-летию создания в Китае первых марксистских групп, 50-летию Коммунистической партии Китая и 50-летию V съезда КПК. Обществом были организованы также вечера, посвященные памяти выдающихся деятелей коммунистического движения в

Китае: Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо, Пэн Бая, Дэн Чжун-ся, Чжан Тай-ляя и других.

Свидетельством большого интереса советской общественности к китайской культуре является то, что в последние годы Общество провело большое количество мероприятий, посвященных выдающимся деятелям китайской литературы, музыки, изобразительного искусства, театра, кино.

ОСКД отметило 95-летие со дня рождения основоположника современной китайской литературы Лу Синя, 60-летие со дня рождения известного китайского писателя Чжоу Ли-бо и поэта Инь Фу, 70-летие выдающегося ученого-литературоведа Чжэн Чжень-до и мастеров китайской прозы Лао Шэ и Ба Цзиня, 75-летие известного китайского писателя Мао Дуня и драматурга Тянь Ханя.

Обществом были проведены вечера, посвященные выдающимся китайским поэтам древности Бо Цзюй-и, Ли Бо и Ду Фу. Большой интерес вызвал у активистов общества вечер, посвященный древней классической китайской поэзии. На вечере с чтением своих переводов выступили известные советские переводчики китайской поэзии — М. И. Басманов, Л. Е. Бадькин, Л. Е. Черкасский, Г. Б. Ярославцев и другие. С большим мастерством исполнил произведения китайских классиков член правления Общества народный артист РСФСР И. Н. Русянов. Гостями этого вечера были сотрудники китайского посольства.

За отчетный период Общество советско-китайской дружбы провело также немало мероприятий, которые дали возможность их участникам познакомиться с самообытной пекинской оперой и ее всемирно известным мастером Мэй Лань-фаном, с творчеством известного китайского композитора Не Эра, с основоположниками и лучшими представителями китайской национальной живописи — художниками Ци Бай-ши и Сюй Бэй-хуном, с китайской традиционной живописью «Гохуа». Совместно с Музеем искусств народов Востока ОСКД было организатором выставки декоративно-прикладного искусства Китая, а 24 января 1978 г. в музее при активном участии Общества была открыта выставка китайской классической живописи, с которой с огромным интересом ознакомились многие тысячи москвичей и гостей столицы. На открытии этой выставки присутствовала большая группа сотрудников Посольства КНР.

Обществом был проведен вечер, посвя-

щенный 70-летию китайской кинематографии. В течение последнего времени хорошей традицией стал показ в Доме дружбы китайских художественных и документальных фильмов, которые предоставляет Посольство КНР.

В отчетный период одним из важных направлений деятельности Общества советско-китайской дружбы было ознакомление советской и зарубежной общественности с политикой Советского Союза в отношении Китая на протяжении 60 лет существования Советского государства.

На конференции ОСКД выступили: заместитель генерального директора Московского автозавода им. Лихачева А. Ч. Косицын, член Союза писателей СССР В. Н. Кривцов, член-корреспондент Академии наук Казахской ССР З. А. Ахметов, кандидат филологических наук В. Ф. Сорокин, генерал-лейтенант в отставке А. И. Черепанов и другие товарищи. Выступавшие рассказали о деятельности Общества советско-китайской дружбы, о дружеских чувствах советских людей в отношении китайского народа.

Участники III Всесоюзной конференции Общества советско-китайской дружбы выразили глубокую уверенность в хорошем будущем советско-китайских отношений, в истории которых есть немало страниц революционной дружбы и сотрудничества во имя мира и национального освобождения, социального прогресса и социализма.

Участники III Всесоюзной конференции ОСКД заявили, что они с оптимизмом смотрят в будущее, так как история советско-китайских отношений неопровержимо доказывает, что дружба и сотрудничество между СССР и КНР отвечают коренным интересам народов наших двух стран.

В соответствии с последовательной политикой КПСС в отношении Китая, положениями новой Конституции СССР, в статье 69-й которой записано: «Интернациональный долг гражданина СССР — содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержанию и укреплению всеобщего мира», Общество советско-китайской дружбы будет и впредь служить благородному делу дружбы и братского сотрудничества между советским и китайским народами.

На III Всесоюзной конференции ОСКД был избран новый состав Центрального правления Общества.

Ю. М. Рякин

Сдано в набор 29/XII 1978 г. Подписано к печати 10/V 1978 г. А 10479
 Формат 70×108 1/16. Бум. л. 6,25. Печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 18,01
 Изд. № 26732 Заказ 805. Цена 50 коп. Тираж 17629 экз.
 Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
 Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17
 Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
 г. Чехов Московской области